

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

КУБАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
Научный центр по пропаганде и внедрению инноваций

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ,
ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ И ИНЫХ
СОЦИАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ ИНТЕРЕСОВ**

Материалы II Международной научно-практической конференции
25 мая 2013

Часть II

Краснодар 2013

УДК 343.4 (063)
ББК 7.99 (2) 8
У26

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л.А. Прохоров

д.ю.н., профессор, профессор Кубанского социально-экономического
института, Россия

Д.А. Флудас

д.ю.н., профессор, доцент колледжа Хьюз Холл
Кембриджского университета, Греция

А.С. Жаксыбеков

д.полит.н., профессор
Казахского национального педагогического университета им. Абая,
Республика Казахстан

Л.К. Гаврильченко

к.ю.н., доцент Одесского национального университета им. И. Мечникова,
Украина

Т.В. Пилюгина

к.ю.н., доцент Кубанского социально-экономического института, Россия

Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: материалы II Международной научно-практической конференции (часть II), 25 мая 2013 г. / отв.редактор Прохорова М.Л. Краснодар: КСЭИ, 2013. – 223с.

ISBN 978-5-91276-053-2

УДК 343.4 (063)
ББК 67.99 (2) 8
У 26

©Издательство
Кубанского социально-экономического института, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

І Раздел:

«Актуальные аспекты совершенствования уголовной политики в области обеспечения здоровья населения и общественной нравственности»

Расцветаев С.А. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРКОБЕЗОПАСНОСТИ	6
Сильченко Е.В. ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ НЕЛЕГАЛЬНОГО НАРКОБИЗНЕСА В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	10
Торосян Р.В. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ В УК РСФСР 1922 ГОДА, УК РСФСР 1926 ГОДА И УК РСФСР 1960 ГОДА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	27
Швединская Г.И. К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ И НАДЗОРЕ ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ КУРИТЕЛЬНЫХ СМЕСЕЙ И ПРОВЕДЕНИЕМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ	32

ІІ Раздел:

«Правовое регулирование правоохранительной деятельности в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства»

Бурлакова Я.Ю. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ: ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ ИЛИ СВОБОДА ПОД ЗАЛОГ	36
Гапонова Д.В. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МВД РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	43
Кушников В.В. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ	53
Панкратова О.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ИНВАЛИДОВ	57
Пилюгина Т.В. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ДОЗНАНИЯ	63
Шадрин С.М. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	71

III Раздел:
**«Правовые аспекты противодействия девиантному поведению
несовершеннолетних»**

Перфильева Н., Шитов М.А. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПОЛОВЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	75
Перфильева Н. СТАНОВЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	80
Хомяченко Ю.В. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	86
Чапурко Т.М., Дорошенко Г.С. РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНКИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ О ПОЛОЖЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРЕЧЕНСКОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ)	91
Черник Н.Ю. К ВОПРОСУ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ В XVIII-XX ВВ.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД	96

IV Раздел:
**«Совершенствование уголовной политики в сфере обеспечения иных
социально-значимых интересов»**

Бабахинайте Геновайте, Чапурко Т.М. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЛИТВЕ И РОССИИ	102
Бегларян М.Г., Пичкуренок Е.А. ОТ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ «ЭЛЕКТРОННАЯ РОССИЯ» К ДОЛГОСРОЧНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЕ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»	111
Жинкин А.А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОСТАВОВ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (СТ. 126 УК РФ), НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ (СТ. 127 УК РФ), ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ (СТ. 127.1 УК РФ) И ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКА (СТ. 206 УК РФ)	117

Иванова О. ПОДХОДЫ К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ РОДСТВЕННИКОВ ПО ВОСХОДЯЩЕЙ И НИСХОДЯЩЕЙ ЛИНИЯМ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	122
Кочерга В.А. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОЛЖНОСТНУЮ ХАЛАТНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ	131
Луговенко Т.П., Чапурко Т.М. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН	138
Максимов А. М. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОХРАНУ ЖИВОТНОГО МИРА: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КОНКУРЕНЦИИ ОБЩИХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ НОРМ ГЛАВЫ 26 УК РФ	154
Медведева Э.А. ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: АНАЛИЗ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИВАТИЗАЦИИ ПЕРВОГО ЭТАПА	167
Палавинскене Б., Иванова В.В., Чапурко Т.М. ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ В РОССИИ И ЛИТВЕ	176
Паршина И.А., Машлыкина О.В. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ НЕЗАКОННУЮ ДОБЫЧУ (ВЫЛОВ) БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В РОССИИ	187
Рамазанова Е.П. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИВАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	191
Сафронов Д.А. К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ И ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ	202
Скачко А. В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ, ВЗИМАЕМЫХ С ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА (СТ. 194 УК РФ)	206
Халдина Е.Е. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	220

І Раздел:
**«Актуальные аспекты совершенствования уголовной политики в
области обеспечения здоровья населения и общественной
нравственности»**

Расцветаев С.А.
аспирант СКАГС, Ростов-на-Дону
Rastsvetaev S.A.
graduate SKAGS, Rostov-on-Don

**ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В
ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРКОБЕЗОПАСНОСТИ**

**LEGAL POLITICALFOCS ON CONTEMPORARY RUSSIAN IN
PROVIDING NARCOSAFETY**

Аннотации. Автором предлагаются оценки существующих научных позиций в сфере наркобезопасности, а также исследуются вариации политико-правовой направленности в современном государстве в данной сфере.

Annotation. The author suggests the evaluation of existing scientific positions in narkosafety, and explores variations of political and legal orientation in the modern state in this area.

Ключевые слова: наркобезопасность, политические детерминанты, антинаркотическая политика.

Keywords: narkosafety, political determinants, anti-drug policy.

По данным Организации Объединенных Организаций, самое большое число наркозависимых людей в Иране и Афганистане, и третьей в этом списке значится Россия. Распространяя наркотики, постсоветская мафия тайком подтачивает государство как гаранта безопасности граждан. В этом отношении антинаркотическая проблема однозначно характеризуется как политическая.

В настоящее время в России происходит реализация новой стратегии антинаркотической политики РФ, которую Президент РФ Д.А. Медведев подписал в июне 2010 года. Согласно данному документу, в России должна быть создана система защиты от ввоза наркотиков из-за рубежа, а также уничтожена инфраструктура транспортировки и распространения наркотиков внутри страны. В итоге, выступая в 2010 году с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации, Д.А. Медведев сказал: «Поистине страшная проблема – насилие в отношении детей. По официальным данным МВД, в 2009 году от преступных посягательств пострадали более 100

тыс. детей и подростков. Только вдумайтесь в эту цифру! Многие факты просто переворачивают душу. Детей, чаще всего сирот, детей из неблагополучных семей, вовлекают в наркоманию, проституцию, в другие криминальные сферы. Мерзавцев, которые этим занимаются, нужно наказывать самым суровым образом» [1].

Отчуждение и недостаток близости являются критическими в развитии преступности вообще, и наркопреступности в особенности. Поэтому выявление активного начала в социальном и политическом антинаркотическом действии весьма актуально для создания общественной атмосферы противостояния деятельности наркомафии. Крупные города столкнулись с серьезным увеличением наркотрафика на фоне низкой рождаемости и высокой смертности, в результате чего произошло снижение качества населения, а также уменьшилась инвестиционная привлекательность территорий.

Выявление социополитических детерминант создания и воспроизводства сообществ, в которые входят наркозависимые лица, позволяет разработать механизмы противодействия этому злу. Речь идет о выработке новой стратегии партнерства государства и здоровой части общества. Стратегические программы относятся к таким программам, которые имеют четкую связь в русле реализуемой государственной политики (например, программы антиалкогольной и антинаркотической политики способствующие формированию устойчивых моделей поведения сознательного отказа от употребления наркотических препаратов). Кроме того, важны и оперативные мероприятия, характер которых определяется особенностями соответствующей территории.

В рамках реализации стратегических программ осуществляются мероприятия по существенной корректировке российского законодательства, в частности, речь идет об усилении ответственности за организацию и содержание наркопритонов, вводится конфискация доходов и имущества, приобретенных в результате наркоторговли. Повышается ответственность граждан за употребление наркотиков. При этом употребление наркотиков становится отягчающим обстоятельством любого преступления.

Для повышения эффективности вышеупомянутых мер необходимо создание атмосферы «нулевой терпимости» по отношению к наркобизнесу. Соответственно, не обойтись и без трансформации социальных детерминант важных для обеспечения и политического действия. Все вышеупомянутое и обусловило актуальность темы исследования.

В общественных науках проблематика обеспечения наркобезопасности актуализировалась в последние десятилетия. Основопологающей является социально-экологическая модель [2], в рамках которой наркотизация рассматривается в числе негативных факторов влияющих на общественное развитие. Такие факторы влекут за собой сложную социальную динамику, в изучении которой исследователям приходится выходить на множество уровней анализа и изучать причинно-следственные связи, используемые кумулятивно или в интерактивном режиме. Тем не менее, в политологии указанный методологический подход позволяет повысить эффективность «публичной политики» [3].

Существует прямая связь между распространением наркомании и существованием теневой сферы экономики, частью которой является наркобизнес и связанная с ним субкультура, включая модели поведения несовершеннолетних.

Вместе с тем у специалистов нет единого мнения относительно этичности принудительного лечения. Среди сторонников такого подхода – Артур Каплан из Университета Пенсильвании. С ним не согласна представительница Бостонского университета Кэтлин Кэнтак: «Вакцинация всегда должна проводиться по решению пациента. Лечение будет успешным лишь в том случае, если у человека есть мотивация для избавления от зависимости, иначе он обязательно найдет обходные пути» [4].

К сожалению, политики при принятии нормативных актов не всегда учитывают вышеупомянутый фактор, а также социальные аспекты воспроизводства практик незаконного употребления наркотиков. Социальные аспекты наркомании освещаются С.И. Билкеем, С.К.Бондыревой, О.А. Голосновым, М.Г. Мацкевич, П.А. Мейлас, М.Е.Поздняковой, В.Л.Харсеевой; особенности подросткового наркотизма исследуются в работах Ю.В. Верминенко, Г.П. Гвоздела, Э.А. Колесниковой, М.М. Русаковой; в трудах Р.Р. Гарифулина, А.А. Габиани, А.Е. Личко, Н.А.Сироты разрабатываются механизмы практической работы с лицами, принимающими наркотики; вопросы организации комплексной программы профилактики употребления наркотиков изучают Е.В. Аверина, С.Б. Ваисов, М.В. Еремин, В.П. Кветков, Д.В. Колесов, А.С. Миронов, В.А. Овчаренко, В.С. Хомик и др.

В изучении государственной политики обеспечения наркобезопасности важен такой аналитический инструмент как теория элитизма. Большую роль в развитии этой теории внесли представители ростовской школы по-

литологических исследований А.В. Понеделков, А.М. Старостин, В.Г. Игнатов и другие авторы.

Исследователи доказали, что в условиях транзитивного общества в ситуации социально-политического кризиса девиации становятся одним из способов адаптации отдельных индивидов и социальных групп к быстро изменяющимся общественным условиям.

В рамках политико-правового дискурса проблема наркомании в Российской Федерации относится к числу лакун, в которых часть населения, паразитируя на недостатках и слабостях в организации социальной и экономической жизни, воспитания и образования, способствует воспроизводству многочисленных социальных проблем, среди которых коррупция, безработица, преступность и уменьшение инвестиционной привлекательности территорий. Тем не менее существует большое количество неисследованных лакун, появление которых обусловлено высокой динамикой развития процессов в сфере обеспечения наркобезопасности государства. Заполнению одной из таких лакун и служит проведение настоящего исследования.

Литература:

1. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета – Федеральный выпуск, 2010, №5350 (271) от 1 декабря.

2. Bronfenbrenner U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design. - Cambridge, MA: Harvard University, 1979; Dahlberg L.L., Krug E.G. Violence – A Global Public Health Problem / In: World Report on Violence and Health, edited by E.G. Krug, L.L. Dahlberg, J.A. Mercy, A.B. Zwi, and R. Lozano. -Geneva: World Health Organization, 2002. PP. 1-56; Garbarino J. The Human Ecology of School Crime. -Hackensack, NJ: National Council on Crime and Delinquency, 1978; DRUG TRAFFIC-AFRICA. Africa's connection to the drug trade. - Hauppauge, NY: Nova Science Publishers, 2010.

3. Якимец В.Н. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики в регионах России // Проблемы вычислений в распределенной среде: распределенные приложения, коммуникационные системы, математические модели и оптимизация. Труды ИСА РАН, том 25. Отв. ред. А.П. Афанасьев. – М.: КомКнига, 2006. С.138-146; Якимец В.Н. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики. В кн. «Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт взаимодействия». – М.: РАПН, РОССПЭН, 2008. С.107-121.

4. Jabr F. Anti-addiction drugs face more than medical issues // The New Scientist, 2011, 25 July.

Е.В. Сильченко

к.ю.н., доцент,

Кубанский социально-экономический институт

E.V. Silchenko

Ph.D., associate professor

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОДЕРЖАНИЯ НЕЛЕГАЛЬНОГО НАРКОБИЗНЕСА В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

APPROACHES TO DEFINITION OF ILLEGAL DRUG BUSINESS IN INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Аннотация. Статья рассматривает различные подходы к определению содержания нелегального наркобизнеса в международном уголовном праве.

Annotation. The article examines the different approaches to defining the content of an illegal drug business with international criminal law.

Ключевые слова: международное уголовное право, конвенции, нелегальный наркобизнес, наркопреступления.

Keywords: international criminal law, conventions, illegal drug trafficking, drug-related offenses.

История употребления человеком наркотических средств насчитывает не одно тысячелетие. Границы между допустимым использованием наркотиков и злоупотребление ими, а также значение социальных и медицинских факторов широко варьируются на разных уровнях культуры.

Растущее понимание опасности злоупотребления наркотическими средствами, широкой нелегальной торговли и контрабандного их распространения диктовало необходимость принятия не только национальных мер контроля, но и согласованных международных действий. Это находило и находит своё объяснение в том, что, с одной стороны, наркомания являлась и является тяжелым социальным бедствием всех государств, а, с другой стороны, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ дает колоссальные прибыли преступным наркокланам. Поэтому борьба с незаконным оборотом указанных средств и веществ стала транснациональной проблемой [1].

Причины широкого распространения нелегального наркобизнеса очевидны и лежат на поверхности. В первую очередь, это баснословные

доходы тех людей, которые наживаются на незаконном обороте наркотиков. Преступные организации, занимающиеся нелегальным наркобизнесом, стремятся закрепиться на международной арене и получить свою долю прибыльного рынка наркотиков. Они стараются наладить и обезопасить свой теневой бизнес. Организованная наркопреступность несет угрозу демократическим ценностям и общественным институтам, национальной экономике, финансовым институтам и международному сообществу в целом. Экономическая и политическая мощь наркодельцов стремительно возрастает. В свою очередь, увеличивается число преступлений и опасных правонарушений, связанных с наркотиками.

Злоупотребление наркотиками и связанная с ними преступная деятельность участников нелегального наркобизнеса затрагивают миллионы людей во всём мире. Разрушая человеческую жизнь, они ставят под угрозу социальную структуру и стабильность существования различных государств. Наркобизнес всё чаще рассматривается в качестве растущей глобальной проблемы, тем самым, превращая в необходимость активизацию международного сотрудничества в области противодействия данному бедствию. Государства не в силах в одиночку справиться с этой проблемой. Необходимо проявлять международную солидарность и осуществлять сбалансированные, коллективные и одновременные действия международного сообщества. В XX веке проводились многочисленные международные форумы, на которых обсуждались проблемы противодействия нелегальному наркобизнесу и принимались соответствующие решения, в том числе закрепляемые в международно-правовых нормах, становящихся нормами национального законодательства государств, ратифицировавших указанные документы.

Международно-правовые нормы противодействия наркотизму имеют общесоциальное, законотворческое и правоприменительное значение [2].

Наркотизм представляет собой негативное социальное явление международного плана, характеризующееся приобщением части населения страны к немедицинскому потреблению наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным международно-правовым и внутригосударственным контролем, а также участием (прямым или косвенным) в организации и осуществлении их нелегального оборота как в национальных рамках, так и в межгосударственных масштабах [3]. Наиболее опасным структурным элементом наркотизма выступает нелегальный наркобизнес – специфическое негативное социальное явление.

ние, представляющее собой одну из составляющих организованной преступности и подструктуру наркотизма, включающее, с уголовно-правовой точки зрения, совокупность незаконных деяний, непосредственно связанных с нелегальным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, и ряда примыкающих к ним преступных деяний, направленных на обеспечение функционирования этого явления и легализацию преступных доходов.

На современном этапе развития мирового сообщества главенствующее значение приобретает международный аспект борьбы с нелегальным наркобизнесом. Это обусловлено тем, что данный вид преступности охватил весь мир; преступления, связанные с наркотиками, расцениваются как преступления международного характера [4], относятся к категории транснациональных; наркотизм проник во все уголки земного шара. Предметом указанной категории преступлений на международном уровне признаны не только наркотические средства, но и психотропные вещества. Однако последние отнесены к предмету названных преступлений уголовным законодательством не всех государств. Отсюда следует, что уголовно-правовой элемент борьбы с этими общественно опасными деяниями в уголовном законодательстве различных государств представлен неодинаково. Этот факт свидетельствует об актуальности и высокой степени значимости международного и сравнительно-правового аспектов исследования проблем борьбы с нелегальным наркобизнесом.

Международный и транснациональный аспекты нелегального наркобизнеса порождают необходимость надлежащего правового регулирования борьбы с ним, осуществления борьбы посредством совместной скоординированной деятельности правоохранительных органов, учреждений, организаций и ведомств, заинтересованных в этом государств и международных неправительственных организаций, общественных движений.

Непременными требованиями эффективности противодействия наркобизнесу на национально-государственном и международном уровнях выступают: во-первых, признание приоритетными международно-правовых норм; во-вторых, приведение национального законодательства в соответствие с этими международно-правовыми нормами, что обеспечит единый правовой фундамент преодоления указанного вида преступности; и, в-третьих, обеспечение каждым государством точного, полного, всестороннего и беспрепятственного применения национальных правовых норм, соответствующих мировым стандартам, в собственной практике и в отноше-

ниях с правоохранительными организациями взаимодействующих зарубежных стран [5].

Основополагающими международно-правовыми актами, регламентирующими борьбу с наркотизмом, являются принятые Организацией Объединенных Наций (ООН) Единая конвенция о наркотических средствах 1961г. (с поправками, внесенными в неё в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961г.), Конвенция о психотропных веществах 1971 г. и Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.

В указанных Конвенциях предусмотрены апробированные международной практикой борьбы с наркотизмом положения, регламентирующие многочисленные и разнообразные грани этой борьбы, в том числе определяющие оптимальный круг деяний, связанных с наркотическими средствами и психотропными веществами, представляющих реальную общественную опасность.

Практически во всех странах мира имеется законодательство, в той или иной мере регламентирующее вопросы, связанные с обращением наркотиков. Содержание, объем и круг отраслей законодательства, которыми осуществляется правовое регулирование борьбы с нелегальным наркобизнесом в разных государствах, неодинаков. Различия в данной сфере обусловлены рядом факторов.

Во-первых, это историко-национальные особенности правовых систем государств [6]. Указанный фактор находит выражение в специфике генезиса развития и становления государств, их социально-экономических формаций и государственно-правовых форм, а также исторически сложившихся обычаев, традиций, терминологического описания в уголовном законе видов преступлений.

Во-вторых, степень распространенности наркотизма среди населения конкретной страны, которая заключается в уровне пораженности граждан склонностью к употреблению наркотических средств; количестве лиц, больных наркоманией и состоящих на учете в наркологических учреждениях; абсолютном и относительном числе преступлений и других правонарушений, связанных с наркотиками. Данные показатели находят свое отражение в официальных формах статистической отчетности, однако, ввиду высокого уровня латентности наркотизма и его структурных элементов, они являются приблизительными.

В-третьих, степень и своевременность осознания общественной опасности проявлений наркотизма законодателем и его волеизъявления на их запрет, а также иные способы правового регулирования противодействия наркотизму. Законодатель в силу неполноты официальной статистической информации нередко не осознает фактической опасности наркотизма и его проявлений и не в силах оперативно реагировать на них. Нередко данный информационный вакуум восполняется посредством освещения проблемы социологами, практическими работниками медицинских учреждений, правоохранительных органов, учеными и иными специалистами вследствие проведения научных исследований, а также средствами массовой информации. Сложившаяся ситуация влечет отставание правового регулирования борьбы с наркотизмом от фактической ситуации в государстве в данный период.

В-четвертых, принятие государством международно-правовых предписаний путем присоединения к международным конвенциям и воспроизведение этих предписаний в национальном законодательстве заключается в осуществлении внутригосударственного правового регулирования борьбы с наркотизмом с учетом международно-правовых норм, разработанных и принятых на основе изучения и оценки наркотической ситуации в мировом масштабе.

Данный фактор характеризуется наличием двух тенденций: 1) относительная консервативность национального законодательства, постепенность его изменения и приведения в соответствие в той или иной мере с международно-правовыми нормами и 2) инициативность международного сообщества, прогрессивность и перспективность воздействия международно-правовых норм на национальное законодательство государств вследствие их присоединения к конвенциям [7] и закрепления конвенционных норм в собственном внутригосударственном законодательстве. Данная тенденция выступает в качестве приоритетной.

Общие вопросы соотношения международного и внутригосударственного права исследованы в отечественной науке международного права достаточно подробно. Отечественная доктрина международного права исходит из того, что международное право и внутригосударственное представляет собой две относительно самостоятельные правовые системы, не подчиненные одна другой. Международное и внутригосударственное право, будучи самостоятельными правовыми системами, находятся в постоян-

ном взаимодействии, которое опосредуется волей государств – участников международного общения [8].

Входя в различные более широкие системы, являясь их регулируемыми подсистемами, они не могут образовать единую целостную систему. «Взаимодействие международного и внутригосударственного права – это не вопрос внутренней структуры единого социального образования, а процессуальная форма их функционирования» [9]. Государство, входя в международную систему как целое, будучи связанным с другими элементами этой системы, может действовать вовне только через свои органы и должностных лиц, и т.д. Так как действие вовне подпадает под регулирующее воздействие международного права, а связанные с ним внутригосударственные акции регулируются национальным правом, то, естественно, требуется взаимодействие и согласованность международного и национального права [10].

Взаимодействие международного и национального права происходит через общественные отношения, которые являются объектом их регулирования. Международное право регулирует международные отношения, возникающие между государствами, между государствами и международными организациями, а также между физическими лицами и международными организациями (например, в области прав человека). Национальное право регулирует общественные отношения, возникающие внутри государства в различных сферах деятельности физических и юридических лиц. Поскольку сторонами в международных отношениях выступают, прежде всего, основные субъекты международного права – государства, то, очевидно, что внутригосударственные нормы оказывают значительное влияние на регулирование международных отношений, ибо каждое государство заинтересовано в осуществлении вовне своих внешнеэкономических, политических и других целей.

Процесс формирования подходов к определению содержания нелегального наркобизнеса в международном уголовном праве считаем необходимым рассмотреть на основе положений международных конвенций, регулирующих вопросы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Шанхайская опиумная комиссия, собравшаяся в Китае 5-26 февраля 1909 г. для обсуждения методов предупреждения незаконного потока опиума и других наркотиков из Азии в Европу и США, не принесла ощутимых результатов. Международная опиумная конвенция была составлена

23 февраля 1912 г. в Гааге [11]. Данной конвенцией были выдвинуты несколько принципов, включая установление контроля над веществами, используемыми исключительно в медицинских и научных целях, и оказание помощи правительственным и международным органам в их попытках предупредить злоупотребление наркотиками и уменьшить его вредные последствия.

В 1925 г. была принята Женевская Конвенция о запрещении изготовления, внутренней торговли и использования очищенного опиума [12], а в 1931 г. – Женевская Конвенция 1931 г. об ограничении изготовления и регулировании распространения наркотиков [13].

Женевская Конвенция 1925 г. дублировала принципы, содержащиеся в Гаагской Конвенции 1912 г., и постановила, что наркотики могут продаваться только в соответствии с законными потребностями государств и продлила Перечень наркотиков, дополненный Гаагской Конвенцией 1912 г. В число наркотиков, добавленных в Перечень, вошли кокаиновый лист, сырой кокаин, индийский гашиш, а также положение о том, что другие вещества, употребление которых приводит к подобным вредным последствиям, должны быть включены в Перечень. Исходя из требований Женевской Конвенции 1925 года, государства-участники обязаны были принять нормативные акты, обеспечивающие осуществления контроля над изготовлением, распространением и изъятием опиума. Конвенция ввела систему разрешений и регистраций во внешнеторговые сделки с наркотиками с представлением детальной статистики данных сделок в постоянно действующий центральный комитет. Предполагалось, что каждый участник Конвенции внесет в свое уголовное законодательство изменения с тем, чтобы оно не противоречило положениям Конвенции.

В августе 1948 г. было принято решение подготовить в рамках ООН новую Конвенцию, которая заменила бы и усовершенствовала девять действующих. В ходе переговоров 1950-1958 гг. при активном участии Советского Союза был принят Протокол 1953 г. об ограничении и регулировании культивирования мака, производства, международной оптовой торговли и использовании опиума [14].

Особого внимания заслуживает Единая Конвенция 1961 г. в значительной степени унифицировавшая правила, сформулированные в более ранних международных договорах по этой тематике, в свете более поздних реалий, существующих на международных рынках наркотиков [15].

В преамбулу включены декларативные нормы общего содержания, в которых закреплены принципы отношения мирового сообщества к наркотизму. К ним, в частности, относятся: признание наркомании серьезным злом как для отдельных лиц, так и социальной и экономической опасностью для человечества; констатация обязанности предотвратить это зло и бороться с ним; требование принятия эффективных скоординированных и универсальных мер против злоупотребления наркотическими средствами; необходимость контроля над наркотиками и ограничения их использования только медицинскими и научными целями; обеспечение в борьбе с наркотизмом постоянного международного сотрудничества и контроля.

Целью данной Конвенции, участниками которой стали 179 государств [16], было установление минимума правил, обязательных для выполнения, путем включения их во внутригосударственное законодательство. Новеллой Конвенции 1961г. стало включение в неё четырех приложений, или Списков, наркотических средств, сгруппированных согласно их физическим свойствам.

Указанная Конвенция продолжает и совершенствует правило, закрепленное в более ранних договорах, о том, что законный оборот наркотических средств и психотропных веществ подлежит обязательному лицензированию, устанавливается принцип незаконности при отсутствии лицензии.

В ст.1 рассматриваемой Конвенции даны определения понятий культивирования, наркотических средств, незаконного оборота, ввоза, вывоза, изготовления и производства наркотических средств.

Полагая, что составители Конвенции преследовали цель недопущения выхода в нелегальный оборот наркотических средств, в ст.21 было предусмотрено исключение превышения общих количеств каждого наркотического средства, изготовленного и ввезенного страной или территорией в течение года, над суммой, слагаемой из количеств наркотических средств, потребленных в медицинских и научных целях, вывезенных страной или территорией, добавленных к складским запасам, приобретенных для специальных целей, и количества наркотических средств, использованных для изготовления других наркотических средств, препаратов, включенных в Список III, и веществ, на которые не распространяется Единая конвенция, за вычетом из данной суммы количества наркотических средств, на которые был наложен арест и которые были освобождены для законного использования, и количества названных средств, взятых из спе-

циальных складских запасов для нужд гражданского населения, а также исключение по возможности превышения количества опия более того, которое было запланировано, посредством надлежащих организации производства опия и контроля за его производством (ст. 21 бис).

В ст.22 регламентируется принятие в случаях запрещения культивирования опийного мака, кокаинового куста или растения каннабиса соответствующих мер для наложения ареста на любые незаконно культивируемые растения и уничтожения их, за исключением небольших количеств, необходимых для научных или исследовательских целей.

В ст. 24 рассматриваемой Конвенции предусмотрена ситуация, в соответствии с которой стороны не разрешают производства опия или увеличение существующего производства опия, если, по их мнению, такое производство или увеличенное производство на их территории может привести к незаконному обороту опия. Тем самым, на мой взгляд, предпринята попытка пресечения выхода наркотических веществ в нелегальный оборот посредством их перепроизводства.

В случае разрешения разведения опийного мака, не преследующего цель его производства, государства принимают все необходимые меры для недопущения производства из него опия и изготовления наркотических средств из маковой соломы (ст.25).

Аналогичным образом выглядит положение с кокаиновым кустом, незаконное культивирование которого запрещено (ст.26). Стороны Конвенции считают необходимым принятие соответствующих мер для пресечения злоупотреблениями листьями растения каннабиса и их незаконного оборота (ст.28).

Изготовление наркотических средств, торговля ими либо их распределение допускаются лишь на основании лицензии, за исключением случаев, когда эти действия осуществляются государственными предприятиями (ст.29-30).

Заслуживают позитивной оценки в ракурсе борьбы с контрабандой наркотиков положения, закрепленные в ст.31, регламентирующие порядок международной торговли наркотическими средствами. Ввоз или вывоз наркотических средств, за исключением случаев его осуществления государственным предприятиями, осуществляется на основании лицензии. В противном случае партия наркотических средств подлежит задержанию таможенными органами. Не допускается прохождение транзитом через

территорию страны наркотических средств, за исключением наличия разрешения на вывоз.

Компетентные власти страны или территории, через которую разрешен провоз партии наркотических средств, принимают все необходимые меры, для того чтобы предотвратить изменение пути партии по иному назначению, чем то, которое обозначено в сопровождающей партию копии разрешения на вывоз, за исключением случаев, когда это производится с разрешения правительства страны или территории, через которую проходит данная партия. Правительство данной страны или территории рассматривает всякую партию наркотических средств, относительно которой поступило заявление об изменении пути, как партию вывоза из страны или территории транзита в страну или территорию нового назначения.

Давая рекомендации относительно наказуемости преступных деяний с наркотическими средствами, Конвенция разъясняет, что с соблюдением своих конституционных ограничений каждая Сторона принимает меры, которые обеспечат, что культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, распределение, покупка, продажа, доставка на каких бы то ни было условиях, маклерство, отправка, переотправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств в нарушение постановлений настоящей Конвенции и всякое другое действие, которое, по мнению Сторон, может являться нарушением постановлений настоящей Конвенции, будут признаваться наказуемыми деяниями в тех случаях, когда они совершены умышленно. Серьезные преступления должны подлежать соответствующему наказанию, в частности тюремным заключением или иным способом лишения свободы.

Наркотические средства, вещества и предметы оборудования, использованные или предназначенные для совершения преступлений, о которых говорится в статье 36, подлежат наложению ареста и конфискации (ст.37).

В 1971 г. была принята Венская Конвенция о психотропных веществах, в которой участвуют 172 государства [17]. Её принятие явилось международной реакцией на возросший в 60-е годы уровень потребления психотропных веществ, веществ, стимулирующих центральную нервную систему, галлюциногенов. Конвенция 1971 г. отразила понимание того, что оборот ни одного из перечисленных веществ не регулируется Единой Конвенцией 1961 г. Психотропные вещества были поделены на четыре катего-

рии, или Списка. Их использование было ограничено научными и медицинскими исследованиями. Лицензирование, запрещение, регулирование ввоза-вывоза – основные рычаги контроля по Конвенции 1971 г. Она также дополнена отчетной программой Международного Комитета по контролю над наркотиками.

В нормах преамбулы Конвенции содержатся принципы отношения мирового сообщества к злоупотреблению психотропными веществами. В их числе можно выделить: признание злоупотребления психотропными веществами социальной проблемой и угрозой здоровью населения; осознание необходимости пресечения злоупотребления указанными веществами и их незаконного оборота; констатацию целесообразности применения строгих мер для недопущения злоупотребления психотропными веществами и противодействия их незаконному обороту.

Наблюдаются многочисленные сходства положений Конвенции 1971 г. и Единой конвенции 1961 г., которые дополняют последнюю.

В ст.5 Конвенции закреплено, что каждая Сторона, за исключением случаев, предусмотренных в статье 4, ограничивает путем таких мер, которые считает целесообразными, изготовление, экспорт, импорт, распределение и складские запасы, использование веществ, включенных в Списки 2, 3 и 4, а также торговлю и владение ими медицинскими и научными целями. Дается рекомендация относительно разрешения владения веществами, включенными в Списки 2, 3 и 4, не иначе, как на законном основании.

Запрещается всякое использование психотропных веществ, за исключением их использования в научных и в очень ограниченных медицинских целях должным образом уполномоченными лицами в медицинских или научно-исследовательских учреждениях, находящихся непосредственно под контролем их правительств, или по специально выдаваемому ими разрешению.

Изготовление, распределение этих веществ, торговля и владение ими осуществляется лишь по специальным лицензиям или заблаговременно полученным разрешениям.

Запрещается экспорт и импорт психотропных веществ, за исключением тех случаев, когда и экспортер и импортер являются компетентными органами или учреждениями экспортирующей и импортирующей страны, соответственно, или другими лицами или предприятиями, имеющими специальное разрешение, выданное компетентными органами их страны для данной цели (ст.7).

В Конвенции закреплены требования о том, чтобы изготовление, распределение веществ, включенных в Списки 2, 3 и 4, а также торговля ими (включая экспортную и импортную торговлю) осуществлялись по лицензиям или с применением другой аналогичной меры контроля (ст.8); о том, чтобы вещества, включенные в Списки 2, 3 и 4, поставлялись или отпускались для использования их отдельными лицами только по рецепту врача, за исключением случаев, когда отдельные лица могут на законных основаниях получать, использовать, выдавать или назначать такие вещества при выполнении ими должным образом разрешенных врачебных или научных функций (ст.9).

В целях пресечения несанкционированного перемещения через таможенную границу экспорт или импорт психотропных веществ, включенных в Список 1 или 2, требует представления отдельного разрешения на экспорт или импорт, получаемого для каждой такой отдельной экспортной или импортной сделки, независимо от того, касается ли она одного или нескольких веществ (ст.12).

Конвенция рекомендует государствам с должным учетом своих конституционных, правовых и административных систем принимать внутригосударственные меры для координации превентивных и репрессивных мер против незаконного оборота психотропных веществ.

Во исполнение положений Конвенции каждое государство-участник должно, соблюдая свои конституционные ограничения, рассматривать как наказуемое правонарушение в тех случаях, когда оно совершено умышленно, любое деяние, противоречащее какому-либо закону или постановлению, принятому во исполнение ее обязательств по настоящей Конвенции, и обеспечивать, чтобы серьезные правонарушения подлежали соответствующему наказанию, в частности, тюремному заключению или наказанию иным способом лишения свободы.

25 марта 1972 г. несколько государств, выразивших желание усилить положения Конвенции 1971 г., подписали с этой целью в Женеве соответствующий протокол.

Предпосылками принятия Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. явились глубокая озабоченность масштабами и тенденцией роста незаконного производства, спроса и оборота наркотических средств и психотропных веществ, представляющих собой серьезную угрозу для здоровья и благополучия людей и оказывающих отрицательное воздействие на экономиче-

ские, культурные и политические основы общества, прогрессирующим темпом распространения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ среди различных социальных групп, использованием детей в качестве потребителей незаконных наркотических средств и психотропных веществ и эксплуатации их при незаконном производстве и обороте указанных препаратов; признание взаимосвязи между незаконным оборотом и другими связанными с ним формами организованной преступности, которые подрывают законную экономику и создают угрозу для стабильности, безопасности и суверенитета государств; констатация того, что незаконный оборот представляет собой международную преступную деятельность, пресечение которой требует неотложного и самого первоочередного внимания; осознание того, что незаконный оборот обеспечивает большие прибыли и финансовые средства, что позволяет транснациональным преступным организациям проникать в правительственные механизмы, законную торговую и финансовую деятельность и общество на всех его уровнях, разлагать и подрывать их.

Целью принятия Конвенции 1988 г. выступает содействие сотрудничеству между государствами в более эффективном решении различных проблем незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, имеющего международный характер.

В соответствии со ст.3 рассматриваемой Конвенции уголовными преступлениями признаются следующие преднамеренно совершаемые действия:

а) i) производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение, предложение с целью продажи, распространение, продажа, поставка на любых условиях, посредничество, переправка, транзитная переправка, транспортировка, импорт или экспорт любого наркотического средства или любого психотропного вещества в нарушение положений Конвенции 1961 года, этой Конвенции с поправками или Конвенции 1971 года;

ii) культивирование опийного мака, кокаинового куста или растения каннабис в целях производства наркотических средств в нарушение положений Конвенции 1961 года и этой Конвенции с поправками;

iii) хранение или покупка любого наркотического средства или психотропного вещества для целей любого из видов деятельности, перечисленных в подпункте "i";

iv) изготовление, транспортировка или распространение оборудования, материалов или веществ, указанных в Таблице I и Таблице II, если известно, что они предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ;

v) организация, руководство или финансирование любых правонарушений, перечисленных в подпунктах "i", "ii", "iii" или "iv";

b) i) конверсия или перевод собственности, если известно, что такая собственность получена в результате любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях, в целях сокрытия или утаивания незаконного источника собственности или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения или правонарушений, с тем чтобы оно могло уклониться от ответственности за свои действия;

ii) сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении собственности или ее принадлежности, если известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях;

c) i) приобретение, владение или использование собственности, если в момент ее получения было известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом "а" настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях;

ii) владение оборудованием или материалами или веществами, указанными в Таблице I и Таблице II, если известно, что они используются или предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления каких-либо наркотических средств или психотропных веществ;

iii) публичное подстрекательство или побуждение других любыми средствами к совершению любого из правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, или к незаконному использованию наркотических средств или психотропных веществ;

iv) участие, причастность или вступление в преступный сговор с целью совершения любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, попытки совершить такое правонарушение или правонарушения, а также пособничество, подстрекательство, содействие или дача советов при их совершении.

В качестве санкций за совершение противоправных деяний с наркотическими средствами или психотропными веществами предусматривается применение таких санкций, учитывающих серьезный характер этих правонарушений, как тюремное заключение или другие виды лишения свободы, штрафные санкции и конфискация.

В числе обстоятельств, отягчающих ответственность, названы следующие:

- а) участие в правонарушении организованной преступной группы, в состав которой входит правонарушитель;
- б) участие правонарушителя в других видах международной организованной преступной деятельности;
- с) участие правонарушителя в других незаконных видах деятельности, которым содействовало совершение данного правонарушения;
- д) применение правонарушителем насилия или оружия;
- е) тот факт, что правонарушитель является должностным лицом и данное правонарушение связано с его должностью.

Рассмотренные положения на мой взгляд можно признать весьма обоснованными и прогрессивными применительно к проблеме борьбы с наркотизмом и нелегальным наркобизнесом в мировом масштабе.

Подводя итоги вышеизложенного, следует отметить, что Единая конвенция 1961 г. с поправками выступает в качестве первого международно-правового акта, включающего в себя систему норм, образующих правовой фундамент борьбы с нелегальным наркобизнесом в планетарном масштабе.

Ряд норм Конвенции 1971 года схож с нормами, содержащимися в Единой конвенции 1961 г. с поправками. Однако наиболее существенное их различие заключается в предмете регулирования. Предметом Конвенции 1971 г. выступают психотропные вещества, а Конвенции 1961 г. – наркотические средства и их препараты. Конвенцией 1971 г. правовой режим психотропных веществ практически приравнивается к правовому режиму наркотических средств и их препаратов.

Нормы вышерассмотренных Конвенций направлены на защиту важнейших общечеловеческих ценностей, таких как здоровье и социальное благополучие населения, обеспечение безопасности человечества. Указанные нормы характеризуются высоким уровнем законодательной техники, которым обеспечивается максимально точное определение терминов, понятий и предписаний. Каждая последующая Конвенция дополняет ранее принятую, сохраняя и совершенствуя первоначальную идею их создания.

Присоединяясь к мнениям исследователей проблемы, также считаю весьма актуальным высказываемое в современной юридической науке мнение о целесообразности обсуждения на международном уровне проблемы возможного объединения указанных Конвенций и их норм в одну Конвенцию[18].

Особо отмечу, что основы к пониманию нелегального наркобизнеса и определению его уголовно-правового содержания заложены в соответствующих международно-правовых документах.

Литература:

1. Международное право: Учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 2005. С. 504.
2. Гасанов Э.Г. Борьба с наркотической преступностью: Международный и сравнительно-правовой аспекты. М., 2000. С.36.
3. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2002. С.17.
4. См.: Карпец И.И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 48-49.
5. См. также: Гасанов Э.Г. Указ. соч. С.7.
6. О понятии правовой системы см., например: Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 125-127; Денисов Ю.А., Спиридонов Л.И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. Л., 1987. С.58-59; Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С.85-87.
7. Подробнее см.: Анисимов Л.Н. Наркотики: правовой режим: Международно-правовые и внутригосударственные проблемы регулирования производства, применения и распространения наркотических и психотропных веществ. Л., 1974. С.8-72.
8. Подробнее см.: Курс международного права. М., 1989. С.279. Вопросы соотношения международного и национального права подробно рассмотрены в работах И.П. Блищенко, В.Г. Буткевича, Г.В. Игнатенко,

Д.Б. Левина и др. См.: Блищенко И.П., Буткевич В.Г., Игнатенко Г.В., Левин Д.Б. Международное право, внешняя политика и дипломатия. М., 1981; Левин Б.Д. Наука международного права в России в конце XIX и начале XX века. М., 1982; Лукашук И.И. Международное право. М., 2001; Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т.I - II. М., 1996; Мюллерсон Р.А., Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2000; Овчинский В.С., Федоров А.В. Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков. М., 2005; Усенко Е.Т., Черниченко С.В. Теория международного права: В двух томах. М., 1999 и др.

9. Буткевич В.Г. Проблемы соотношения международного и внутригосударственного права в трудах В.М. Корецкого // Идеи мира и сотрудничества в международном праве. Киев, 1990. С.148.

10. См.: Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С.22.

11. См.: League of Nations Treaty Series, vol. 8, p. 187.

12. См.: СЗ СССР (1937). II. № 17. Ст. 106.

13. См.: СЗ СССР (1937). II. № 17. Ст. 107.

14. См.: United Nations Treaty Series, 456, с.3. Конвенция вступила в силу 8 марта 1963 г.

15. Текст на русском языке см.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. XXIII. М, 1970. С.105-134. Грамоты ратификации были сданы на хранение Генеральному секретарю ООН 20 февраля 1964 г. Конвенция вступила в силу в СССР 13 декабря 1964 г.

16. См.: D.R. Bewley-Taylor, "Challenging the UN Drug Control Conventions: Problems and Possibilities", The International Journal of Drug Policy, XIV (2003), 172.

17. См.: Сборник международных договоров СССР. Вып. 35. М., 1981.

18. Гасанов Э.Г. Указ. соч. С.85; Курченко В.Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой и уголовно-процессуальные аспекты. СПб., 2003. С.134.

Торосян Р.В.
к.ю.н., Кубанский социально-экономический институт
Torosyan R.V.
candidate of legal sciences

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ
НРАВСТВЕННОСТИ В УК РСФСР 1922 ГОДА, УК РСФСР 1926
ГОДА И УК РСФСР 1960 ГОДА:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

**CRIMES AGAINST PUBLIC MORAL IN THE CRIMINAL CODE OF
RSFSR OF 1922, THE CRIMINAL CODE OF RSFSR OF 1926
AND THE CRIMINAL CODE OF RSFSR OF 1960:
COMPARATIVE ANALYSIS**

Аннотация. Уголовное законодательство советского периода, придерживаясь известной преемственности в уголовно-правовой охране традиционных общественных ценностей, предусматривало ответственность за преступления против общественной нравственности. Однако ни в одном из советских Кодексов в названии глав Особенной части не звучал термин «нравственность». Нормы о названных посягательствах располагались, в основном, в разделах о преступлениях против личности.

Annotation. The criminal legislation of the Soviet period, adhering to known continuity in criminal legal protection of traditional public values, provided responsibility for crimes against public moral. However in one of the Soviet Codes in the name of heads of Special part the term "moral" didn't sound. Norms about the called encroachments settled down, generally in sections on crimes against the personality.

Ключевые слова: общественная нравственность, регламентация уголовной ответственности, уголовное законодательство советского периода, Уголовный Кодекс РСФСР, уголовно-правовая охрана традиционных общественных ценностей.

Keywords: the criminal legislation of the Soviet period, adhering to known continuity in criminal and public moral, a regulation of criminal liability, the criminal legislation of the Soviet period, the Criminal Code of RSFSR, criminal legal protection of traditional public values.

В УК 1922 года[1, стр. 674] статьи, касающиеся уголовно-правовой охраны традиционных общественных ценностей, располагались в главе V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» в подразделе 4 «Преступления в области половых отношений». В нем содержались две статьи. Статья 170 предусматривала ответственность за принуждение из корыстных или иных личных видов к занятию проститу-

цией, совершенное посредством физического или психического воздействия. Каралось преступление лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией. Ответственность за сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовку женщин для проституции предусматривалась ст.171 УК. Повышенная ответственность предусматривалась за совершение преступления в отношении особых категорий потерпевших – во-первых, состоявших на попечении или в подчинении обвиняемого; во-вторых, не достигших совершеннолетия.

Уголовный кодекс 1926 года[1, стр. 600] существенных изменений в систему рассматриваемых преступлений не внес. Статья 155, расположенная в главе VI «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», предусматривала ответственность за принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовку женщин для проституции.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» УК РСФСР был дополнен ст.73-2, предусматривающей ответственность за подстрекательство несовершеннолетних к занятию проституцией[2].

Что касается деяний, связанных с распространением порнографии, то в первых Кодексах – УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. (в его первоначальной редакции) – соответствующих положений не содержалось. В специальной литературе высказано мнение, что охране общественной нравственности были посвящены ст. 224 и ст. 225 УК 1922 г. (гл.8 «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок»), а также ст.190 УК РСФСР 1922 г., предусматривающие ответственность за нарушение правил и обязательных постановлений для размножения и выпуска в свет печатных произведений, поскольку, как считает автор, издание и распространение порнографической продукции охватывалось объективной стороной данного состава преступления [3]. С этим подходом, в принципе, можно согласиться. Однако, заметим, что законодатель особо такой вид продукции не выделял, не делая акцента, таким образом, на направленность нормы на охрану общественной нравственности. В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1935 г. «Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изданий, изображений и иных предметов и за торговлю ими» Уголовные кодексы Союзных республик были дополнены соответствующими статьями (УК РСФСР 1926 г. – статья

ей 182-1) [4]. Установление ответственности за данное посягательство было обусловлено, в том числе, необходимостью исполнения соответствующих международных обязательств, которые СССР принял на себя, подписав в Женеве 12 сентября 1923 г. Международную конвенцию «О борьбе с распространением порнографических изделий».

В специальной литературе названного периода посягательства на общественную нравственность в отдельную группу не выделялись. Так, представляя систему преступлений, авторы включали в нее государственные преступления; преступления, посягающие на экономическую основу советского строя – социалистическую собственность; преступления против личности; преступления против личной собственности граждан; преступления против охраны труда; преступления в области социалистического хозяйства; должностные преступления; преступления против порядка управления; преступления, выражающиеся в нарушении правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок; воинские преступления; преступления против мира и человечества [5].

Определяя объект принуждения к занятию проституцией, сводничество, содержания притонов разврата, вербовки женщин для проституции, авторы, относя их к группе прочих (других) половых преступлений, считали, что они грубо нарушают нормы социалистической морали в области половых отношений [6]. Применительно к преступлению, предусмотренному ст.155 УК РСФСР 1926 г., отмечалось: «Некоторые преступления, относимые законом к половым преступлениям, не нарушают ни половой неприкосновенности незрелых или зрелых в половом отношении лиц, ни нормального полового развития лиц, не достигших половой зрелости. Однако они ставят женщину в такое положение, при котором её половая жизнь принимает уродливые формы, являющиеся пережитком положения женщины в капиталистическом мире и несовместимые с социалистической моралью» [7].

Объектом подстрекательства несовершеннолетних к занятию проституцией признавалось нормальное половое развитие малолетних и несовершеннолетних [7].

Статья, предусматривающая ответственность за изготовление, хранение, рекламирование порнографических изданий, изображений и иных предметов и за торговлю ими, помещалась в главе VIII «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок». Это преступление относили к группе посягательств на общественную

безопасность и порядок. Соответственно определялся и объект преступления [7]. Таким образом, речь о таком объекте уголовно-правовой охраны, как общественная нравственность, не шла ни в законе, ни в специальной литературе.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. так же, как и предшествующие ему УК РСФСР, не содержал отдельной главы о преступлениях против общественной нравственности и не выделял ее в качестве самостоятельного объекта посягательств [8]. Соответствующие нормы размещались в главе X «Преступления против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения». При этом общественная нравственность рассматривалась как составляющая общественного порядка. В первоначальной редакции УК 1960 г. предусматривалась ответственность за следующие посягательства, которые можно отнести к преступлениям против общественной нравственности: содержание притонов и сводничество (ст.226); изготовление или сбыт порнографических предметов (ст.228); надругательство над могилой (ст.229); умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников культуры (ст.230).

В дальнейшем в число посягательств на общественную нравственность вошли: организация азартных игр (ст.208.1); изготовление или распространение произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости (ст.228.1); жестокое обращение с животными (ст.230.1) [9]. В литературе в качестве объекта всех перечисленных преступлений, исходя из расположения соответствующих норм в системе Особенной части УК, признавался общественный порядок [9]. Таким образом, и в Уголовном кодексе 1960 г., и в литературе того периода для обозначения соответствующей группы преступлений термин «общественная нравственность» не использовался.

Общественная нравственность не отделялась от общественного порядка.

Современный подход законодателя и уголовно-правовой доктрины, выделяющих общественную нравственность в самостоятельный объект уголовно-правовой охраны, представляется более обоснованной и соответствующей в целом исторической преемственности и законодательной традиции.

Таким образом, система рассматриваемых преступлений, представленная в УК РСФСР (РФ) 1960 г., практически приближается к их системе в действующем УК РФ. Однако законодатель осуществил декриминализа-

цию организации азартных игр и изготовления или распространения произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости. Такое решение было продиктовано коренным изменением социально-экономических и идеологических условий существования российского общества.

Литература:

1. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. №79. Ст.674.
2. Советское уголовное право. Особенная часть / Под ред. Б.С. Утевского. М., 1958. С.173.
3. Бушмин С.И. Порнография: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис... канд. юрид. наук. М., 1993. С.125.
4. СЗ СССР. 1935. №35. Ст.164.
5. Советское уголовное право. Часть Особенная / Под ред. А.А. Герцензона, З.А. Вышинской. М., 1951. С.26-27; Советское уголовное право. Особенная часть / Под ред. Б.С. Утевского. М., 1958. С.10.
6. Советское уголовное право. Часть Особенная / Под ред. А.А. Герцензона, З.А. Вышинской. С.226.
7. Советское уголовное право: Особенная часть / Под ред. Б.С. Утевского. С.173-174. (Автор главы – Б.С. Утевский).
8. Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Указ. соч. С.578-758.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л.Л. Кругликова, Э.С. Тенчова. Ярославль, 1994.

Швединская Г.И.
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Новороссийского филиала
Краснодарского университета МВД России
Shvedinskaya G.I.
Associate Professor of Criminal Law and
Criminology Novorossiysk branch
Russian Ministry of Internal Affairs of the University of Krasnodar

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ И НАДЗОРЕ ЗА
РЕАЛИЗАЦИЕЙ КУРИТЕЛЬНЫХ СМЕСЕЙ И ПРОВЕДЕНИЕМ
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ**

**ON THE LEGAL ASPECTS AND SUPERVISION OF
IMPLEMENTATION SMOKING MIXTURE AND THE FURTHER
PREVENTIVE MEASURES**

Аннотации. Автор статьи рассматривает соотношение легально допущенных к употреблению психотропных средств и тех мероприятий профилактического характера, которые должны быть направлены на предупреждение их нелегального оборота.

Annotation. The author of the article considers the ratio of legally permitted to consume-leniyu psychotropic drugs and those preventive measures that should be sent to its warning.

Ключевые слова: психотропные вещества и средства, легальные наркотики, курительные смеси.

Keywords: psychotropic substances and agents, legal drugs, smoking mixture.

В последнее время наметилась стабильная динамика: ежедневно люди попадают в медицинские учреждения с различными жалобами. Список недугов и расстройств поистине огромен: это и нарушение дыхательной функции, и головные боли различной степени тяжести, учащенный пульс и сердцебиение, обмороки и припадки, а также многое, многое другое. В связи с этим люди ведут себя нервно, проявляют агрессию, раздражительность и ведут себя, по меньшей мере, неадекватно. При выяснении причин подобного поведения, оказывается, что пациенты накануне курили или нюхали легальные порошки, так называемые спайсы.

Самые невообразимые случаи происходят с людьми, употребляющими какой-либо новый легальный наркотик. Некоторые пациенты страдают потерей памяти, не помнят ни родственников, ни знакомых. С таким

зачастую сталкиваются сотрудники дорожно-транспортной службы, когда останавливают водителей, ведущих себя неадекватно. Однако если водитель принимает легальные наркотики и садится за руль, уличить его в употреблении алкоголя или наркотика невозможно. Поэтому сотрудникам ГИБДД приходится отпускать подозрительных лиц, что в дальнейшем может привести к катастрофическим авариям на дорогах.

Только за последние дни в России было изъято из обращения более 200 килограммов психоактивных курительных смесей. Об этом рассказал «Интерфаксу» глава Роспотребнадзора Геннадий Онищенко.

Так, согласно заключению НИИ питания РАМН, растения, входящие в состав курительных смесей, обладают психотропным и наркотическим действием, содержат ядовитые компоненты и представляют потенциальную опасность для человека. Их употребление ведет к появлению психических патологий, острых и депрессивных психозов.

Государственные органы власти всех уровней должны совместно бороться с курительными табачными смесями в России, которые имеют галлюциногенный эффект и разрушают психику. Так, по статистической информации наибольшее распространение, курительные смеси с галлюциногенным эффектом получили в Краснодарском крае, Самарской, Саратовской, Ростовской областях, Республике Татарстан и Москве [1].

Постановлением Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 9 апреля 2009 г. № 23 «Об усилении надзора за реализацией курительных смесей» на территории России был запрещен оборот смесей, содержащих «шалфей предсказателей», «гавайскую розу» и «голубой лотос».

Далее Предписанием от 30 ноября 2009 г. № 79 «Об усилении надзора за реализацией курительных смесей и проведением дополнительных профилактических мероприятий» [2] главный государственный санитарный врач по Краснодарскому краю В.П.Клиндухов, изучив информацию о выявлении и реализации в Краснодарском крае курительных смесей, установил, что имеются данные о фактах реализации курительных смесей, в состав которых входят «шалфей предсказателей» (*Salvia divinorum*), «гавайская роза» (*Argyreia nervosa*) и «голубой лотос» (*Nymphaea caerulea*).

Такие смеси не прошли санитарно-эпидемиологическую экспертизу в органах Роспотребнадзора и не имеют документов, подтверждающих безопасность.

Курительные смеси, содержащие синтетический каннабиноид JWH-018, запрещены в некоторых странах Европы, пересчитать которые можно на пальцах рук. Те же самые курительные смеси, содержащие каннабиноиды JWH-073 и JWH-133, легальны абсолютно во всем мире, как и само вещество. Таким образом, те курительные миксы, которые НЕ содержат JWH-018, разрешены на территории всего земного шара. Однако вред от курительных смесей есть, и он безусловный, но санкции будут зависеть и квалифицироваться от размера сбываемых по объему средств.

Так, статья 228 УК РФ (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до 10 лет.

И статья 228.1. УК РФ (незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до 20 лет.

В связи с этим и во исполнение вступившего в силу 22 января 2010 г. постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2009 г. № 1186 «О внесении изменений в некоторые постановления Правительства РФ по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств» [3] на территории России был запрещен ряд компонентов курительных смесей, а также расширен перечень наркотических средств и психотропных веществ.

В обновленный перечень наркотических и психотропных веществ внесли 23 синтетических каннабиноида, входящие в состав курительных и ароматических смесей. В списки внесли шалфей предсказателей, гавайскую розу и голубой лотос входящие в состав курительных смесей реализуемых под наименованиями: «EX-SES Platinum», «SENCE», «Dream Herbal insense», «GENIE BLEND», «Spice XXX», «Spice Cold», «Spice Tropical synergy» и многие другие.

В настоящее время наметилась тенденция к популяризации нюхательных порошков, кальянов и ароматических курительных смесей. Все это безобразие скрывается сегодня под гуманным названием - легальные наркотики, которые заставляют многих потребителей ошибочно полагать, что данные продукты абсолютно законны и безопасны. Слишком долгие бюрократические операции по запрету наркотических веществ, содержащихся в составе большинства смесей, не могут поспеть за фантазией и

изобретательностью производителей данной категории товаров, поэтому бороться с ними нужно совершенно другим путем.

Изжить легальные наркотики и их применение необходимо в головах людей, начисто стерев их из списка развлечений, объявив опасными для жизни. Единственный способ предотвратить распространение легальных наркотиков – создание общественного мнения, понимания того, какую опасность несут в себе курительные смеси и «безопасные наркотики». Необходимо возвращать в первую очередь моральные ценности, культивировать в массах этику, проводить агитацию среди молодежи. Ведь в первую очередь молодое поколение увлекается такими средствами для релаксации, что в последствии приводит к плачевным последствиям.

Проблема курительных смесей остро стоит в России с 2002 года и может представлять опасность национальной безопасности РФ, так как в процесс их употребления втягивается всё большее количество молодёжи, это подтверждается большим интересом к теме курения смесей со стороны СМИ и интернет-сообщества.

Меры по выкорчевыванию этого зла принимаются нешуточные. За последний месяц в крае проведено с десятков рейдов по табачным лавкам. Российским органам надзора не хватает полномочий для борьбы с распространением психоактивных курительных смесей и энергетических напитков. Как передает АМИ-ТАСС, курительные смеси с наркотическим эффектом, а также энергетические напитки, способствуют вовлечению российской молодежи в наркоманию. Сегодня необходимо усилить надзор за реализацией курительных смесей в России, в регионах должны проводиться проверки совместно сотрудниками правоохранительных органов и наркополицейскими.

Литература:

1. Состояние преступности в России за 2012г. ГИАЦ МВД России. – М., 2013. С. 11.

2. Предписание от 30.11.2009 №79 "Об усилении надзора за реализацией курительных смесей и проведением дополнительных профилактических мероприятий".

3. Постановления Правительства Российской Федерации от 31.12.2009г. № 1186 «О внесении изменений в некоторые постановления Правительства РФ по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств».

II Раздел:

«Правовое регулирование правоохранительной деятельности в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства»

Бурлакова Я.Ю.

соискатель кафедры уголовно процессуального права ВЮИ ФСИН России

Burlakova Ya.Yu.

applicant of law of criminal procedure department VYUI FPS Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ: ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ ИЛИ СВОБОДА ПОД ЗАЛОГ

CURRENT PROBLEMS OF CRIMINAL POLICY: IMPRISONMENT OR BAIL

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее острые вопросы применения одной из мер пресечения в уголовном процессе – залоге.

Abstract. This article examines the most pressing issues of application of a measure of restraint in the criminal process line the bail.

Ключевые слова: меры пресечения, залог, уголовный процесс, подозреваемый, закон.

Key words: preventive measures, bail, criminal trial, the suspect, the law.

Одной из мерой пресечения, не связанной с лишением свободы, является залог (ст. 106 УПК РФ). Залог как мера уголовно-процессуального пресечения не является новой в современном УПК РФ. Залог присутствовал в российском уголовно-процессуальном законодательстве со времен действия Устава уголовного судопроизводства и сохранялся в последующих кодексах. Несмотря на незначительные изменения в содержании данной меры пресечения, суть его заключалась в обеспечении явки обвиняемого или подозреваемого по вызовам уполномоченного органа или лица и предупреждении его неправомерных действий в период применения к нему залога.

Нам представляется, что в современный период вопрос о целесообразности применения залога в качестве меры пресечения не актуален. Он является одной из мер пресечения, позволяющих удерживать обвиняемого или подозреваемого от уклонения от следствия и суда и совершения действий, направленных на создание препятствий при производстве по уголовному делу, при этом сохраняется его право на свободу и не снижается эффективность уголовного процесса.

В соответствии с ч. 1 ст. 106 УПК РФ сущность залога заключается во внесении подозреваемым или обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом на депозитный счет органа, избравшего данную меру пресечения, денег, ценных бумаг или ценностей в целях обеспечения явки к следователю, дознавателю или в суд подозреваемого, обвиняемого и предупреждения совершения им новых преступлений.

Итак, цель залога, согласно ч. 1 ст. 106 УПК РФ, двуединая и состоит в обеспечении явки к следователю, дознавателю или в суд подозреваемого, обвиняемого (обеспечительная цель) и предупреждения совершения им новых преступлений (превентивная цель). В этом существенное отличие залога от одноименного института в гражданском праве, где согласно п. 1 ст. 4 Закона «О залоге» залогом может быть обеспечено действительное требование, в частности, вытекающее из договора займа, в том числе банковской ссуды, договоров купли-продажи, имущественного найма, перевозки грузов и иных договоров [1].

А.Е. Белоусов совершенно справедливо отмечает, что «сдерживающие возможности залога, сила его влияния основаны не только на экономической заинтересованности залогодателя в сохранности денежной суммы, но и на чувстве морального долга подозреваемого (обвиняемого) перед залогодателем» [2].

Кроме того, что залог является одной из мер процессуального пресечения, которая позволяет при имеющихся обстоятельствах не допустить лишения свободы лица в период расследования и судебного разбирательства уголовного дела, он имеет и другую не менее значимую социально-экономическую цель: залог способствует разгрузке пенитенциарных учреждений.

Вместе с тем цель залога можно рассматривать и с точки зрения психологического аспекта. Так, если в отношении лица, обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления, избирается мера пресечения заключение под стражу, то, как правило, в дальнейшем, итоговым судебным решением по уголовному делу – приговором – назначается наказание, также связанное с лишением свободы. Бесспорно то, что наказание в виде лишения свободы необходимо. Но неоспоримым является и факт того, что излишнее ужесточение наказания не влечет никакого дополнительного эффекта, влияющего на исправление осужденного. Вместе с тем выбор санкции возложен на судью, рассматривающего уголовное дело. При этом в УК РФ санкции статей, как правило, предусматривают наказания как сопряженные с лишением свободы осужденного, так и без такового. Поэтому применение залога – меры пресечения, не связанной с лишением свободы, уже психологически воздействует на избрание

по итогам рассмотрения уголовного дела размера и вида наказания, не связанного с лишением свободы.

С такой постановкой вопроса согласуются и обусловленные идеей гуманизации уголовного процесса направления реформирования уголовного судопроизводства, в которых говорится о необходимости шире практиковать залог как меру, альтернативную заключению под стражу.

Таким образом, применение залога преследует обеспечительную, превентивную и социально-экономическую цели.

Залогодателем может быть любое лицо как физическое, так и юридическое, которое: имеет возможность предоставить деньги, ценные бумаги или ценности соответствующему органу в целях надлежащего поведения обвиняемого или подозреваемого; имеет желание внести данные средства на депозитный счет соответствующего органа; понимает последствия нарушения залоговых обязательств для судьбы залога и согласен с условиями налагаемых залогом обязательств; в случае, если залогодателем желает выступить третье лицо, то необходимо согласие обвиняемого или подозреваемого на то, чтобы залогодателем было именно это лицо.

В ч. 3 ст. 106 УПК определяется вид и размер залога, который может избрать суд с учетом характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого либо обвиняемого и имущественного положения залогодателя. Федеральный закон от 7 апреля 2010 г. N 60-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" установил, что по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести размер залога не может быть менее ста тысяч рублей, а по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях – менее пятисот тысяч рублей.

Считаем справедливым отметить, что, несмотря на высокую социально-экономическую цель применения залога, нет достаточных оснований распространять Закон о залоге на лиц, которые подозреваются или обвиняются в совершении тяжких или особо тяжких преступлений. Напомним, что в соответствии со ст. 15 УК тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает десяти лет лишения свободы. А особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых в УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание (пожизненное лишение свободы или смертная казнь). Теперь сторона защиты – подозре-

ваемый, обвиняемый и их защитник – как будто на вполне законных основаниях могут требовать в суде, чтобы мерой пресечения был избран именно залог. Таким образом, весьма опасные лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении террористических актов, убийств, разбойных нападений, изнасилований, в том числе и несовершеннолетних, и других тяжких и особо тяжких преступлений, могут быть до суда освобождены под залог в сумме не менее 500 тыс. руб. Это, на наш взгляд, один из серьезных недостатков нового Закона.

Так же, считаем, что законодатель поступил бы справедливо, если бы в редакции Закона обязал суд при принятии решения об избрании меры пресечения в виде залога выяснять мнение потерпевшего. В связи с этим правильно отмечает И. Ибрагимов: "Поскольку у потерпевшего могут быть причины, заставляющие его беспокоиться о своей безопасности, ему не все равно, на свободе или под стражей находится обвиняемый. Именно реальные опасения потерпевшего за жизнь, здоровье и имущество свое и своих близких родственников должны стать основанием для его права и реальной возможности обжаловать в вышестоящий суд и решение суда первой инстанции о необходимости принятия решения об избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу. Мнение потерпевшего по этому вопросу должно быть обязательно учтено с учетом конкретных обстоятельств дела, и не только дознавателем, следователем, прокурором, но и судами, которые заинтересованы в установлении гарантий безопасности участников уголовного процесса, и в первую очередь безопасности самого потерпевшего" [3].

И такое дополнение, на наш взгляд, необходимо внести в ст. 106 УПК.

Относительно имущества, которое может быть принято в качестве залога, закон устанавливает определенные ограничения: не может быть принято имущество, на которое в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом РФ не может быть обращено взыскание. В Законе также указывается, что порядок оценки, содержания предмета залога, управления им и обеспечения его сохранности определяется Правительством Российской Федерации.

Недвижимое имущество, допущенные к публичному обращению в Российской Федерации акции и облигации, ценности могут быть приняты в залог при условии предоставления подлинных экземпляров документов, подтверждающих право собственности залогодателя на передаваемое в за-

лог имущество, и отсутствия ограничений (обременений) прав на такое имущество. В случае, если в соответствии с законодательством Российской Федерации ограничение (обременение) прав на имущество не подлежит государственной регистрации или учету, осуществляемому в том числе депозитарием или держателем реестра владельцев ценных бумаг (регистратором), залогодатель в письменной форме подтверждает достоверность информации об отсутствии ограничений (обременений) прав на такое имущество.

Если предмет залога являются деньги, то они, как того требует ч. 5 ст. 106, вносятся на депозитный счет суда или органа, в производстве которого находится уголовное дело. О принятии залога составляется протокол, копия которого вручается залогодателю. В случаях, когда залог вносится лицом, не являющимся подозреваемым или обвиняемым, в соответствии с требованиями ч. 6 ст. 106 УПК ему разъясняется существо подозрения или обвинения, в связи с которым избирается эта мера пресечения, и связанные с ней обязательства и последствия их нарушения.

По нашему мнению, представляется возможным применение института банковской гарантии в уголовном процессе в качестве обеспечения залоговых обязательств.

В законе процедура принятия залога также конкретно не определена: указано лишь о необходимости внесения сумм залога на депозитный счет органа, избравшего данную меру пресечения. На практике возникают вопросы: как поступать в случае предоставления в залог, например, картин, других ценностей, в том числе ювелирных изделий? Если допустить, залогом может являться любое транспортное средство, то обязан ли его владелец в период действия этой меры пресечения не пользоваться этим средством? Где в такой период оно должно находиться? Если допустить, что залогом может быть недвижимость, то кому и какие документы на нее должны быть предоставлены? Каков порядок обращения залога в виде недвижимости в случае побега обвиняемого или подозреваемого? Необходимо ли учитывать любые обременения, связанные с жилой квартирой, передаваемой в обеспечение залога? И допустимо ли в таких случаях принимать в залог жилые помещения, в которых, например, прописаны несовершеннолетние дети?

Исходя из изложенного, можем сделать вывод о том, что недостаточно конкретная регламентация порядка применения залога сдерживает уполномоченный орган или лицо в ее применении.

Открытым остался вопрос о том, когда должны быть возвращены средства залогодателю, в случае рассмотрения уголовного дела судом: с момента вступления приговора в законную силу или с момента вынесения приговора суда. Представляется, что такая мера избирается, в том числе, и для обеспечения исполнения приговора, поэтому в законе, на наш взгляд, должно содержаться указание на то, что залог возвращается залогодателю после вступления приговора суда в законную силу.

Исследование порядка применения залога в качестве меры пресечения позволило внести некоторые предложения по изменению редакции ст. 106 УПК РФ:

- дополнить ч. 2 ст. 106 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Залог в качестве меры пресечения не может применяться на лиц, которые подозреваются или обвиняются в совершении тяжких или особо тяжких преступлений».

- дополнить ст. 106 УПК РФ частью 1.1., изложив ее в следующей редакции: «1.1. Для обеспечения залога может применяться банковская гарантия.

Банк или иное кредитное учреждение предоставляет банковскую гарантию в виде письменного обязательства органу, применившему меру пресечения в виде залога в отношении обвиняемого или подозреваемого. Обвиняемый или подозреваемый получает такую гарантию под определенный банковский процент, оговоренный в договорном порядке между ним и банком или иным кредитным учреждением. В случае нарушения условий применения залога обвиняемым или подозреваемым, орган, избравший данную меру пресечения, сообщает банку о необходимости перечисления суммы залога в доход государства посредством направления постановления в его адрес в соответствии с частью 6 статьи 118 настоящего Кодекса. После перечисления указанной суммы банк или иное кредитное учреждение вправе потребовать от обвиняемого или подозреваемого в порядке регресса возмещения сумм, уплаченных в доход государства по банковской гарантии. Банк или иное кредитное учреждение не вправе в одностороннем порядке расторгнуть договор банковской гарантии».

- ч. 2 ст. 106 УПК РФ дополнить новым абзацем следующего содержания: «С целью защиты прав и законных интересов потерпевшего суд, при принятии решения об избрании меры пресечения в виде залога, обязан учитывать мнение потерпевшего».

- ч. 6 ст. 106 УПК РФ дополнить новым абзацем следующего содержания: «Залогодатель вправе отказаться от принятых залоговых обяза-

тельств, в случае изменения обстоятельств, делающих невозможным дальнейшее его участие в уголовном деле в качестве залогодателя посредством подачи письменного заявления с указанием причин отказа в орган, избравший меру пресечения. В том случае, если залогодатель не является обвиняемым или подозреваемым, в отношении последнего в течение пяти суток избирается иная мера пресечения или другим лицом предоставляется ходатайство о согласии быть залогодателем. Если залогодателем являлся сам обвиняемый или подозреваемый, то в отношении него избирается иная мера пресечения в день подачи заявления о возврате суммы залога и изменении меры пресечения».

- ч. 10 ст. 106 УПК РФ дополнить новым предложением следующего содержания: «В случае постановления обвинительного приговора в отношении лица, к которому была применена мера пресечения в виде залога. Последний возвращается после вступления приговора суда в законную силу».

Представляется, что внесенные предложения, в случае их реализации, могут способствовать большей эффективности применения залога как меры пресечения, не связанной с ограничением и лишением свободы.

Литература:

1. Закон РФ от 29.05.1992 N 2872-1 (ред. от 06.12.2011, с изм. от 02.10.2012) «О залоге»// Российская газета, № 129, 06.06.1992.

2. Белоусов А.Е. Вопросы теории и практики применения мер уголовно-процессуального пресечения по законодательству Российской Федерации: Дис. ...канд. юрид. наук. Ижевск. 1995..С. 51.

3. Ибрагимов И.М. Защита прав потерпевшего на разных стадиях уголовного процесса // "Черные дыры" в российском законодательстве. 2008. N 4. С. 138.

Гапонова Д.В.
инспектор ОКТО ОК УРЛС ГУ МВД России по Краснодарскому краю
Gaponova D.V.
inspector OSTO OK UPLC MOI Russia in Krasnodar region

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МВД РОССИИ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

**LEGAL BASIS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF
STAFFING MIA RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS**

Аннотация В научной статье автор рассматривает исторические этапы развития кадрового аппарата в системе МВД России, на основе исследования литературных источников и нормативно-правовых документов проводит анализ проблем в современной кадровой работе правоохранительных органов, анализирует основные направления кадровой политики. На этой основе делает выводы и дает рекомендации по устранению спорных вопросов.

Annotation. In a scientific article, the author explores the historical stages of development of staff in the Ministry of Internal Affairs of Russia, based on the research literature and legal documents performs an analysis of the problems in modern law enforcement personnel, analyzes the main directions of personnel policy. On this basis, makes findings and provides recommendations for addressing controversial issues.

Ключевые слова: этапы формирования кадров в системе МВД России, современная кадровая политика, проблемы и пути их решения в кадровой работе правоохранительных органов.

Key words: framing stages in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, a modern personnel policy, issues and solutions to law enforcement personnel.

Глубокие социально-экономические, политические и духовно-идеологические преобразования в стране существенным образом повлияли на деятельность органов внутренних дел МВД России, на кадровую ситуацию в них.

Происходящие процессы демократизации российского общества выдвинули на первый план одну из важных задач – укрепление законности и правопорядка, надежной защиты конституционных прав и свобод граждан. Чтобы ее успешно выполнить, необходимо коренное обновление не только форм и методов борьбы с преступностью, но и кардинальное изменение

организационно-функциональной структуры органов внутренних дел, качественно новый подход к решению кадровых вопросов.

Исключительная важность решения проблемы кадрового обеспечения объясняется тем, что от уровня профессионализма и компетенции, бдительности и культуры, служебной этики, честности и порядочности сотрудников, их способности стоять на страже закона непосредственно зависят престиж и авторитет органов внутренних дел. Кадровое обеспечение подразделений внутренних дел занимает в этой связи одно из приоритетных направлений в совершенствовании управленческой деятельности.

Новизна и масштабность задач управления кадрами ОВД требуют научного анализа кадровой ситуации. Кадровую ситуацию в органах внутренних дел нельзя назвать стабильной. Накопившиеся за долгие годы нерешенные проблемы в кадровой работе негативно влияют на результаты борьбы с преступностью. За последние годы, несмотря на оптимизацию структуры и численности органов внутренних дел, наметилась тревожная тенденция оттока опытных квалифицированных кадров и замены их менее подготовленными сотрудниками.

Эти проблемы могут быть решены только на основе разработки научно-обоснованной стратегии и тактики формирования кадрового потенциала, совершенствования кадрового обеспечения и государственной образовательной политики в системе МВД России.

В связи с этим особый интерес для решения современных проблем представляет исторический опыт кадрового обеспечения и подготовки кадров. Историко-правовой анализ опыта развития кадрового потенциала МВД позволяет проследить эволюцию системы профессиональной подготовки, выявить особенности правового регулирования кадрового обеспечения, использовать уроки прошлого в современных условиях.

Вопрос о повышении образовательного уровня и профессиональной подготовки полицейских кадров поднимался еще во времена «просвещенного абсолютизма», но наиболее остро и актуально он встал в период правления Александра I. Проблема подбора и подготовки кадров полиции вызывала серьезную озабоченность у МВД Российской Империи на протяжении всего периода его существования, но особую актуальность она приобрела во второй половине XIX века, когда полиция стала комплектоваться на основе принципа вольного найма. С этого момента у руководства полицейских органов появилась возможность отбора для службы в поли-

цию лиц, наиболее отвечавших конкретным условиям вакантной должности.

Кардинальные изменения в системе полицейских органов предполагалось осуществить в ходе преобразований, запланированных и проводимых председателем Совета министров, министром внутренних дел П.А. Столыпиным.

Проблемы кадрового обеспечения органов внутренних дел (полиции, милиции) во все времена определялись теми функциями и задачами, которые возлагались на эти органы. Кроме того традиционно значительную роль в кадровом обеспечении играла и играет общая экономическая обстановка в государстве. После создания «регулярной» полиции в начале XVIII века четко обозначились следующие проблемы: обременение полицейских чиновников огромным числом обязанностей и полномочий, отсутствие хорошего образования, небольшое денежное довольствие.

В течение XVIII века проблемы кадрового обеспечения существенных изменений не претерпели – полицейские чины испытывали постоянные сложности, с правоприменительной точки зрения, из-за избыточного и разнопланового законодательства, а также в связи с юридической безграмотностью лиц, принимаемых на службу в полицию.

В конце XIX – начале XX века многие полицейские чины по-прежнему отмечали чрезмерную перегрузку своей деятельности разнообразными обязанностями, при мизерном жаловании. Часто излишняя требовательность государства, нескончаемость полицейских нововведений порождали у нижних исполнительных чинов административную апатию и попустительское отношение к делу. Постановлений по полиции было так много (и большей частью несущественных), что чиновники находили для себя возможным неисполнение сиюминутных распоряжений, находясь в уверенности, что в скором времени последует новый, опровергающий прежний закон или инструкция.

После февральской буржуазно-демократической революции и ликвидации карательно-репрессивных органов в России для поддержания общественного порядка и борьбы с преступностью была создана народная милиция. Ее деятельность регулировалась Положением, утвержденным Временным правительством 17 апреля 1917 года. Положение нормативно закрепляло основные функции и задачи милиции как государственного органа, а также вводило демократические начала в кадровую работу, устанавливало принципы отбора кадров. Важнейшими из этих принципов бы-

ли: добровольность, российское гражданство, участие местных органов самоуправления в решении кадровых вопросов в народной милиции.

28 октября (10 ноября) 1917 года было принято постановление Народного комиссариата внутренних дел «О рабочей милиции». Данным постановлением всем советам рабочих и солдатских депутатов предписывалось приступить к ее учреждению.

Система кадрового обеспечения милиции нашла юридическое закрепление в Инструкции НКВД и НКЮ от 12 октября 1918 года «Об организации Советской Рабоче-крестьянской милиции», определившей требования к лицам, которые принимались на работу в милицию. Кадры милиции могли комплектоваться из граждан РСФСР не моложе 21 года, вполне грамотных, признававших Советскую власть, пользовавшихся активным и пассивным избирательным правом в Советы. В милицию не могли приниматься представители эксплуататорских классов, служители религиозных культов, служащие и агенты бывших жандармских отделений и чины бывшей полиции.

Установление четких критериев подбираемых кадров милиции, определение основных аспектов кадровой функции, разграничение компетенции означало и завершение процесса становления кадровой функции, который совпал с завершением становления милиции в целом. Это нашло свое организационно-правовое закрепление в Положении о Рабоче-крестьянской милиции, утвержденном декретом ВЦИК 10 июня 1920 года.

Принципы отбора и назначения на должность были закреплены в Положении о Рабоче-крестьянской милиции 1920 года, получили свое дальнейшее развитие в Положении об НКВД (1922 г.) и Положении о службе Рабоче-крестьянской милиции (1925 г.).

Качественно новый уровень этой работы был придан после введения в действие в 1928 году Инструкции НКВД РСФСР «О подготовке поступающих в Рабоче-крестьянскую милицию». Для кандидатов на службу, в том числе и бывших красноармейцев, она предусматривала обязательное обучение на подготовительных курсах, организуемых при административном отделе. По сути дела эти курсы являлись прообразом ныне действующей первоначальной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Наиболее позитивные, проверенные практикой достижения в организации подбора, расстановки кадров получили юридическое закрепление в Положении о Рабоче-крестьянской милиции, утвержденном СНК СССР 25 мая 1931 года, регламентировавшем порядок назначения руководящего со-

става и закрепившем основные моменты организации обеспечения кадров, подготовки и переподготовки личного состава.

Положение юридически закрепляло обеспечение и льготы для работников Рабоче-крестьянской милиции и их семей, определяло права и обязанности милиции.

Централизация снабжения и финансирования органов милиции обеспечивала действительную возможность планомерного улучшения и укрепления материальной базы милиции и устранила, наконец, недопустимую пестроту в снабжении и финансировании милиции, дезорганизовывавшую руководство органами милиции.

Принимаемые правительством меры для улучшения кадрового обеспечения милиции в 30-е годы привели к сокращению текучести кадров, более тщательному их отбору и подготовке.

В предвоенные годы происходило дальнейшее совершенствование структуры кадровых аппаратов органов НКВД в центре и на местах, повышалась их роль и ответственность за организацию работы с кадрами. Принимались и меры, направленные на повышение профессионального мастерства сотрудников, на улучшение качественного состава кадров всех служб и подразделений органов внутренних дел.

Одной из таких мер явилось принятие Положения об отделе кадров союзного Наркомата внутренних дел, объявленного приказом НКВД СССР 3 мая 1939 года.

Увеличение объема и усложнение задач при остром некомплекте кадров в годы войны создало огромные трудности для органов милиции, их кадровых аппаратов. Однако вместе со всем народом милиция с честью выдержала все испытания, отдав свои лучшие силы фронту, защите Родины.

В феврале 1947 года в Главном управлении милиции МВД СССР был создан отдел кадров, а на местах - отделения кадров, что положительно сказалось на подборе, расстановке и воспитании личного состава, помогло успешно решить кадровую проблему в послевоенный период.

1 августа 1975 года введено в действие Руководство по работе с кадрами рядового и начальствующего состава органов внутренних дел. Этим нормативным актом регламентировалась организация работы с кадрами, их учебы, а также работа с письмами, жалобами и заявлениями.

Таким образом, в целях дальнейшего совершенствования организационно-правовых основ кадрового обеспечения в этот и дальнейший пери-

од были приняты такие нормативные акты, как Положение о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел, Дисциплинарный устав, Руководство по работе с кадрами и другие. Новый порядок комплектования личного состава милиции получил нормативное закрепление в Положении о советской милиции, введенном в действие с 1 июля 1973 года.

Опыт создания и развития системы кадрового обеспечения в органах внутренних дел Советского государства показывает, что она формировалась, проводилась и развивалась в общем русле кадровой политики КПСС и в соответствии с теми задачами, которые им приходилось решать на различных этапах своей деятельности.

В то же время ей, как системе кадрового обеспечения в отношении специфического силового ведомства, причем тоталитарного государства, были присущи свои особенности.

К изучению оценки и использованию этого опыта нельзя подходить однозначно. В современных условиях перехода страны к демократическому правовому государству его положительное содержание должно быть учтено и закреплено при разработке и утверждении новых нормативно-правовых документов, призванных эффективно регулировать вопросы кадрового обеспечения органов внутренних дел при формировании их профессионального ядра, организации общеобразовательной и профессиональной подготовки, в деле социально-правовой защиты сотрудников и их воспитания.

Пройдя долгий путь преобразований служба кадров и на сегодняшний день представляет собой ядро всей системы, сохранив одну из главных своих целей – обеспечение качества кадрового состава за счёт комплектования органов внутренних дел высококвалифицированными специалистами, выпускниками ведомственных образовательных учреждений, соответствующими государственным требованиям и общественным ожиданиям, способными и готовыми защищать права и свободы граждан, противодействовать преступности.

В рамках осуществленной реформы института полиции, в настоящее время одним из факторов, влияющим на кадровые процессы и, в конечном счете, определяющим систему мер, реализуемых в рамках кадрового обеспечения, является состояние оперативно-служебной обстановки. Ее недооценка или неправильная оценка приводит к негативному эффекту, вызываемому избытком или недостатком специалистов, требующихся для

служб и подразделений органов внутренних дел. Он выражается не только в экономических категориях, но имеет и отрицательный социальный аспект, причем, как представляется, последний является наиболее важным компонентом, который следует учитывать при выборе направлений развития кадровой системы. Таким образом, методически наиболее целесообразным и эффективным подходом к прогнозированию потребности в кадрах, их профессиональных характеристик является построение моделей кадрового обеспечения, синтезированных с моделями динамики оперативно-служебной обстановки. Именно такие модели дают возможность увязать показатели кадрового обеспечения с показателями, характеризующими эффективность деятельности органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью.

Говоря о проблеме кадрового обеспечения (прежде всего, имея в виду ее динамический и территориальный аспекты), в первую очередь необходимо рассмотреть вопросы подготовки специалистов для служб и подразделений органов внутренних и существующие здесь негативные моменты и противоречия.

На основании вышеизложенного, рассмотрим те первостепенные идеи, которые должны составить основное содержание и направление деятельности в кадровом обеспечении системы МВД России.

Во-первых, безусловно, система кадрового обеспечения МВД России должна быть единой для всей системы органов внутренних дел. В этих условиях работу с кадрами необходимо рассматривать в качестве приоритетной обязанности (важнейшей функции) руководителей всех уровней системы МВД России.

Во-вторых, не оставляет сомнений, что система работы с кадрами должна строиться с учетом необходимости поддержания баланса прав и интересов сотрудника, с одной стороны, и ведомства – с другой. Такой подход способен обеспечить эффективную реализацию конституционных прав и свобод сотрудника как профессионала, гражданина и личности в органическом единстве с интересами органов внутренних дел, служба в которых является особым видом государственной службы со всеми вытекающими отсюда взаимными правами, обязанностями и ограничениями.

Исходя из этих идей, должна определяться стратегическая цель кадрового обеспечения, основой которого является формирование высокопрофессионального, стабильного, оптимально сбалансированного кадрового корпуса органов внутренних дел, способного эффективно решать право-

охранительные задачи, поставленные перед Министерством внутренних дел Российской Федерации обществом и государством.

Стратегическая цель кадрового обеспечения ОВД, на наш взгляд, определяет следующие приоритетные направления:

1. Создание новой системы научно-аналитического и информационного обеспечения регулирования кадровых процессов.
2. Формирование новой нормативно-правовой базы кадровой работы.
3. Обеспечение органов внутренних дел высококвалифицированными и компетентными кадрами (на первом этапе – по должностям руководителей, отнесенным к номенклатуре МВД России).
4. Развитие новой системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров.
5. Реформа духовно-нравственных устоев службы в органах внутренних дел, воспитание у личного состава гражданственности, патриотизма, неукоснительного соблюдения законов, присяги и этических норм.

В этой связи основными задачами кадрового обеспечения органов внутренних дел являются:

1. Развитие регионального программирования работы с кадрами, предусматривающее разработку комплексных программ кадрового обеспечения органов внутренних дел, социальной и правовой защиты личного состава, укрепления законности.
2. Разработка системы информационного обеспечения деятельности кадровых аппаратов на основе современной компьютерной технологии, формирование фондов и банков данных, характеризующих кадровую ситуацию.
3. Нормативно-правовая разработка порядка прохождения службы, процедур и механизма организации работы с кадрами на основе уставных служебных взаимоотношений и в соответствии с концепцией развития государственной службы. В связи с этим, предстоит обновление всей ведомственной нормативной базы, определяющей порядок применения законодательных актов по вопросам прохождения службы, регламентирующих работу с кадрами.
4. Разработка и внедрение новой организационно-нормативной системы работы с руководящими кадрами и резервом, которая предусматривает разработку планов замены и расстановки руководящего звена органов внутренних дел, формирование по согласованию с главными управлениями и управлениями МВД России, органами власти и управления субъектов

Российской Федерации нового состава резерва руководителей всех степеней, постоянное обновление его перспективными работниками, имеющими достаточный, опыт и подготовку.

Важной задачей является совершенствование, модификация и образование новых систем обучения, подготовки и переподготовки кадров системы МВД России.

Итак, в современных условиях традиционного подхода к управлению кадровым обеспечением явно недостаточно. Требуются более гибкие организационные формы. Назрела необходимость совершенствования методов планирования и прогнозирования. Они должны опираться на более точное изучение потребностей органов внутренних дел в кадровых ресурсах, на научные прогнозы динамики кадров и развития оперативной обстановки, определяющей эту динамику, на всесторонний анализ и оценку разных вариантов кадровых решений, их непосредственных и долговременных последствий.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 06.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 2011. N 7. Ст. 900.
3. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2009. 491с.
4. Алиуллов Р.Р. Проблемы механизма государственного управления на современном этапе (вопросы теории и методологии) // Государство и право. 2005. № 3. С. 90-106.
5. Артемьев А.М. Реализация кадровой политики МВД России в сфере подготовки кадров (организационно-правовой аспект). М., 2010. 444с.
6. Бачило И.Л. Функции органов управления (правовые проблемы оформления и реализации). М., 1976. 554с.
7. Гончаров С.И. Организационно-правовые аспекты кадрового обеспечения высших учебных заведений МВД России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 345с.
8. Директива Главнокомандующего ВВ МВД России от 9 декабря 2009 г. № Д-16. М.: ГКВВ МВД России, 2009. 343с.
9. Дубинина Н.М. Совершенствование управленческой деятельности органов внутренних дел на основе разработки и реализации целевых программ (методологические, методические, организационно-правовые аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 243с.

10. Дьячковский С.А. Противодействие преступности в условиях новой тенденции криминальной ситуации в России: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2009. С. 245с.

11. Камышников А.П., Махинин В.И. Основы управления в правоохранительных органах. М., 2007. 643с.

12. Кильмашкина Т.Н. Персонализация внутрисистемных управленческих отношений как фактор повышения эффективности служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000. 330с.

13. Козлов Ю.М. Координация в управлении. М., 2006. 645с.

14. Маилян С.С. Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью. М., 2011. 961с.

15. Миняйленко Н.Н. Право на юридическую помощь и механизм его обеспечения в современной России (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2011. 347с.

16. Миронов А.Н. Особенности правоотношений в деятельности органов внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 214с.

17. Мухачев И.В. Проблемы гомеостаза в теории и практике российского конституционного права: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. 443с.

18. Пицик Н.И. Государственная кадровая политика в органах власти и управления как социальный институт: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2006. 537с.

19. Подрезов В.В. Формирование понятийного аппарата в области противодействия

терроризму как одно из направлений решения проблем межведомственного взаимодействия // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 57

20. Пынзарь А.Г. Механизм действия факторов правовой культуры и эффективность

реализации административно-правовых норм // Правоохранительная деятельность и правовое государство. СПб., 2009. С. 99 - 105;

21. Федоров В.И. Кадровое обеспечение системы МВД России: современные проблемы:

Монография. СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2007. С. 33.

22. Федоров К.Г., Ярмыш А.Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на

Дону, 1981.; Соловей Ю.П. Российское полицейское право: история и современность // Государство и право. 2000. № 6.

Кушников В.В.

адъюнкт Краснодарского университета МВД России

Kushnirov V.V.

adjunct Krasnodar University of MIA of Russia

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ О
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ**

**LAW ASPECTS OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONCEPT OF
ADMINISTRATIVE VIOLATIONS**

Аннотация. Автором предлагается взгляд социально-психологической оценки административных правонарушений с позиции концепции административно-правовых мер специального пресечения.

Annotation. The author offers a view of the socio-psychological assessment of administrative offences with the positions of the concept of legal and administrative measures for the special restraint.

Ключевые слова: административное правонарушение, меры специального пресечения

Keywords: administrative offence, special measures of restraint

Административно-правовые меры специального пресечения представляют собой подгруппу самостоятельной группы таких мер, которая в свою очередь входит в систему административного принуждения наряду с мерами предупредительного характера и мерами административного наказания. Однако рассматриваемые нами меры специального пресечения оказывают воздействия сильно разнятся как по характеру их применения, так и по способу и целям воздействия.

Подгруппа мер специального-экстремального пресечения отличается особым правовым психологическим воздействием на лиц, допускающих противоправные деяния.

В.Л. Зеленько рассматриваемую нами подгруппу мер определяет как личностную [1]. А.П. Ключниченко эту подгруппу мер пресечения определяет как меры специальные, подразумевая порядок их применения в ис-

ключительных случаях, если другими способами прекратить противоправное деяние нельзя [2]. Этим же названием – «специальные меры административного пресечения» – определяет их А.Г. Коренев, который вкладывает в них смысл, связанный с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в ситуации, когда иными мерами прекратить общественно опасное поведение невозможно [3].

Мерам специального административного пресечения присущи те же признаки, которые характеризуют административное пресечение в целом.

На основании проведенной дифференциации А.В. Менгес формирует определение данного вида административного принуждения: «Специальные меры административного пресечения – это закрепленные в нормах административного права, конкретизирующие в данном случае уголовно-правовые институты необходимой обороны, задержание лица, совершившего преступление, и крайней необходимости, средства физического воздействия на правонарушителя, применяемые должностными лицами государственных органов исполнительной власти, наделенных специальной компетенцией в сфере правоохранительной деятельности для прекращения противоправного, как правило, преступного поведения, предотвращения его вредных последствий, обеспечения возможностей привлечения правонарушителей к ответственности [4].

Если меры общего административного пресечения применяются различными должностными лицами государственных органов исполнительной власти, то применение специальных мер экстремального пресечения являются прерогативой определенного круга лиц. К нему относятся сотрудники органов внутренних дел, государственного наркоконтроля, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной пограничной службы, судебные приставы, фельдъегеря, инспекторы рыбоохраны и др. упомянутые в этом перечне органы исполнительной власти принято относить к правоохранительным. Отличительным признаком этих органов является то, что их должностные лица в законодательном порядке наделены полицейскими полномочиями, выражающиеся в возложении на них обязанности пресекать правонарушения и предоставлении соответствующих прав по задержанию, производству досмотра (осмотра), изъятия; осуществлению дознания либо производства по делам об административных правонарушениях; применению мер непосредственного принуждения.

Применение специальных средств сотрудниками полиции регламентировано в главе V Закона РФ №3-ФЗ «О полиции» принятого 7 февраля 2011г. [5], которая прямо называет специальные средства, такие как резиновые палки; слезоточивый газ; наручники; светозвуковые средства отвлекающего воздействия; средства разрушения преград; средство принудительной остановки транспорта; водометы и бронемашин; специальные окрашивающие средства, а также служебные собаки, электрошоковые устройства. Названная глава также формулирует основания их применения.

В настоящее время перечень специальных средств утвержден Закона РФ №3-ФЗ «О полиции» принятого 7 февраля 2011г. Установление перечня специальных средств, состоящих на вооружении полиции, а также правил их применения возложено на Правительство Российской Федерации.

Наличие правовых основ применения специальных средств все же требует своего совершенствования, поскольку на вооружение милиции поступают иные, не значащие в перечне спецсредства. Вопрос о допустимости использования которых в условиях российской действительности должен был бы решаться все же не заинтересованными ведомствами, а высшими органами представительной власти страны.

Отличительной особенностью российского Закона РФ №3-ФЗ «О полиции» принятого 7 февраля 2011г., является тот факт, что им определен порядок и правила применения спецсредств, исходя из каждого вида, будь то резиновая палка или слезоточивый газ.

Применение огнестрельного оружия, иных специальных мер экстремального назначения – одна из составляющих многогранного, сложного правового института, в котором нормы конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, административного и других отраслей права взаимодействуют между собой на началах взаимодополняемости.

В настоящее время в связи с ростом преступности ситуация резко изменилась. Соответственно увеличилось число граждан, погибших в результате огнестрельного оружия. Однако, порой, иного варианта, чем принятие сотрудниками полиции в считанные секунды решения о применении оружия в условиях, когда существует немалая вероятность ошибки в оценке обстоятельств внешне противоправного поведения, нет, но государство идет на этот риск, предоставляя сотрудникам органов исполнительной власти право на оперативное, осуществляемое на месте пресечения общест-

венно опасного поведения даже путем причинения смерти. В противном случае эффективная борьба с преступностью была бы невозможна.

Приведенные нами сведения поясняют необходимость в качественном обучении сотрудников правоохранительных органов правилам использования специальных мер административного пресечения и огнестрельного оружия. Необходимость постоянно совершенствовать методику проведения физической подготовки, прививать новые неординарные способы обучения сотрудников при проведении специальной подготовки. Также сотрудники правоохранительных органов обязаны знать психологические основы поведения человека, совершающего насильственные действия, уметь корректировать свое психологическое состояние в ходе конфликта, сопровождающегося физическим противостоянием.

Литература:

1. Зеленко В.Л. Вопросы теории и практики применения милицией мер административного пресечения правонарушений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1975.

2. Ключниченко А.П. Меры административного принуждения, применяемые милицией (Особенности. Классификация. Система выражения): Учебное пособие. Киев, 1979.

3. Корнев А.П. Правовые формы деятельности органов государственного управления // Правоведение. № 6. М., 1974.

4. Мингес А.В. Специальные меры административного пресечения: применения оружия, физической силы и специальных средств представителями исполнительной власти государства. Волгоград 1999. С. 15-19.

5. Закон №3-ФЗ «О полиции» от 7 февраля 2011г. СПС «Консультант плюс».

6. Гапонова Г.И. Социально-психологическая адаптация выпускников инженерного факультета на рынке труда/ Современный специалист и профессиональные компетенции: методический аспект подготовки // материалы Международной научно-методической конференции.- Краснодар: КСЭИ, 2012, -217с.

Панкратова О.В.

*доцент кафедры административного права и
правоохранительной деятельности
Кубанского социально-экономического института, к.ю.н.*

Pankratova O.V.

*Associate Professor of Administrative Law and law enforcement
Kuban Social and Economic Institute*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ИНВАЛИДОВ

LEGAL FRAMEWORK LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES IN NON-INFRINGEMENT OF DISABLED

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых проблем обеспечения прав инвалидов на полноценную жизнь. Актуальность исследования обусловлена неэффективностью имеющихся механизмов реализации и защиты прав инвалидов.

Annotation. The article is devoted to the analysis of legal problems of ensuring the rights of persons with disabilities on to full-fledged life. The relevance of the research is due to the inefficiency of the existing mechanisms of implementation and protection of the rights of persons with disabilities.

Ключевые слова: люди с ограниченными возможностями здоровья, конвенция о правах инвалидов, реализация прав инвалидов на полноценную жизнь.

Keywords: people with disabilities, Convention on the rights of persons with disabilities, the rights of persons with disabilities to full-fledged life.

На современном этапе развития общества решения проблем инвалидности и инвалидов является одним из приоритетных направлений социальной политики и в значительной мере определяет уровень социального благополучия как всего населения, так и его социально уязвимых слоев

В России сегодня свыше 13 миллионов людей с ограниченными возможностями, и их число имеет тенденцию к дальнейшему росту. Одни из них инвалиды с рождения, другие стали инвалидами вследствие заболевания, травмы, но все они являются членами общества и имеют такие же права и обязанности, как и другие граждане [1].

Для того чтобы проанализировать процесс социальной реабилитации инвалидов, вообще лиц с ограниченными возможностями, необходимо выяснить, каково содержание понятия «инвалидность» и что представляет собой процесс социальной реабилитации, какую цель он преследует, какие

составные части или элементы в него ходят. Термин «инвалид» восходит к латинскому корню (valid — «действенный, полноценный, могущий») и в буквальном переводе может означать «непригодный», «неполноценный» [2. с. 4-7]. После Второй мировой войны в русле общего движения по формулированию и защите прав чело века в целом и отдельных категорий населения в частности происходит формирование понятия «инвалид», относящегося ко всем лицам, имеющим физические, психические или интеллектуальные ограничения жизнедеятельности. Фиксируя генеральные принципы демократического жизнеустройства гражданского общества в международных документах, Организация Объединенных Наций в 1975 г. приняла Декларацию о правах инвалидов, где сказано, что «инвалид» означает любое лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и/или социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или приобретенного, его или ее физических или умственных возможностей» [3]. В Рекомендациях 1185 к реабилитационным программам 44-й сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 5 мая 1992 г. инвалидность определяется как ограничения в возможностях обусловленные физическими, психологическими, сенсорными, социальными, культурными, законодательными и иными барьерами, которые не позволяют человеку, имеющему инвалидность, быть интегрированным в общество и принимать участие в жизни семьи или общества на таких же основаниях, как и другие члены общества». Общество обязано адаптировать существующие в нем стандарты к особым нуждам людей, имеющих инвалидность, для того чтобы они могли жить независимой жизнью [4].

В 1971 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о правах умственно отсталых лиц, где утверждалась необходимость в максимальной степени осуществлять обеспечение прав таких инвалидов; декларировались права на надлежащее медицинское обслуживание и лечение, а также право на образование, обучение, восстановление трудоспособности и покровительство, которое позволяет умственно отсталому лицу развивать свои способности и возможности [5].

В 1989 г. Организацией Объединенных Наций был принят текст Конвенции о правах ребенка, которая обладает силой закона. В ней закреплено также право детей с отклонениями в развитии вести полноценную и достойную жизнь в условиях, которые обеспечивают его достоинство, способствуют его уверенности в себе и облегчают его активное участие в

жизни общества (ст. 23); право неполноценного ребенка на особую заботу и помощь, которая должна предоставляться по возможности бесплатно с учетом финансовых ресурсов родителей или других лиц, обеспечивающих заботу о ребенке, с целью обеспечения неполноценному ребенку эффективного доступа к услугам в области образования, профессиональной подготовки, медицинского обслуживания, восстановления здоровья, подготовки к трудовой деятельности и доступа к средствам отдыха таким образом, что приводит к наиболее полному по возможности вовлечению ребенка в социальную жизнь и достижению развития его личности, включая культурное и духовное развитие ребенка [6].

Положения о защите прав инвалидов содержатся также в таких документах, как Декларация социального прогресса и развития, Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психической помощи и т. п.

Интегративным документом, охватывающим все стороны жизнедеятельности инвалидов, являются Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов, утвержденные ООН в 1994 г. [7]. Идеология Правил основана на принципе обеспечения равных возможностей, предполагающем, что инвалиды являются членами общества и имеют право оставаться жить в своих общинах. Они должны получать поддержку, в которой нуждаются в рамках обычных систем здравоохранения, образования, занятости и социальных услуг. Специально оговаривается необходимость содействовать разработке местными общинами программ и мероприятий для инвалидов. Одной из форм такой деятельности является подготовка учебных пособий или составление перечней подобных мероприятий, а также разработка учебных программ для персонала на местах. Стандартные правила определяют, что государства несут ответственность за создание и укрепление национальных координационных комитетов или аналогичных органов для использования их в качестве национальных координационных центров по вопросам, касающимся инвалидов [8. с.131-143].

В Российской Федерации были изданы указы Президента РФ, направленные на государственную поддержку инвалидов, в том числе Указы Президента РФ «О мерах по формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности» (1992 г.), «О дополнительных мерах государственной поддержки инвалидов» (1992 г.), «О мерах по профессиональной реабилитации инвалидов и обеспечению занятости инвалидов», постановление Правительства Российской Федерации № 1151 от 25 ноября 1995 г., которым утвержден федеральный перечень гарантированных государством

социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам государственными и муниципальными учреждениями социального обслуживания [9].

Важным правовым документом в данной сфере является Федеральный Закон от 24 ноября 1995г. №181 – ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Этот закон является первым кодифицированным актом в этой области. Он вобрал в себя все прогрессивные нормы социальных законов зарубежных стран и международных документов.

В соответствии со ст. 2 Закона под социальной защитой инвалидов понимается система гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер, обеспечивающих инвалидам равные с другими гражданами возможности в реализации конституционных прав. Глава IV Закона о социальной защите инвалидов посвящена обеспечению жизнедеятельности инвалидов. Этой главой регулируются такие жизненно важные вопросы, как обеспечение образования и занятости инвалидов, медицинская помощь инвалидам, в том числе и лекарственное обеспечение, обеспечение инвалидов жилой площадью, транспортное обслуживание инвалидов, доступ инвалидов к информации и объектам социальной инфраструктуры.

Закон о социальной защите инвалидов ввел единое понятие инвалидности как для взрослых, так и для детей. Таким образом, социальное обеспечение представляет собой совокупность государственных мер по оказанию социальной помощи и социальному обслуживанию, а также распределению денежных средств для удовлетворения потребностей физических лиц, лишенных возможности самостоятельно обеспечивать себя средствами в объеме прожиточного минимума по независящим от них причинам.

Социальная защита этой категории населения должна быть нацелена на гуманизацию всех сфер жизни этих людей. Недопустимо, чтобы кто-либо из них ощущать себя лишним человеком, обременяющим близких, общество. Каждый должен как можно дольше сохранять желание и возможность жить в семье, активно участвовать в экономическом, политическом, культурном развитии общества, пользоваться всеми его благами и по возможности их приумножать [9 с. 32].

В ежегодном послании Президента РФ к Федеральному Собранию РФ Д.А. Медведев отметил, следующее: «В России практически отсутствует инфраструктура для жизни инвалидов и людей с тяжелыми заболеваниями. Излишне добавлять, насколько остро эта проблема стоит для детей.

Даже поездка в школу для ребенка-инвалида часто превращается в пытку. Найти автобус, приспособленный для перевозки детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, – целая проблема. Подъем на колясках в жилых домах, в учреждениях – чаще всего просто невозможен. Хотя, надо признаться, новые дома (то, что я вижу) строятся уже с учетом новых стандартов. Но такое происходит скорее наперекор обстоятельствам, а не благодаря системным мерам, предпринятым государством и обществом»[10. с. 4].

Создание доступной для инвалидов среды жизнедеятельности является составной частью государственной политики, практические результаты которой обеспечат инвалидам равные с другими гражданами права и возможности. При этом предусматривается, что инвалид сможет получить относительную независимость в быту, в городе (другом населенном пункте), в условиях обучения и трудовой деятельности. В связи с этим необходимо создание условий для инвалида в жилой градостроительной, образовательной, спортивной и производственной среде.

В настоящее время мировым сообществом уделяется пристальное внимание проблемам инвалидов. Так, например, главой Международного паралимпийского комитета – сэром Филипом Крэйвеном проинспектированы спортивные объекты в Сочи, где будет проходить олимпиада 2014 г. Он лично убедился, что все объекты будущих игр будут удобными и доступными для спортсменов, передвигающихся в инвалидных креслах. При подготовке олимпиады в Сочи 2012 г. повсеместно устанавливаются не только пандусы, но и подъемники, особая тактильная плитка для слабовидящих. С помощью специального амбулифта люди с инвалидностью могут попасть на Большую ледовую арену. Такие возможности предусмотрены на каждом стадионе, поэтому в Олимпийском парке проблем с доступностью не будет, уверены организаторы. Здесь все проектировалось с учетом самых строгих международных требований [11].

Однако к числу негативных явлений для становления системы реабилитации следует отнести отсутствие четкого разграничения полномочий органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления в области реабилитации инвалидов.

Серьезным недостатком в реабилитации инвалидов, является неразвита правовая база на региональном уровне. Она является все еще слабой, а ее дальнейшее развитие сдерживается в силу отсутствия должного фи-

нансирования мероприятий по реабилитации инвалидов в том или ином регионе [12. с 76-78].

Таким образом, исходя из сказанного, мы считаем, что актуальным представляется разработка Федерального Закона «О реабилитации инвалидов».

В рамках законопроекта следует:

- легализовать основные понятия, раскрывающие сущность и содержание реабилитации;
- законодательно закрепить основные принципы в области реабилитации инвалидов;
- разграничить полномочия федеральных и региональных органов государственной власти в области реабилитации;
- законодательно закрепить права инвалидов на реабилитацию и предусмотреть гарантии этих прав;
- урегулировать порядок инвестирования денежных и иных средств в сферу реабилитации в целях ее стимулирования;
- предусмотреть создание многопрофильной комплексной системы медико-социальной реабилитации;
- предусмотреть систему мер по реализации медицинской, профессиональной и социальной реабилитации;
- урегулировать информационное, научное, кадровое и финансовое обеспечение реабилитации инвалидов.

Литература:

1. Российская газета // Федеральный выпуск №531 от 1 марта 2012 г.
2. Российская энциклопедия социальной работы: В 2 т. М., 1997.
3. Резолюция 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН декларация о правах инвалидов 9 декабря 1975 г. // электронный рес. constitution.garant.ru/act/right/megdunar (дата обращения 18.05.2012г.)
4. Рекомендации 1185 к реабилитационным программам 44-й сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 5 мая 1992г. // электронный рес. constitution.garant.ru/act/right/megdunar (дата обращения 18.05.2012г.)
5. Декларация о правах умственно отсталых лиц 1971 г., принятая Генеральной Ассамблеей ООН // электронный рес. constitution.garant.ru/act/right/megdunar (дата обращения 18.05.2012г.)
6. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов, утвержденные ООН в 1994 г. // электронный рес. constitution.garant.ru/act/right/megdunar (дата обращения 18.05.2012г.)

7. Конвенция о правах ребенка, принятая ООН в 1989 г.
8. Социально-демографическое развитие в Западной Европе. М., 1992.
9. Правовая система Консультант Плюс (дата обращения 18.05.2012г.)
10. Пантелеева Т.С. Экономические основы социальной работы // М., 1999г.
11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 05.11.2008 г. «Российская газета» №230 от 06. 11. 2008.
12. «Олимпийские объекты в Сочи сдают особый экзамен – на внимание к инвалидам», 16 мая 2012г. электронный ресурс: 1tv.ru»news/sport/207203. (дата обращения 18.05.2012г.)
13. Белясов С. Н. Социальная защита инвалидов, как обязанность государства // Государство и право: теория и практика: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2011 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2011.

Пилюгина Т.В.

к.ю.н., доцент

*доцент кафедры административного права
и правоохранительной деятельности,*

Кубанский социально-экономический институт

Pilyugin T.V.

PhD in law, associate Professor

*Associate Professor of the Department of administrative law
and law enforcement Affairs*

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ДОЗНАНИЯ

HISTORICAL-LEGAL ASPECTS MILLS THE FORESTRY DEVELOPMENT INSTITUTE OF INQUIRY

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы истории развития института дознания, раскрыта правовая регламентация деятельности.

Annotation. The article discusses the history of the development of the Institute of inquiry, disclosed the legal regulation of the activities.

Ключевые слова. Полиция, следствие, орган дознания, расследование .

Keywords. The police, the investigation, the body of inquiry, an investigation .

В системе органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, дознание занимает особое место. Так, например, полиция, реализуя функцию дознания, оказывает непосредственное влияние на достижение общих целей системы расследования преступлений и способствует созданию необходимых предпосылок эффективной деятельности органов предварительного следствия.

Рассматривая особую роль дознания в системе правоохранительной деятельности отметим ряд ретроспективных исторических фактов. Так, указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г. «О внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» расширены полномочия органов дознания милиции за счет передачи в их подследственность отдельных видов преступлений, ранее расследуемых следователями органов внутренних дел. Кроме дел о хулиганстве и мелких хищениях предусматривался специальный порядок производства еще по 20 составам преступлений (раздел IX гл. 34 УПК РСФСР) [1].

В аспекте вышеуказанного можно предположить, что, несмотря на то, что Концепцией судебной реформы предусматривалась ликвидация дознания как самостоятельной формы расследования преступлений [2], тем не менее, законодательная практика пошла по пути сохранения и расширения компетенции дознания. Подтверждение тому, анализ практики. Из установленных правоохранительными органами виновных в совершении 1 млн. 794,5 тыс. преступлений, более 1 млн. 46,5 тыс. подлежит расследованию органам дознания, т.е. предварительное следствие по которым не обязательно, и лишь по 748 тыс. предварительное следствие обязательно [3]. В целях объективной оценки такого значения заглянем в историю и проведем историко-правовой анализ становления и развития института дознания в уголовном процессе. Ибо только изучение и осмысление причин и условий, сопутствующих возникновению и развитию дознания до наших дней, позволят лучше и объективнее понять роль и значение института дознания в современном уголовном процессе. Впервые термин «дознание» был употреблен в законе от 8 июля 1860 г. и определялся как «первоначальные изыскания, производимые полицией для обнаружения справедливости или несправедливости дошедших до нее слухов и сведений о преступлении...» [4]. Фактически под дознанием понималась первоначальная проверка информации о преступлении, проводимая полицией. Порядок этой проверки был установлен статьями 48, 312 УУС России 1864

года, а более подробно регламентирован в законе «О судоустройстве по делам, о преступлениях и проступках» [5]. В соответствии с указанными документами проверка проводилась в форме полицейского дознания.

В науке уголовного процесса дореформенный период развития уголовного судопроизводства обычно исчисляют с момента осуществления судебной реформы 1864 года, а в истории государства и права началом реформ второй половины XIX века, как правило, считают крестьянскую реформу 1861 года. Начало становления органов дознания в царской России неразрывно связано с развитием в стране абсолютизма и коренными преобразованиями в государственном устройстве, начатыми Петром Великим.

Анализ исторических и правовых источников позволяет сделать однозначный вывод о том, что с начала XVIII века прослеживается путь зарождения органов предварительного расследования, создаются специальные государственные органы полиции, в компетенцию которых входит и борьба с преступниками, и сыскная деятельность, и охрана порядка. В ряде правовых актов названного периода прослеживаются зачатки органов дознания, наиболее характерным является именной Указ от 1 мая 1746 года [6], в соответствии с которым деятельность полиции фактически осуществляет расследование в форме дознания, она занимается первоначальной проверкой информации о преступлении, разыскивает преступников (воров и разбойников), осуществляет охрану Российской империи.

Начало XIX века характеризуется существенными изменениями в структуре органов государственного управления, что обуславливает необходимость преобразований социально-экономической и политической жизни Российского государства. За эти годы произошло немало событий, оказавших судьбоносное влияние на весь ход развития России, изменивших систему государственных институтов и ее правовые устои. Создаются Министерства, изменяется структура полиции. Однако расследование преступлений по-прежнему остается в компетенции обязанностей полиции и разделяется на предварительное и формальное. Основной задачей первого являлось установление фактов происшествия, содержащих признаки преступления, задача второго состояла в выяснении обстоятельств совершенного деяния и подлежит ли обвиняемый наказанию [7]. Следствие рассматриваемого периода определяется как «первая, безусловно, необходимая часть уголовного судопроизводства, включающая в себя действительность преступления и применение всех обстоятельств в возможно полную известность» [8]. Обычно в роли следователя выступали квартальные над-

зиратели, а в крупных городах имелись особые должности следственных приставов уголовных дел. Производить расследование также могли земские суды, управы благочиния и различные присутствия, в которых состояли полицейские чины (полицмейстер, частный пристав, следственный пристав). Само расследование не изменилось, осталось предварительным и формальным.

Таким образом, формальное расследование царской России было ничем иным, как формой дознания. Формальное следствие (дознание) осуществлялось в отношении конкретного лица, привлеченного в качестве обвиняемого с целью окончательного решения, действительно ли оно совершило преступление и подлежит ли оно наказанию. Средствами для достижения целей формального следствия служил допрос обвиняемого и собрание доказательств иного характера (личный осмотр, собственное признание обвиняемого, показания свидетелей, повальный обыск, исследование документов, очная ставка, очистительная присяга). После окончания формального следствия все материалы визировались печатью, прошнуровывались и передавались на рассмотрение в суд.

Значимым событием в развитии института российского уголовного судопроизводства явились преобразования императора Александра II, а вторая половина XIX века считается началом его реформ. Именным Указом от 8 июля 1860 года следствие было отделено от полиции с передачей ей функций дознания. В 44 российских губерниях были введены должности судебных следователей с целью освободить полицию от выполнения не свойственных ей функций и дать полиции «более средств к успешному исполнению ее обязанностей, столь важных для порядка и спокойствия жителей всех состояний, и определить точнее свойство и крен ее действий» [9]. При этом ряд изданных нормативных актов (Наказ полиции о производстве дознания; Наказ судебным следователям) впервые фактически разграничил два института, две формы расследования (следствие и дознание), установив порядок производства по уголовным делам, определив взаимодействие следователя с полицией и судебными учреждениями. Крупным шагом в деле совершенствования государственно-правового устройства России явилась судебная реформа 1864 года. Она положила начало созданию независимого от администрации судопроизводства, существенно изменилось и дознание.

Деятельность полиции как органа дознания по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года осуществлялась под процессуальным руково-

дством судебного следователя и надзором прокуратуры. Согласно статьям 253-254 Устава уголовного судопроизводства процессуальная деятельность полиции как органа дознания ограничивалась проведением розысков, словесных опросов, негласными наблюдениями, при этом не проводилось ни обысков, ни выемок в домах. Полиция проводила эти действия для закрепления сведений, подтверждающих признаки преступления или проступка, другими словами, полиция занималась производством неотложных следственных действий в случае отсутствия на месте происшествия судебного следователя, а также задержанием подозреваемого. Полиция собирала не доказательства, а только сведения о них. Сенат не рекомендовал читать акты дознания в судебном заседании и особо подчеркивал, что признание обвиняемого на дознании, не подтвержденное в присутствии суда, не имеет доказательственного значения [10].

На практике, ввиду обширной территории страны, недостаточности участков судебных следователей, примитивных средств передвижения, присутствие судебного следователя на месте происшествия могло быть обеспечено не всегда, поэтому производство следственных действий полицией в пореформенной России не являлось такой редкостью. Остальные полномочия полиции по Уставу уголовного судопроизводства в виде «розысков, словесных опросов и негласных наблюдений» [11] по современной терминологии относятся не к следственным действиям, а к оперативно-розыскным мероприятиям.

Значение реформы 1860 года для преобразования не только уголовного судопроизводства, но и всей политико-правовой системы российского общества, а также для развития юридической науки заключается в отделении следствия от полиции согласно самым передовым в то время взглядам на природу уголовного процесса, которые в основном разделяются и в современной науке.

В результате указанной реформы сложились две формы предварительного расследования – дознание и предварительное следствие, существующие в российском уголовном процессе до сих пор, поэтому реформу 1860 года можно назвать реформой предварительного расследования. Отделение следствия от полиции дало возможность полиции более эффективно осуществлять свою основную функцию по охране общественного порядка, поэтому реформу 1860 года можно назвать первой полицейской реформой, а известная в истории полицейская реформа 1862 года в таком случае является второй полицейской реформой. Необходимость отделения

следствия от полиции была обоснована при подготовке крестьянской реформы, поэтому реформа 1860 года была прямой и непосредственной предшественницей крестьянской реформы 1861 года, с которой обычно начинается отчет преобразований второй половины XIX века в истории государства и права. Таким образом, и в уголовно-процессуальном и в общеправовом смысле именно с реформы 1860 года начались широкомасштабные реформы второй половины XIX века (крестьянская 1861 г., полицейская 1862 г., судебная 1864 г., земская 1864 г., финансовая 1864-1868 гг., военная 1864-1874 гг., городская 1870 г., тюремная 1879 г.), преобразовавшие всю политико-правовую систему российского общества.

В дореформенной уголовно-процессуальной науке не существовало единого мнения по поводу сущности дознания. По мнению одних ученых, дознание должно ограничиваться установлением признаков совершения преступления (А.А. Квачевский, В.К. Случевский) [12]. Другие считали, что дознание должно быть направлено на установление лица, совершившего преступление, и его виновности (И.Я. Фойницкий) [13]. Подобное неоднозначное отношение к институту дознания имело место как в советский период, так и продолжает иметь место в современной науке. Отсюда и различный подход к компетенции органов дознания отечественного законодателя во все последующие периоды развития общества, в том числе и в современный период.

Гибель Российской империи, последующая эпоха внутривнутриполитических катаклизмов обусловили значительные изменения в жизни населяющих ее народов. Одной из наиболее существенных черт нового этапа развития явились разрушения государственного аппарата [14].

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года существенных изменений в структуре и деятельности органов предварительного расследования не внесла, а сам 1917 год ознаменовался отрицанием всего старого, переломов в истории, отходом от традиций и опыта российского судопроизводства. Формирование органов предварительного расследования в послереволюционный период, как уже указывалось, претерпевает несколько этапов, характеризующихся конкретной исторической и социально-политической обстановкой в стране, а изданные правительством первые законодательные акты разделили предварительное расследование на следственные органы и органы дознания. Первый этап начался сразу после Октябрьской революции 1917 года и просуществовал до вступления в действие УПК РСФСР 1960 года, второй – охватил период с 1961 по 2002

год, а последний начался с момента введения с 1 июля 2002 года нового УПК РФ, принятого в 2001 году. Зарождение и формирование органов предварительного расследования в послереволюционный период характеризуется конкретной исторической и социально-политической обстановкой в стране, а изданные правительством первые законодательные акты разделили предварительное расследование на следственные органы и органы дознания.

Судебная реформа Российской Федерации, начатая в 90-х годах, определяла «верховенство юстиции над администрацией, преобладание внутреннего убеждения над приказом начальства, введение в ткань правоотношения личности, вместо механического исполнителя, ей было по пути со всякой системой, где дознаватель независим в своих решениях от вмешательства лиц, не являющихся субъектами процесса [15]. Необходимость перестройки предварительного расследования была очевидна.

В 2001 году Государственной Думой Российской Федерации принимается новый Уголовно-процессуальный кодекс России, и с этого времени начинается исчисление третьего этапа развития института дознания постсоветского периода (с 2002 года до настоящего времени). Современная редакция Уголовно-процессуального кодекса России охватывает деятельность органов дознания в рамках уголовного судопроизводства.

Тенденция слияния дознания с предварительным следствием и возрастания роли дознания в предварительном расследовании, имевшая место в течение всего развития советского уголовного процесса и некоторым образом приостановленная в первые десятилетия действия предыдущего УПК РСФСР, в ныне действующем уголовно-процессуальном кодексе достигла своего наивысшего развития.

С принятием нового Уголовно-процессуального законодательства современное состояние следственного аппарата Российской Федерации пошло по экстенсивному пути совершенствования деятельности органов предварительного расследования. Дознание стало восприниматься исключительно как самостоятельная форма предварительного расследования и, безусловно, носить уголовно-процессуальный характер. Процессуальный статус дознавателя практически не отличается от статуса следователя. Круг дел, подсудственных органу дознания, значительно превышает количество дел, подсудственных органам дознания, по сравнению с кодексом, действовавшим непосредственно перед вступлением нового. Отсюда можно констатировать, что дознание в том виде, в котором оно регулиру-

ется в действующем УПК РФ, на самом деле является ничем иным, как следствием, которое производит дознаватель либо должностное лицо органа дознания.

Литература:

1. Ведомости Верховного Совета РСФСР № 5. 1985. Ст. 163.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.
3. Вестник МВД России № 2 (91). М., 2007. С. 104.
4. Судебные уставы 20.11.1864, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Издание 2-е, доп. и измен. Ч. 2. СПб., 1867. С. 112-113.
5. Свод законов Российской Империи. СПб. Т. 16. Ч. 2. Разд. 3. С. 132.
6. Об учреждении в Санкт-Петербурге при Полиции особой Экспедиции для розыска по делам воров и разбойников. Именной указ от 1 мая 1746 г. // Пол. собр. законов Российской Империи. Собр. 1. Т. XII. № 9284.
7. Мулукаев Р.С. Система органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1989. С. 25
8. Боршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 50.
9. Алфавитный сборник распоряжений по Санкт-Петербургскому градоначальству и полиции, извлеченных из приказов за 1846-1865 гг. СПб., 1866.
10. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей. Изд. 6-е. СПб., 1907. С. 34.
11. Положение о негласном полицейском надзоре. Утверждено 1 марта 1882 года (изменено и дополнено: 1 января 1903 г.): История полиции России. М., 1998.
12. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1892. С. 357; Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном расследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Ч. 2. СПб., 1867. С. 63.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1910. С. 357.
14. Семик А.А. Социально-психологические характеристики облика российского полицейского и советского милиционера (конец XIX-XXвв.). Кострома-Краснодар, 2003. С. 21.
15. Концепция судебной реформы в РФ. М., 1992. С. 65.

Шадрин С.М.
адъюнкт Краснодарского университета МВД России
Shadrin S.M.
Associate Krasnodar University
Russian Ministry of Internal Affairs

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

THE PROBLEMS OF MODERN STATE POLICY IN RUSSIA IN REGULATION OF MIGRATION PROCESS

Аннотация. Автором рассматриваются миграционные проблемы с позиций общеполитических взглядов и правовых возможностей в России.

Annotation. The author discusses the migration problem from the standpoint of the general political views and legal opportunities in Russia.

Ключевые слова: миграционная политика, мигрант, дисфункции миграционных процессов.

Keywords: immigration policy, migrants, migration dysfunction.

В условиях роста миграционных потоков и особенностей модернизационного вектора развития современной России возрастает необходимость качественного обновления государственной миграционной политики. Одним из важнейших рискогенных факторов в отношении восприятия трудовой миграции практически во всех странах мира является ментальность коренного населения.

Миграционная политика имеет как краткосрочные, так и долгосрочные последствия для национальной безопасности. В этом отношении достаточно показательно, что погромы во Франции, были организованы не мигрантами, а молодыми гражданами Франции, потомками мигрантов в третьем поколении, которые, тем не менее, находились под влиянием паттернов поведения делинквентно ориентированной части мигрантского сообщества.

Модернизация социальных и экономических структур, демократизация политического режима в России возможны только при одновременной существенной трансформации менталитета российских граждан, обретения ими способности к самоорганизации, мирному и цивилизованному отстаиванию своих прав и интересов. В первую очередь необходимо модернизировать главные требуемые изменения глубинных фреймов российского

менталитета: «свое чужое», «ближний круг / государство», «высшие идеалы / польза» и «Россия / Запад» [1]. И одним из актуальных направлений модернизации сознания должно стать изменение восприятия трудовой миграции, в том числе и в части ее этнической составляющей. Речь идет не столько о трансформации ментальности граждан, но и о этнополитическом развитии государства.

Тот факт, что у трудовых мигрантов нет политических прав, а лишь ограниченные юридические права, совсем не означает отсутствия потенциала протестной активности со стороны мигрантов, способного нарушить существующий в стране социальный и политический порядок. При определенных условиях мигрантские сообщества вносят существенные коррективы в цивилизационную идентичность управления страной, приводя к ее деформации в пользу иных цивилизационных систем, что может быть отнесено к числу угроз национальной безопасности.

К ключевым дисфункциям государственной миграционной политики необходимо отнести:

- игнорирование при разработке политической линии государства факторов, возникающих в связи с социальной и демографической динамикой миграционных процессов;
- игнорирование факторов, связанных с непредвиденными последствиями глобализации – миграционные потоки между Севером и Югом, а также экономическим неравенством государств в контексте международного сотрудничества.

Даже вышеприведенные факты свидетельствуют, что теорию миграции населения нельзя вывести из эмпирических наблюдений путем их обобщения, требуется основанный на междисциплинарном дискурсе мета-теоретический подход, который необходимо разработать в рамках общественных наук. Отличительной особенностью новой экономики является то, что государства помимо их воли включаются в глобальные процессы, или, точнее, глобальные процессы захватывают их таким образом, что они оказываются в положении страны, зависимой от глобальной структуры производства, распределения и управления. Это прямо и непосредственно отражается на миграционных потоках рабочей силы. Если существует глобальная экономика, то существует и глобальный рынок труда, который обеспечивает трансграничное передвижение трудовых ресурсов, а, значит, имеются и соответствующие высокообобщенные правила соответствующих социальных и политических взаимодействий.

Долгие годы у значительной части элиты принимающих стран существовало убеждение, в соответствии с которым нормативными мерами можно обеспечить интеграцию мигрантов в общество за счет изменения норм поведения и паттернов культуры. На практике выяснилось, что ничего подобного не происходит, и мигранты не становятся полноценными политически и социально ответственными гражданами, более того, стремятся навязать базовые постулаты своей культуры коренному населению. С аналогичными процессами сталкивается и Россия.

За последние четверть века, формируемые трудовыми мигрантами диаспоры, все чаще становятся существенными игроками на международной политической арене. От социокультурной формы социального агрегата мигрантов, эти объединения гастарбайтеров все больше мигрируют к политическим структурам, оказывающим в принимающих обществах перманентное влияние на власть и политические процессы в социуме.

В западной политической науке данная проблематика в силу примата политкорректности долгое время оставалась без научного осмысления. Исключение из социальной и политической областей функционирования окружающего индивида социума на первом этапе вызывает у индивида чувство бессилия. На втором этапе, когда формируются политически ориентированные группы мигрантов, чувство бессилия может замещаться стремлением к политическому действию, что и наблюдается исследователями во многих странах мира. Организации трудовых мигрантов могут иметь определенные различия, но коалиции гастарбайтеров ориентированы не на этническую общность, а на решение социально-политических проблем.

Результатом политической рефлексии новых практик сообществ мигрантов стало фундаментальное изменение моделей формирования входящих в диаспоры групп и объединения мигрантов, защищающих свои интересы на не подразумевающей примат национальности политической платформе. Соответственно, у политических лидеров декларирующих интересы мигрантов появляются многочисленные варианты для манипуляций как политической коллективной идентичностью мигрантов, так и воздействия на процессы в политической системе принимающего общества. Периодически возникающие в разных странах волны ксенофобского насилия по отношению к мигрантам способствуют повышению политической активности территориальных сообществ мигрантов.

В общественных науках имеются многочисленные исследования проблематики трудовой миграции, однако существующий корпус текстов не позволяет обоснованно прогнозировать соответствующую государственную политику на среднесрочную и долгосрочную перспективу с точки зрения учета многочисленных угроз и рисков национальной безопасности и социальной стабильности принимающего мигрантов общества. Соответственно встает вопрос о создании метатеории, позволяющей осуществлять научное сопровождение принимаемых правящей элитой решений в вопросах трудовой миграции.

Переход от политики исключительно нормативного регулирования трудовой миграции к опыту изменения правил осуществления власти через социальное конструирование позволит учесть мнение всех заинтересованных сторон. Для этого необходим новый способ осмысления социальных связей со стороны всех политических факторов, а также формируемая через коллективное бессознательное ментальная система, отражающая специфику культуры как принимающей страны, так и трудовых мигрантов.

Существующая система трудовых отношений в настоящее время подвергается коренному изменению под давлением рыночной интернационализации, технологических инноваций и роста диверсификации работников. Поэтому необходим поиск не частных решений, а выявление системных дисфункций реализации миграционной политики не только в России, но и странах с аналогичными политическими проблемами.

Несмотря на многочисленные политические решения по вопросам предотвращения нежелательных миграционных потоков, ситуация продолжает оставаться напряженной. С обеих сторон конфликта между мигрантскими сообществами и принимающими государствами в Европе появились межнациональные активисты, которые стремятся политизировать социальный вопрос и субъективность мигрантов в Европейском союзе (ЕС). Группы аналогичной направленности постепенно набирают вес и в современной России.

Литература:

1. Розов Н.С. Императив изменения национального менталитета // Полис, 2010, № 4. С. 7-21.

III Раздел:
**«Правовые аспекты противодействия девиантному поведению
несовершеннолетних»**

Перфильева Н.

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета*

Шитов М.А.

*заместитель руководителя отдела процессуального контроля
Следственного управления Следственного комитета
России по Краснодарскому краю*

Perfileva N.

*Postgraduate Department of Criminal Law and Criminology
Kuban State University*

Shitov M.A.

*Deputy Head of the procedural control
Investigative Committee Russia in Krasnodar Krai*

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПОЛОВЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА НЕ-
СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE SOVIET CRIMINAL LAW
OF RESPONSIBILITY FOR VIOLENT SEXUAL ASSAULT OF A
MINOR**

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития уголовного законодательства об ответственности за насильственные половые преступления против несовершеннолетних в советский период, представлен анализ соответствующих положений Уголовных кодексов РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг.

Annotation. In the article development of the criminal legislation on responsibility for violent sexual crimes against minors during the Soviet period is considered, the analysis of the relevant provisions of Criminal codes of RSFSR 1922, 1926 and 1960 is submitted.

Ключевые слова: половые преступления, несовершеннолетний потерпевший, уголовное наказание, изнасилование, мужеложство, развратные действия

Keywords: sexual crimes, minor victim, criminal punishment, rape, sodomy, dissolute actions.

В первом советском Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. в гл. 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» со-

держался раздел 4 «Преступления в области половых отношений (статьи 166-171 УК РСФСР)» [1].

Исходя из положений данного закона, следует, что половые преступления условно подразделялись на ненасильственные (половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости; сношение, сопряженное с растлением и удовлетворением половой страсти в извращенных формах) и насильственные (изнасилование, т.е. половое сношение с применением физического или психического насилия или путем использования беспомощного состояния потерпевшего лица; принуждение из корыстных или иных личных видов к занятию проституцией, совершенное посредством физического или психического воздействия).

В ст.169 УК РСФСР несовершеннолетие потерпевшего не рассматривалось в качестве квалифицирующего признака. При этом изнасилование понималось как половое сношение с применением физического или психического насилия или путем использования беспомощного состояния потерпевшего лица. Таким образом, малолетство как разновидность беспомощности выступало в качестве всего лишь конструктивного признака состава, но не квалифицирующего. В части второй статьи речь шла лишь об одном отягчающем обстоятельстве – самоубийстве потерпевшего.

По УК РСФСР 1922 г. несовершеннолетний возраст потерпевшего имел значение для квалификации преступных действий по ч.1 ст.166 УК (половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости), ч.2 ст.166 УК (половое сношение с названными лицами, сопряженное с растлением и удовлетворением половой страсти в извращенных формах), ст. 168 УК (развращение малолетних и несовершеннолетних); ч. 2 ст. 170 УК (вовлечение в занятие проституцией лица, не достигшего совершеннолетия). Однако, как уже отмечалось, нормы о насильственных половых преступлениях интересующего нас квалифицирующего признака не содержали.

В соответствии с постановлением 2-ой сессии ВЦИК XI созыва 16 октября 1924 г. «О дополнениях Уголовного кодекса РСФСР для автономных республик и областей» в главах IX «Бытовые преступления», созданных специально для автономной Башкирской ССР, для Ойротской, Карачаево-Черкесской, Адыгейской, Кабардино-Балкарской автономных областей, для автономной области Калмыцкого народа предусматривались в качестве уголовно наказуемых следующие общественно опасные деяния: похищения женщины, достигшей брачной зрелости, для вступления в брак против ее воли (ст. 228 УК); принуждение женщины, достигшей брачной

зрелости к вступлению в брак со стороны родителей, опекунов или родственников против ее воли (ст. 229 УК).

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. [2] не содержалось отдельного раздела о половых преступлениях. Нормы о них размещались в главе 6 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». В уголовно-правовом порядке наказывались следующие общественно опасные деяния: половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах; половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, совершенное без указанныхотягчающих признаков; развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении них; половое сношение с применением физического насилия, угроз, запугивания или с использованием, путем обмана, беспомощного состояния потерпевшего лица (изнасилование), если изнасилование имело своим последствием самоубийство потерпевшего лица или было совершено над лицом, не достигшим половой зрелости, или хотя бы и достигшим таковой, но несколькими лицами; понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой, принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. расширил само понятие изнасилования. Так, в соответствии со ст. 153 изнасилованием уже признавалось «половое сношение с применением физического насилия, угроз, запугивания или с использованием, путем обмана, беспомощного состояния потерпевшего лица...». Структура этой нормы была явно несовершенной, т.к. предусматривала и такой способ его совершения, как обман, при котором не происходит существенного ограничения волевых способностей потерпевшего лица. Санкция за изнасилование предусматривала лишение свободы на срок до пяти лет. Следовательно, социальная опасность этого преступления, с точки зрения законодателя, была не так уж велика.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» верхний предел санкции был поднят до восьми лет.

Следует отметить, что Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. в первоначальной своей редакции не осуществляла криминализации добровольного

мужеложства. Статья 154-а, давшая определение этого правонарушения и установившая за него уголовную ответственность, появилась в тексте уголовного законодательства России только 1 апреля 1934 г. [3] Так, за «половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство)» наступала ответственность в виде лишения свободы на срок от 3 до 5 лет. Указанная статья устанавливала ответственность и за квалифицированные виды подобных половых контактов: с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего. Санкции за них колебались в пределах от 5 до 8 лет, т.е. эти преступления, по мнению советского законодателя тех лет, явно обладали повышенной степенью социальной опасности.

Если вести речь об уголовной ответственности за половые контакты между лицами женского пола, то по уголовному законодательству тех лет ответственность наступала только в двух случаях: если соответствующие деяния были направлены на несовершеннолетнюю, то они рассматривались как учинение развратных действий; когда к этому половому извращению понуждали потерпевшую, находившуюся в служебной или иной зависимости.

Если же подобные контакты совершались с применением физического насилия, угрозы таким насилием или с использованием беспомощного состояния по отношению к совершеннолетней женщине, то виновная фактически отвечала лишь за применение насилия или угрозу, если таковая охватывается какой-либо статьей Уголовного кодекса Союзной республики. Исключение составляли лишь УК Украинской и Эстонской ССР, где перечисленные случаи гомосексуальных контактов рассматривались как половое преступление, заключающееся в удовлетворении половой страсти в извращенных формах с применением физического насилия либо угрозы, либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 04.01.1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» были повышены санкции за основной состав данного преступления – «заключение в исправительно-трудовом лагере на срок от 10 до 15 лет» – и его квалифицированные виды. В качестве таковых были определены «изнасилование несовершеннолетней, а равно изнасилование, совершенное группой лиц или повлекшее за собой тяжкие последствия». За них предусматривалось наказание в виде заключения в исправительно-трудовой лагерь на срок от 15 до 20 лет.

УК РСФСР 1960 г. [4] несколько сузил круг уголовно наказуемых деяний, сопряженных с удовлетворением сексуальных потребностей. Так, он полностью декриминализировал вербовку женщин для занятия проституцией. Впервые в российской правоприменительной практике вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией (ст. 210 УК), сводничество с корыстной целью и содержание притонов разврата (ст. 226 УК) было отнесено к деяниям, предусмотренным гл. 10 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». В результате в качестве общественно опасных посягательств против общественных отношений, обеспечивающих права личности на половую свободу и неприкосновенность, стали выступать пять составов:

- изнасилование (ст. 117 УК);
- понуждение женщины к вступлению в половую связь (ст. 118 УК);
- половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости (ст. 119 УК);
- развратные действия (ст. 120 У);
- мужеложство (ст. 121 УК).

Верхний предел санкций за эти преступные деяния поднялся до 10 лет, чем советский законодатель подтвердил явную социальную опасность этих преступлений и необходимость борьбы с ними посредством уголовного закона.

Однако он, явно придерживаясь законодательной традиции 30-х годов прошлого века, разместил эти составы в гл. 3 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», тем самым продолжая признавать общественные отношения, обеспечивающие существование именно этих социальных благ личности в качестве видового объекта настоящих преступных деяний. Таким образом, право личности на половую свободу и неприкосновенность как собирательное правовое понятие государством еще не признавалось.

Условно эти составы можно было разделить на две основные группы: насильственные и ненасильственные (но, тем не менее, противоправные) способы удовлетворения лицом своей половой страсти. Первая группа состояла из изнасилования (ст. 117 УК) и мужеложства (ч. 2 ст. 121 УК). Вторая поглощала все иные составы.

Таким образом, в советский период сформировалась достаточной устойчивая система половых преступлений, и была осуществлена дифферен-

ция уголовной ответственности за них в зависимости от возраста потерпевшего лица.

Литература:

1. СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст.153.
2. СУ РСФСР. 1926 . № 80. Ст.600.
3. Постановление ВЦИК «О дополнении Уголовного кодекса ст. 154-а» от 15 марта 1934 г. // СУ РСФСР. 1934. № 12; Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.). М., 1938. С. 346.
4. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст.591.

Перфильева Н.

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета*

Perfilieva N.

*Postgraduate of Department of Criminal Law and Criminology
Kuban State University*

**СТАНОВЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ
ПОЛОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

**FORMATION OF LIABILITY FOR CRIMES OF SEXUAL VIOLENCE
AGAINST MINORS IN RUSSIAN CRIMINAL LAW PRE-SOVIET
PERIOD**

Аннотация. В статье рассматривается ретроспектива процесса становления ответственности за насильственные половые преступления против несовершеннолетних в российском уголовном законодательстве досоветского периода.

Annotation. In the article the retrospective of process of formation of responsibility for violent sexual crimes against minors in the Russian criminal legislation of the pre-Soviet period is considered.

Ключевые слова: насильственные половые преступления, изнасилование, мужеложство, ретроспективный анализ, памятники русского права.

Keywords: violent sexual crimes, rape, sodomy, retrospective analysis, monuments of the Russian right.

Языческая (дохристианская) Русь рассматривала сексуальность и сексуальные взаимоотношения в качестве проявления священного начала, исключавшего аскетическое и пуританское отношение к ним.

Посягательства же на половую неприкосновенность женской половины населения в российском государстве стало уголовно-наказуемым деянием после Крещения Руси.

Еще в Уставе Князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных в статье 9 перечислены дела, подлежащие ведению епископов: «Дал есмь: распусты, смильное, заставаньє, умыканье, пошибанье, умычка, промежи мужем и женою о животе, в племени или сватьстве поимуться...» [1]. Однако, расценивания «пошибанье» (изнасилование) с точки зрения церковного права как преступление, Устав не определял меру наказания за эти деяния. Интересно, что, по мнению исследователей, фраза «в племени или сватьстве поимуться» трактуется как нарушение запрета половых отношений в кругу близких родственников и свойственников [1]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что с именно в связи с Крещением Руси в правовую систему внедрены нормы о преступлениях данной категории по аналогии с византийским правом, где изнасилование и кровосмешение сурово карались: за вступление в половые отношения родители и дети подлежали смертной казни; аналогичное наказание применялось к лицу, изнасиловавшему обрученную девушку.

Еще одним примером законодательного памятника Древней Руси, содержащего правовые нормы об изнасилованиях, можно указать Церковный устав князя Ярослава, сложившийся, по мнению исследователей, в XII-XIII вв., гласивший:

«2. Аще кто пошибает боярскую дщерь или болярскую жену, за сором ей 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота; а менших бояр - гривна золота, а епископу - гривна золота; а нарочитых люди 3 рубля, а епископу 3 рубля, а простои чади – 15 гривен, а епископу 15 гривен, а князю казнити» [1].

Данная статья устанавливает дифференцированную ответственность за изнасилование женщины, зависящую от социального положения потерпевшей.

В Уставе содержались также положения, касающиеся группового изнасилования:

«7. Аже девку кто умолвить к себе кто и дать в толоку, на умолвнище епископу 3 гривны серебра, а девце за сором 3 гривны серебра; а на толочнех по рублю, а князь казнить» [2].

Здесь предусмотрен случай, когда кто-либо из мужчин пригласит к себе девушку и вместе со своими друзьями совершит групповое изнасилование [2].

В ст. 7 Правосудия митрополичие, писаном в Новгороде в XIII-XIV вв., содержатся аналогичные положения об изнасиловании: «Аще кто насилит девку, ли умчит, а будет дщи боярская ли жена – за срам ей 5 гривен злата, а меншир бояр дчи – гривен злата, а добрых 30 гривен серебра, а нарочитых ли 3 рубли. А умытцех епископу гривна, а князь казнит» [2].

Соборное уложение 1649 г. так же устанавливало ответственность за изнасилование. В частности, ст. 30 главы седьмой «О службе всяких ратных людей Московского государства» гласила: «А будет кто ратные люди едучи на Государеву службу, или з государевы службы по домом, учнут ставится по селам и по деревнях во дворех, или в гумнах для воровства, и станут грабити, и учинят смертное убойство, или женьскому полу насилиство, ... и тех за смертное убойство и за насилиство женскому полу казнити смертию...» [1].

Более четкую систематизацию норм об уголовной ответственности за половые преступления осуществил Артикул воинский (1715 г., апреля 26). Так, в указанном памятнике русского права имелась отдельная глава двадцатая «О содомском грехе, о насилии и блуде». В ней уже шла речь не только об изнасиловании женщины, но и о скотоложстве и мужеложстве.

Артикул 165 устанавливал: «Ежели смешается человек со скотом и безумною тварию и учинит скверность, оного жестоко на теле наказать» [1].

Артикул 166 предусматривал ответственность за мужеложство: «Ежели кто отрока осквернит, или муж с мужем мужеложествует, оные яко в прежнем артикуле помянуто, имеют быть наказаны. Ежели же насилиством то учинено, тогда смертию или вечно на галеру ссылкой наказать» [1].

Содержание указанного артикула позволяет сделать вывод об указании впервые в норме права на возраст потерпевшего – отрока, то есть несовершеннолетнего. Но дифференциация ответственности с учетом специальных признаков потерпевшего на этом этапе развития законодательства еще не осуществлялась.

В Артикуле 167 указано: «Ежели кто женский пол, старую или молодую, замужнюю или холостую, в неприятельской или дружеской земле изнасилует, и освидетельствуется, и оному голову отсечь, или вечно на галеру послать, по силе дела. ... Начатое изнасилование женщины, а неоконченное наказуется по рассмотрению» [1].

В Артикуле воинском содержится и положение об ответственности за похищение женщины и последующее ее изнасилование (Артикул 168): «Кто честную жену, вдову или девицу тайно уведет, и изнасилничает, а она вскоре, или потом хотя в том позволила, онаго казнить смертию, отсечь голову» [1].

Исследователи уголовного законодательства России и западноевропейских государств указывают на относительную мягкость наказаний за половые преступления по Артикулу воинскому в сравнении с западноевропейским законодательством, которое, как правило, предусматривало за их совершение смертную казнь, осуществляемую наиболее мучительным способом.

Однако анализ доступной практики применения названных норм в части применения наказания за половое насилие в отношении несовершеннолетних свидетельствует о том, что совершение данного вида преступления каралось крайне жестоко. Для примера приведем два Указа Сената, определивших наказание за названные посягательства. Так, по делу военнослужащего Лебядинцова Григория, обвиняемого в насильственном растлении своих малолетних падчериц Катерины и Прасковьи, было постановлено об учинении ему смерти путем отсечения головы [3]. По делу крестьянина Степанова, совершившего насильственное растление малолетней Улиты Зуевой, Сенат постановил: «Сказав смерть, положить на плаху и, подняв с плахи, бить кнутом, и вырезав ноздри, сослать в Оренбург в вечную работу» [4].

Об уголовной ответственности за половые преступления, хоть и вскользь, но упоминается в «Уставе благочиния, или полицейском», составленном в 1781 году и подписанном Екатериной II 8 апреля 1782 года. Так, в главе «Н. Взыскании» в ст. 267 указано: «Буде кто учинит насильство, разбой, или увоз, или похищение, того имать под стражу и отслать к суду, где поступать с ним, как законы повелевают» [5].

В начале XIX в. в Своде законов Российской Империи 1832 г. впервые была сделана попытка дать определение изнасилованию, под которым понимался половой акт, совершенный против желания потерпевшей. Так,

Свод за насильственные половые сношения с женщиной предусматривал наказание плетью с последующим лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение. Однако насильственный мужской гомосексуализм карался уже каторжными работами. Следующий свод законов 1833 года для лиц, изобличенных в мужеложстве, добавил к ранее действующим видам наказания лишение прав гражданского состояния и ссылку на поселение [6].

В уголовном законодательстве России вплоть до первой половины XIX в. отсутствовало строгое разграничение между малолетними, несовершеннолетними и взрослыми потерпевшими от половых преступлений.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. возраст потерпевших разделяло на следующие категории: до 7 лет, от 7 до 10 лет, от 10 до 14 лет, от 14 до 17 и от 17 до 21 года.

В указанном источнике русского права содержался раздел «О преступлениях против чести и целомудрия женщин», нормы которого, в частности, предусматривали ответственность за растление девицы, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, и изнасилование лица женского пола, достигшего четырнадцати лет. Первое признавалось более опасным деянием. В качестве квалифицирующих признаков для указанных посягательств закон называл применение насилия; осуществление растления или изнасилования лица, находившегося в зависимом от виновного состоянии (субъектами преступления в данных случаях в зависимости от вида деяния признавались, например, родители, иные родственники, опекуны); совершение изнасилования с похищением потерпевшей, с нанесением побоев, с истязанием, с использованием беспомощного состояния («состояния беспамятства или неестественного сна»); создание опасности для жизни потерпевшей; изнасилование, повлекшее смерть или растление [7].

В Уголовном Уложении 1903 г. ответственность за половые преступления дифференцировалась в зависимости от возраста потерпевших и иных признаков, характеризующих такие деяния, на: совершенное в отношении малолетних в возрасте до 14 лет, вне зависимости от насильственного или ненасильственного их совершения; развратные действия в отношении лица, заведомо не достигшего 14-летнего возраста; совершенное в отношении несовершеннолетних (14-16 лет) как с применением насилия, так и «с употреблением во зло его невинности»; совершенные в отношении лица женского пола, достигшего 16 лет, без ее согласия; развратные действия в отношении лица, заведомо не достигшего 14-летнего возраста или в

возрасте от 14 до 16 лет, находящегося под властью или попечением виновного; совершенные в отношении лица (оно могло быть и несовершеннолетним), принужденного к любострастным действиям посредством насилия над ним или угрозой убийством, причинения весьма тяжкого и тяжкого вреда потерпевшему или члену его семьи, если такая угроза могла вызвать у потерпевшего опасения в ее осуществлении, то есть была реальной; совершенные в отношении лица женского пола, если такие действия сопровождались растлением, но без плотского сношения, то есть действия, приведшие к разрыву девственной плевы, но без последующего совокупления.

Здесь же устанавливалась ответственность за мужеложство: с несовершеннолетним (от 14 до 16 лет) без его согласия, или хотя бы и с его согласием, но «по употреблению во зло его невинности» и с лицом, не достигшим 14 лет [8].

Таким образом, можно констатировать, что основы дифференциации уголовной ответственности за половые преступления в зависимости от возраста потерпевшего лица начали закладываться в Артикуле Воинском 1715 года и обрели достаточную выраженность в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а также в Уголовном Уложении 1903 года.

Литература:

1. Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1984. С.149.
2. История государства и права СССР (сборник документов). Ч.1 / Сост. Гончаров А.Ф., Титов Ю.П. М., 1968. С.168.
3. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Том 9. СПб., 1830. С. 907.
4. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Том 10. СПб., 1830. С. 881.
5. Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1987. С.381.
6. Конева М. Развитие уголовного законодательства России за насильственные действия гомосексуального характера // Уголовное право. 2002. № 4. С.25.
7. Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1988.

8. Законы уголовные. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по продолжению 1906 г., с позднейшими узаконениями. Уголовное уложение 22 марта 1903 г., с алфавитным предметным указателем / Сост. Н.А. Громов. СПб, 1909.

Хомяченко Ю.В.

соискатель Краснодарского Университета МВД России

Номыаченко Y.V.

competitor of the Krasnodar Russian Ministry of Internal Affairs

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

THE FEATURES OF MODERN GROUP OF JUVENILE CRIME

Аннотация. Предлагается оценить в преступности несовершеннолетних предпреступную форму групповых отношений как с наличием только подростков, так и в присутствии взрослых лиц.

Annotation. It is proposed to evaluate juvenile crimes before crime form of group relations with the presence of only a teen and in the presence of adults.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, группы подростков, организованная сплоченность, молодежные конфликты.

Keywords: juvenile delinquency, teen groups, organized bathroom cohesion, youth conflicts.

Преступность несовершеннолетних стала отличаться большим профессионализмом. Сочетание агрессивности и профессионализма часто приводит к тому, что молодежные преступные группировки стремятся вытеснить с определенной территории и из отдельных сфер преступной деятельности криминальные сообщества взрослых преступников. Для современных молодежных группировок характерна их многочисленность. В среднем эти группировки насчитывают 40-50 человек.

Ю.А. Воронин отметил, что фактически явление, с которым столкнулось сегодня российское общество, – это рост организованности, сплоченности молодежно-подростковых групп с криминальной направленностью. Эти группировки представляют собой молодежные организации, имеющие свою подконтрольную территорию, устойчивую структуру, жесткую систему подчинения и общего лидера или группу лидеров [1].

При этом, как отмечается в литературе «значительных масштабов достигли конфликты молодежных группировок друг с другом и ряда молодежных группировок с обществом. Последнее происходит в случае существенного противоречия идеологии молодежных групп и социальных ценностей, ориентиров, существующих в обществе эталонов взаимоотношений» [2].

Ю.А. Воронин также сформулировал основные особенности, присущие таким группировкам: во-первых, расширение верхних и нижних возрастных границ участников; во-вторых, расширение территориального контроля и сфер влияния криминальных подростково-молодежных групп; в-третьих, что является главным, корыстная направленность деятельности группировок, когда главной ценностной категорией выступает умение делать деньги с помощью краж, грабежей, но особенно – вымогательства у сверстников и малышей на подконтрольной территории; в-четвертых, существующая в стране стабильная организованная преступность воспроизводит себя в подростково-молодежной среде [1].

А.И. Алексеев, давая характеристику личности несовершеннолетних преступников, особо выделил обладание ими устойчивых привычек и стереотипов антиобщественного поведения. Это, по его мнению, выражается в следующем: постоянная демонстрация пренебрежения к общепринятым нормам поведения, склонность к употреблению спиртных напитков, наркотиков, бродяжничеству, побегам из дома и воспитательных учреждений, конфликтность, нечестность. Среди несовершеннолетних правонарушителей стали чаще встречаться лица, в полной мере освоившие криминальный профессионализм, нормы и антиценности преступной субкультуры [3].

Следует обратить внимание на значительный процент неучащих и неработающих к моменту совершения повторного преступления подростков. Известно, что незанятость трудоспособного молодого человека трудом или учебой имеет криминогенное значение, так как лишает его возможности добывать честным путем средства к существованию, дает много свободного времени, которое может быть использовано им вопреки интересам общества, выводит из сферы необходимого уровня социального контроля и позитивных связей в коллективе. Поэтому, как отмечено в литературе, субъекты профилактики могут прогнозировать высокую степень вероятности совершения повторного преступления со стороны тех подростков, которые не заняты общественно полезным трудом или уклоняются от учебы [4].

Для несовершеннолетних характерны импульсивность действий, непосредственно подсказываемых ситуацией, отсутствие чувства меры, интерес к внешнему эффекту, неспособность к сосредоточению. Быстрая смена настроений, излишняя возбудимость, неустойчивость чувств, незавершенность развития воли – эти возрастные особенности свойственны так или иначе всем юношам и девушкам и могут существенно повлиять на их поведение. Как показали исследования, заметную долю преступлений, особенно таких, как убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, хулиганство подростки совершают неожиданно не только для окружающих, но и для самих себя, импульсивно, под воздействием сложившейся на данный момент ситуации. Это требует повышенного внимания к исследованию особого состояния психики подростка – «подросткового комплекса».

Последние годы характеризуются совершением значительного числа тяжких насильственных посягательств несовершеннолетних, повышенной степенью общественной опасностью насильственных преступлений подростков, возрастанием тяжести причиняемых ими последствий, снижением «порога» мотивации, выражающейся в явном несоответствии повода и содеянного. Нередко насильственные преступления подростков сопровождаются особой жестокостью, дерзостью, издевательствами над потерпевшими [5].

И одной из неблагоприятных тенденций групповой преступности несовершеннолетних является увеличение количества таких преступлений и корыстно-насильственных, в частности, совершенных несовершеннолетними женского пола. В частности, такую неблагоприятную особенность современной преступности несовершеннолетних, как увеличение количества несовершеннолетних, совершивших преступления, женского пола, отметили Ю.Р. Орлова и В.И. Шиян [6]

По этому поводу Н.Н. Перетоккина писала, что «с начала 90-х годов отмечаются негативные изменения в характере и направленности преступной деятельности несовершеннолетних женского пола. Усиливается агрессивность, дерзость, цинизм в преступном поведении несовершеннолетних девушек. Это проявляется, с одной стороны, в повышении интенсивности, многоэпизодности преступной деятельности данного контингента, с другой, – в способах совершения преступлений: вооруженность, особая жестокость, садистская мотивация, выражающаяся в применении пыток, истяз-

заний, лишении жизни жертв разбойных нападений, изнасилований и др.» [7].

Важной составляющей криминологической характеристики преступности несовершеннолетних является характеристика несовершеннолетних, совершивших преступления, и в настоящее время отмечается омоложение преступности несовершеннолетних. Как указал А.Н. Козленко, «еще недавно нижний возрастной порог подростков, совершивших противоправные действия, составлял 13-14 лет. Теперь он снизился до 10-12 лет. Численность подростков, стоящих на учете в милиции возросла на 21 процент. Из них четверть составляют дети до 13 лет» [5].

В этом отношении нагляден следующий пример. В гор. Снежинске Челябинской области сотрудниками полиции была задержана группа несовершеннолетних, совершавших хищения денег у пожилых людей. Девочки в возрасте 11-13 лет стучались к одиноким старикам под предлогом попить воды. Попав в квартиру, просили «чайку». Пока пожилые люди доставали варенье и конфеты, злоумышленницы проверяли тумбочки и шкафы в поисках денег. В группе были три девочки в возрасте 11 и 13 лет и мальчики. На совершение противоправного деяния отправлялись исключительно девочки. Лидером в группе была девочка 11 лет [8].

По результатам проведенных исследований просматривается важная закономерность: чем меньше возраст преступника, тем ему значительно сложнее совершать преступления в одиночку. Подростку не хватает собственного криминального опыта, определенных знаний, смелости, а при поддержке «опытных» товарищей ему легче преступить грань законности [9].

Поэтому, говоря о групповой преступности несовершеннолетних, мы считаем, что следует провести анализ преступных групп несовершеннолетних.

Важным является вопрос об установлении системообразующего аспекта групповой преступности несовершеннолетних, изучении роли социальной группы в формировании и функционировании мотивов преступной деятельности. Для совершения преступления подростку необходимо обладать навыками преступного поведения, иметь соответствующие знания и криминальный опыт. В большинстве своем подростки не имеют еще подобных навыков и вынуждены прибегать к помощи других лиц, как правило, сверстников, либо лиц более старших [9].

Для подростков характерно не стремление к общению вообще, но именно к общению с теми, кто внушает симпатию. Следует заметить, что

для подростка характерны, как правило, большая готовность вовлекаться в групповые, совместные дела, чем проявлять инициативу самому, и, соответственно, самому отвечать за последствия.

В отношениях со взрослыми пропадает присущее ранее детям автоматическое уважение к старшему, безотносительно к его личным достоинствам. Причем критерии этих достоинств могут быть самыми неожиданными и зачастую не совпадают даже с принятыми в обществе.

Литература:

1. Воронин Ю.А. Введение в криминологию: курс лекций. – М., 2008. С. 214-215
2. Профилактика правонарушений и преступлений несовершеннолетних. – Воронеж, 2004. С. 63.
3. Алексеев А.И. Криминология: Курс лекций (изд. 5-е, исп. и доп.). – М., 2006. С. 204.
4. Ильяшенко А.Н., Маслов А.В., Харьковский Е.Л., Игнатов Е.А. Указ. соч. С. 19.
5. Козленко А.Н. Истоки и особенности современной преступности несовершеннолетних // Ювенальная юстиция и профилактика правонарушений. Материалы международной научно-практ. конфер. 26-28 ноября 1999г. Ч. 2. – СПб., 1999. С. 150.
6. Орлова Ю.Р., Шиян В.И. Особенности криминологической характеристики корыстно-насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними женского пола // Борьба с преступным насилием. – М., 2008. С. 510-511.
7. Перетоккина Н.Н. Насильственные преступления, совершаемые несовершеннолетними женского пола: криминологический аспект: Автореф. дисс. ... к.ю.н. – М., 2002. С. 4.
8. Козлова Н. Возраст без ответственности. Появились банды грабителей из детских садов и начальной школы // Российская газета. 2011. 21июня.
9. Медведева Н.Е. Предупреждение краж, совершаемых группами несовершеннолетних. – М., 2009. С. 18.

Чапурко Т.М.
*профессор кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права, д.п.н., к.ю.н.,
Кубанский социально-экономический институт*

Дорошенко Г.С.
уполномоченный по правам ребенка в Краснодарском крае

Chapurko T.M.
*professor of Criminal and Penitentiary Law KSEI
ph.d., ph.d.*

Doroshenko G.S.
the Ombudsman for Children in Krasnodar region

**РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНКИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ О ПОЛОЖЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ
КОЛОНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРЕЧЕНСКОЙ
ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ)**

**EVALUATION OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH ON THE
MINORS SERVING A SENTENCE IN YOUNG OFFENDERS
(EXAMPLE BELORECHENSKAYA JUVENILE CORRECTIONAL)**

Аннотация. Авторы предлагают оценить полученные криминологические исследования мнений воспитанников Белореченской воспитательной колонии Краснодарского края по вопросам условий жизни и перспектив социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей, отбывающих наказание в воспитательной колонии.

Annotation. The authors evaluate the offer received criminological research opinions Belorechenskaya juvenile correctional facility inmates Krasnodar region on the living conditions and prospects for the social rehabilitation of young offenders who are serving time in a juvenile prison.

Ключевые слова: криминологические исследования; правовое положение несовершеннолетних; наказание несовершеннолетних; воспитательные колонии.

Keywords: criminological research, the legal status of minors, the punishment of juveniles, juvenile correctional facilities.

Специальные учебно-воспитательные учреждения остаются наиболее перспективными реабилитационными учреждениями для несовершеннолетних с проблемами в поведении, обучении, развитии, адаптации. Своевременное помещение несовершеннолетнего в такое учреждение является одним из эффективных способов оказания несовершеннолетним

правонарушителям комплексной помощи, предупреждения совершения ими повторных правонарушений [1].

Несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, отбывают наказание в воспитательных колониях и в соответствии с частью 9 статьи 74 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [2], в воспитательных колониях также отбывают наказание осужденные, оставленные до достижения ими возраста 21 года. Осужденные несовершеннолетние направляются в воспитательные колонии на основании приговора суда не позднее десяти дней со дня получения администрацией следственного изолятора извещения о вступлении приговора в законную силу. Но результат правоприменительной практики и психологических исследований пришли к необходимости изменения указанного возраста к снижению. И проект Федерального закона, вносящий изменения в Уголовно-исполнительный кодекс РФ в 2013 году, предусматривает часть 9 статьи 74 УИК РФ в следующей редакции – «В воспитательных колониях отбывают наказание несовершеннолетние осужденные к лишению свободы, а также осужденные, оставленные в воспитательных колониях до достижения ими возраста 19 лет. В воспитательных колониях могут создаваться изолированные участки, функционирующие как исправительные колонии общего режима, для содержания осужденных, достигших во время отбывания наказания возраста 18 лет. Порядок создания, функционирования и ликвидации указанных участков определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний».

Исполнение наказаний в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних имеют свои особенности и они изложены в главе 17 – «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях» и регламентируются статьями 132-140 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Так, впервые осужденные несовершеннолетние мужского пола и осужденные женского пола содержатся в воспитательных колониях общего режима. Несовершеннолетние осужденные мужского пола, которые ранее уже отбывали наказание в виде лишения свободы, направляются в воспитательные колонии усиленного режима.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ предусматривает четыре вида условий отбывания наказаний в воспитательных колониях общего и уси-

ленного режимов (ст. 132 УИК РФ): обычные; облегченные; льготные; строгие.

В обычных условиях отбывают наказание все несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, кроме осужденных за умышленные преступления, совершенные в период отбывания наказания, и несовершеннолетние осужденные, переведенные из облегченных, льготных или строгих условий отбывания наказаний. В строгих условиях отбывают наказание несовершеннолетние, осужденные за умышленные преступления, совершенные в период отбывания наказания, а также признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и переведенные из обычных и облегченных условий отбывания наказания.

Проведенные исследования в Белореченской воспитательной колонии Краснодарского края позволили получить следующие результаты, которые выполнены были анкетированием воспитанников в 2011 г.

Результаты исследования, проведенного среди воспитанников Белореченской воспитательной колонии на тему «Условия жизни и перспективы социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей», проведенные сотрудниками аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Краснодарском крае позволили выявить некоторые проблемы в сфере соблюдения прав воспитанников, их осведомленности о своих правах и способах их защиты как в колонии, так и после освобождения.

В связи с этим в следующем году было проведено повторное анкетирование по вышеуказанным проблемам.

В анкетировании приняли участие 143 воспитанника, пятеро из которых находились в колонии второй раз. Преобладающий возраст воспитанников – 17 лет (около 55%), остальные воспитанники в возрасте 16 лет (22%), 15 лет (около 5%), а совершеннолетние составили 18% от общего числа.

Основная часть воспитанников подтвердила проведение с ними разъяснительной работы об их правах и обязанностях, при этом только 40% опрошенных ознакомились с ними в письменном виде. Следует отметить, что трое опрошенных ответили отрицательно, около 12% ребят вообще не помнят об этом. Такие результаты возможно объяснить формальным подходом со стороны сотрудников колонии при разъяснении прав и обязанностей воспитанников при их поступлении.

В целом по вопросу осведомленности о нормативных актах, определяющих права несовершеннолетних, складывается удовлетворительная картина, т.к. многие ребята отмечают, что знают их.

Большинство воспитанников (79%) считают, что их права в колонии соблюдаются. Вместе с тем, категорически не довольны своим положением 14% опрошенных, почти 4,9 % ответили, что их права соблюдаются не полностью, такое же количество воспитанников затруднились ответить на данный вопрос. Таким образом, почти четвертая часть несовершеннолетних считают, что их права в колонии нарушаются.

Весьма противоречивы ответы о наличии телефона в колонии и возможности воспитанников воспользоваться им в случае необходимости. Так, половина опрошенных знает об имеющемся в колонии телефоне, по которому можно сообщить о нарушении своих прав. При этом основная часть опрошенных несовершеннолетних сообщает, что воспользоваться им невозможно. Остальные ничего не знают о его существовании. Что позволяет высказать предположение об отсутствии должного доступа несовершеннолетних к телефону как к одному из способов защиты своих прав.

Более половины воспитанников осведомлены о номере телефона Уполномоченного по правам ребенка в Краснодарском крае из информационных стендов. У 19 осужденных возникала потребность обратиться к Уполномоченному, однако обращений от них не поступало.

Особое внимание было уделено проблеме жестокого обращения, при этом формулировка вопроса специально не содержала уточнений – с чьей стороны и в какой форме воспитанники подвергались насилию. В результате опроса выяснилось, что около 30% воспитанников подвергались жестокому обращению. Тревожен тот факт, что 13% воспитанников не знают, к кому им обратиться за помощью в случае жестокого обращения. Столько же опрошенных (13%) утверждают, что знают к кому обратиться, называя преимущественно воспитателей и руководство колонии. Примечательно, что большинство (87%) воспитанников ничего не ответили на заданный вопрос, что позволяет высказать предположение о том, что основная часть воспитанников не доверяет структурам, обеспечивающим защиту прав несовершеннолетних.

Относительно благополучная картина складывается по поводу удовлетворенности воспитанников профессией, получаемой в колонии. Так, более двум третьим опрошенных воспитанников нравится приобретаемая в колонии профессия и они надеются, что в будущем найдут работу по спе-

циальности. Вместе с тем, около 30% опрошенных высказали неудовлетворенность получаемой специальностью, полагая, что она им не пригодится, либо вообще затрудняются ответить на данный вопрос. Поэтому следует рассмотреть возможность более тесной связи специалистов колонии с краевыми службами занятости и введения в ПУ колонии дополнительных профессий, востребованных на рынке труда Краснодарского края, поскольку дальнейшее благополучное трудоустройство бывшего воспитанника колонии является жизненно необходимым условием его адаптации и реабилитации.

Одной из задач проведенного анкетирования являлось выяснение, куда вернутся освободившиеся из колонии юноши и в какие органы государственной и муниципальной власти, общественные организации и др. они могут обратиться за помощью в случае необходимости. Результаты опроса таковы: семеро ребят намерены жить у родственников, трое – у друзей и знакомых, четверым воспитанникам вообще негде жить, пятеро – не знают, где будут жить, а пятеро надеются вернуться в школы-интернаты, детские дома. Остальные 100 ребят считают, что будут жить в своей семье, а 10 ребят отметили, что имеют собственное жилье. Однако из ответов следует, что лишь 39% воспитанников знает, куда им можно обратиться за помощью, при этом многие надеются только на членов своей семьи. Порядка 1% опрошенных, т.е. единицы, называют сельскую администрацию, органы социальной защиты населения, центр занятости, ОВД, отдел по делам молодежи. Это свидетельствует о недостаточной осведомленности контингента воспитанников о службах, на которые возложена обязанность по содействию в вопросах жизнеустройства после освобождения осужденных. Эти же данные могут говорить и о слабой связи между осужденным и муниципальным образованием, из которого он прибыл.

В заключение опроса воспитанникам было предложено высказать пожелания по улучшению жизни в колонии. При этом пожелания воспитанников были весьма разнообразны: от предоставления более широкого выбора профессии, улучшения материально-бытовых условий до позитивных изменений в отношении сотрудников колонии к воспитанникам.

Таким образом, результаты анкетирования позволяют предположить, что в целом в Белореческой воспитательной колонии проводится определенная работа по правовому просвещению воспитанников. Вместе с тем, недостаточная информированность осужденных о своих правах и способах их защиты после освобождения, слабая связь с представителями муници-

пальных образований могут не лучшим образом сказаться на их адаптации после выхода из колонии.

Литература:

1. Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации» 2011. – М., 2011. С. 77.
2. Собрание законодательства РФ. 1997. № 2, Ст.198.

Черник Н.Ю.

*соискатель кафедры теории и истории
государства и права КубГАУ*

Chernik N.Y.

*competitor of the Department of Theory and History of the
state and Law KubGAU*

К ВОПРОСУ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ В XVIII-XX ВВ.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

GO TO CRIMINAL PENALTIES MINORS IN RUSSIA IN THE EIGHTEENTH AND TWENTIETH CENTURIES: HISTORICAL-LEGAL OPINION

Аннотация. Автор предлагает историко-правовой взгляд и оценка вопросов привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних за совершение преступлений по законодательству XVIII-XX вв. В исследовании проводится сравнительно-правовая оценка общественной опасности преступлений, совершаемых несовершеннолетними, и уголовной ответственности.

Annotation. The author offers historical and legal opinion and assessment of the issues attracting tion to the juvenile criminal responsibility for crimes committed on legislation of the eighteenth and twentieth centuries. In a study conducted comparative legal assessment of Public danger of the crimes committed by juveniles, and criminal responsibility

Ключевые слова: несовершеннолетний, совершение преступления и правонарушения, уголовная ответственность, наказание.

Keywords: juvenile, crime and delinquency, criminal responsibility, punishment.

Правонарушающее поведение несовершеннолетних всегда вызывало повышенное внимание педагогов, социологов и юристов, что вполне обосновано, поскольку молодое поколение является естественным резервом социального развития, а нарушение законодательных запретов лицами

подросткового возраста, их распространенность не только свидетельствуют о существующих недостатках воспитания, но и в значительной мере являются прогностической характеристикой преступности в целом. Нередко подростки совершают те или иные противоправные деяния на почве озорства, не всегда осознавая значение последствий своего поведения. Поэтому к привлечению несовершеннолетних к ответственности надо подходить осторожно, тщательно выяснять мотивы совершаемого правонарушения, а также важно отличать озорство и шалость от преднамеренного правонарушения или преступления, что прямо вытекает из принципа справедливости, закрепленного в ст. 6 УК РФ.

Подобное отношение традиционно для всех периодов исторического развития уголовного законодательства России. Так, в 1742 году Сенат вместе с президентами коллегий указывал, что «малолетство как для мужского, так и для женского пола нужно считать до 17 лет и что таковых нельзя подвергать тем же наказаниям, что и взрослых». Малолетние не могли подвергаться ни смертной казни, ни пытке, ни кнуту; для них эти наказания заменялись сечением плетью и отдачей в монастырь на исправление для употребления их там на всякие тяжелые монастырские работы, чтобы они никогда праздны не были, а по освобождению из монастырей повелевалось их отсылать в те места, откуда кто прислан, а из этих мест отсылать их в прежние жилища.

Позже в Указе 1765 года была установлена полная невменяемость до 10 лет, а к лицам в возрасте 10-17 лет допускалось смягчение наказания. При этом предписывалось, что обвиняемых в преступлениях, влекущих смертную казнь или кнут, необходимо было представлять в Сенат, где с ними поступали по благорассмотрению и по мере их вины; при смягчении ответственности за прочие преступления различались малолетние от 10-15 и от 15-17 лет. Малолетних до 10 лет признавали абсолютно невменяемым и отдавали без придания суду и без наказания на исправления родителям, родственникам или опекунам.

Начиная с 1845 года главным источником российского уголовного законодательства стало «Уголовное Уложение», в котором государство закрепляло отказ от уголовного наказания малолетних, а также передачу несовершеннолетних в возрасте до 17 лет под ответственный надзор родителей или лиц, у которых они находились. Однако законодатель в тот историко-правовой период ничего не говорил о том, какие меры должны быть применены по отношению к этому малолетнему теми, кому он отдан под

надзор. Позже в «Уголовное Уложение» были включены меры, определяющие ответственность подростков за упорное неповиновение родительской власти, а равно и за грубое с родителями обращение, подвергая виновных аресту до 6 месяцев, но такая ответственность должна была быть назначена судом на общих основаниях. Согласно «уголовному Уложению» дисциплинарная форма воздействия должна была осуществляться самими родителями, но при этом закон не определял ни объема, ни характера дозволенных к употреблению средств. И лишь в издании 1900г. в ч.1 ст.168 будет указываться на то обстоятельство, что родители по отношению к своим детям не могут покушаться на такие деяния, которые по общим законам подлежат уголовному наказанию. Основным важным показателем «уголовного Уложения» видится то факт, что выполнение обязательного воспитания, прежде всего, ложилось на семью. Но если же в семье отсутствуют возможности выполнения этого назначения своими средствами, на помощь приходит государство, волю которого обязаны были исполнять школьные педагоги. Применение дисциплинарных форм власти в школе специального типа, по общему правилу, безусловно, устраняло действие карательной власти государства и допуская ее вмешательство только в случае совершения тяжких преступлений воспитанниками, достигшими 14-летнего возраста.

С другой стороны, государство устанавливало надзор за школьными взысканиями, определив для них известные пределы. Но эти взыскания должны были налагаться с исключительной целью исправления, а не быть актом возмездия. Регулируя действия дисциплинарной власти школы, государство сохраняло за собой право контроля над его органами, подвергая их дисциплинарным и уголовным взыскания за превышения власти.

Развитие правоприменительной практики в те исторические периоды развития общества и государства видимо изменили взгляд на данную проблему ответственности несовершеннолетних и в Уложении 1845 года отступили от выше указанной системы, приняв предельным возрастом 7 лет, но вместе с этим малолетние в возрасте 7-10 лет не подвергались определенному в законах наказанию, а отдавались родителям или благонадежным родственникам для домашнего исправления. В свою очередь лица, совершившие преступления в возрасте от 10 до 17 лет, подвергались наказанию при условии их признания «полностью вменяемыми».

В противном же случае применялось общее правило об уголовной безответственности за невменяемостью. И в соответствии с Уложением

1845 года лица, совершившие преступления в возрасте от 17-21 года, подвергались наказанию менее строгому, чем взрослые, но при этом закон различал случаи присуждения их к наказаниям уголовным и наказаниям исправительным.

Далее, в «Уложение о наказании», изданном в 1885 году, в ст. 92 указывалось на три категории «уголовной невменяемости», среди которых первой является малолетство, как неразвитость, зависящая от естественных условий развития человеческого организма.

Юный возраст преступника играл и играет в уголовном праве весьма разнообразную, но очень существенную роль, а именно: 1) в эпоху детства возраст устранял как вменяемость, так и привлечение к ответственности в порядке уголовного суда; 2) в эпоху отрочества возраст служил основанием или невменяемости и уголовной безответственности, или же замены наказания исправительно-воспитательными мерами; 3) в эпоху юности возраст служил основанием особого смягчения уголовной ответственности, которой подлежал бы виновный за учиненное деяние, если бы был взрослым.

Такая позиция законодательного установления имела явную предупредительную форму, состоящую в том, что уголовное законодательство того периода строго карало за рецидив преступления, а именно, по ст. 146 Уложения (издание 1885г.) несовершеннолетние в случае учинения ими нового преступного деяния наказывались, как совершеннолетние лица.

Иная политика в вопросах ответственности несовершеннолетних была определена в период советской власти: так в декрете СНК РСФСР от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних» указывалось, что «суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упраздняются, а дела о несовершеннолетних до 17 лет, замеченных в деяниях общественно опасных, подлежат ведению комиссии о несовершеннолетних».

Декрет СНК «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях», принятый 4 марта 1920 г. повысил возраст несовершеннолетних, дела о которых подлежат рассмотрению на комиссиях, до 18 лет.

Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. были введены понятия «малолетний и несовершеннолетний» правонарушитель.

В ст. 12 УК РФ (в редакции 1935г.) был дан перечень преступлений,

за которые устанавливалась уголовная ответственность лиц, достигших к моменту совершения преступления 12-летнего возраста. Исходя из данной статьи, мы можем сделать вывод, что малолетние – это дети до 12 лет, а старше – несовершеннолетние.

Более того, постановлением ЦИК и СНК от 5 апреля 1935г. была отменена ст. 8 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик, предоставлявшая право применять к несовершеннолетним меры медико-педагогического характера. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 года были ликвидированы комиссии по делам несовершеннолетних.

Во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы основными криминогенными условиями были беспризорность и безнадзорность подростков, а также тяжелое материальное положение страны. Постановлением СНК СССР от 23 января 1942 года «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» было предусмотрено создание при исполкомах местных Советов комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей, расширение детских домов, приемников-распределителей, организация суворовских школ. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 17 февраля 1948 года «О применении указов от 4 июня 1947 года в отношении несовершеннолетних» судебным органам предлагалось в случае совершения хищения в незначительных размерах несовершеннолетними в возрасте от 12 до 16 лет ставить вопрос о прекращении дела в уголовном порядке и направлении обвиняемых в трудовые воспитательные колонии.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые Верховным Советом СССР от 25 декабря 1958 года, и Уголовные кодексы союзных республик, принятые в 1959-1961гг., повысили возраст, по достижению которого наступала уголовная ответственность. В ст. 10 Основ указывалось, что уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет. За совершение убийства, умышленное нанесение тяжких повреждений, причинивших расстройство здоровья, изнасилования, разбойного нападения, кражи, злостного и особо злостного хулиганства, умышленного уничтожения или повреждения государственного, общественного имущества или личного имущества граждан, повлекших тяжкие последствия, а также умышленных действий, могущих вызвать крушение поезда – уголовная ответственность наступала с 14 лет.

В Основах, принятых в 1991 году, статья 10 несколько дополнена: ответственность с 14 лет наступает также за хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и за хищение наркотических веществ.

К несовершеннолетним не применялись ссылка, высылка, лишение свободы в виде заключения в тюрьме и др. Законодательство ориентировало правоохранительные органы на преимущественное применение мер воспитательного характера, а не уголовного наказания в случаях совершения преступления, не представляющего большой общественной опасности / ч. 3 ст. 10 Основ; ч. 3 и ч. 4 ст. 10 УК РСФСР/. Согласно пункту 6 статьи 63 УК РСФСР в качестве одной из принудительных мер воспитательного характера предусматривалась передача несовершеннолетнего под наблюдение трудового коллектива, общественной организации или отдельному гражданину, либо назначение общественного воспитателя в соответствии с Положением об общественных воспитателях несовершеннолетних.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1977 года «О дополнении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик статьей 39-1» при назначении наказания несовершеннолетнему, впервые осуждаемому к лишению свободы до 3 лет, суду, с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела, а также возможности его исправления и перевоспитания без изоляции от общества, предоставлялось право отсрочить на срок от 6 месяцев до 2 лет исполнение приговора к лишению свободы.

Такая постановка вопроса относительно уголовной ответственности несовершеннолетних привносит сегодня возможность применения повышенного наказания к несовершеннолетним, совершившим рецидив.

Литература:

1. Евтеев М.П., Кирин В.А. Законодательство об ответственности несовершеннолетних. – М.: ПРИОР, 1980.
2. Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 11.
3. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. - 464 с.

IV Раздел:
«Совершенствование уголовной политики в сфере обеспечения иных
социально-значимых интересов»

Бабахинайте Г.

*профессор кафедры уголовного права и
криминологии юридического факультета
Университета Миколаса Ромериса, д.ю.н.*

Чапурко Т.М.

*профессор кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права, д.п.н., к.ю.н.,
Кубанский социально-экономический институт*

Babahinayte G.

*Professor of Criminal Law and
Department of Criminology
Mykolas Romeris University, Doctor of Laws*

Chapurko T.M.

*professor of Criminal and Penitentiary Law KSEI
ph.d., ph.d.*

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ
ТЕНДЕНЦИЙ ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В ЛИТВЕ И РОССИИ**

**COMPARATIVE-LEGAL ANALYSIS OF MODERN TRENDS
IN RECORDED CRIME IN LITHUANIA AND RUSSIA**

Аннотация. Авторами в вопросах характеристики современных тенденций преступности проводится сравнительно-правовой анализ в разных государствах с позиций оценки регистрирования правоохранительными органами совершенных и совершаемых преступлений. Итогом сравнительно-правового анализа стали выводы об организационно-правовых установлениях регистрации преступлений.

Annotation. The authors in matters of the characteristics of modern trends Crime conducted a comparative legal analysis in different countries from the standpoint of evaluation registers are hence committed by law enforcement agencies and the crimes committed. Comparative legal analysis started with the conclusions about, establish-law reporting crimes.

Ключевые слова: преступность, криминологический анализ, состояние преступности, статистика, динамика, уровень, государство, население.

Keywords: crime, criminological analysis, state of crime statistics, dynamics, level, state, population.

Преступность – это система совершившихся и совершающихся на территории определенного государства преступлений, характеризующаяся показателями уровня (количества совершаемых преступлений), структуры и динамики.

Основные характеристики преступности определялись и сегодня определяются развитием экономических отношений, в частности, становлением социалистических или капиталистических отношений производства.

Так, криминологический анализ современных тенденций зарегистрированной преступности в Литве охватывает период от 1988 до 2011 года. Так, с 1988 г. в зарегистрированной преступности произошли значительные перемены, и характер этих перемен, различные социальные предпосылки их обоснования, позволяют выделить следующие три этапа: 1) 1988–1995/96гг.; 2) 1996-2003гг.; 3) 2004 по настоящие годы.

Основные социальные предпосылки первого этапа – перестройка М.С. Горбачёва, когда всевозможные так называемые кооперативы «делали бизнес», используя государственные (ещё общенародные) ресурсы для собственного обогащения; как следствие уже к 1988 году наблюдался значительный прирост преступности. Кроме того, в 1990 году Литва стала независимой республикой и началось становление демократической государственной власти, а так же и переходный период от социалистической к рыночной экономике – начался процесс приватизации.

Основные характерные черты первого этапа развития преступности в Литве:

- зарегистрированная преступность в Литве за короткий семи-восьмилетний период возросла примерно в три раза: в 1988 г. зарегистрировано 21 337 преступлений, 12 746 лиц, их совершивших; осуждено 8 002 лиц. Уровень преступности на 100 тыс. чел. населения – 582 преступления, 347 лиц, их совершивших, 218 осужденных. «Пик» количественных показателей регистрированной преступности относится на 1994-1995 гг. В 1994 г. зарегистрировано 58 634 преступления, 21 290 лиц, их совершивших, осуждено 17 495 лиц. Уровень преступности на 100 тыс. чел. населения – 1 597 преступлений, 572 лица, их совершившие, 470 осужденных лиц. В 1995г. зарегистрировано 60 819 преступлений, 22 969 лиц, их совершивших, осуждено 18 344 лиц. Уровень преступности на 100 000 чел. населения – 1 636 преступлений, 618 лиц, их совершивших.

- во время перестройки М.С. Горбачёва в Литве сформировалась организованная преступность и в независимость Литва вступила с относи-

тельно сильными структурами организованной преступности, которые продолжали развиваться и окрепли во время переходного периода от социализма к рыночной экономике, в процессе приватизации. В то же время государственные структуры еще были слабы, недавно сформированные, а правовые основы демократического государства еще недостаточны.

- на первом этапе особенно выделяется динамика основных насильственных преступлений против личности (умышленных убийств, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и изнасилований). Причём динамика количества каждого из этих преступлений значительно расходится.

Количество зарегистрированных умышленных убийств и покушений на них возросло в 3,5 раза, т.е. больше, чем регистрируемая преступность в целом. Количество умышленных причинений тяжкого вреда здоровью возросло в 2 раза. Количество зарегистрированных изнасилований и покушения на них, хотя и менялось в пределах некой амплитуды, в целом можно сказать оставалось стабильным. Характерной особенностью умышленных убийств и покушений на них является то, что до 1988 г. эти преступления были совершены чаще всего (примерно 80%) в сфере семейных неблагоприятных взаимоотношений или в сфере ближайшего бытового окружения; выявить их было сравнительно нетрудно. Однако к 1995/96гг. их доля снизилась до одной трети от общего количества зарегистрированных умышленных убийств и покушений на них. Остальные две трети составляет вклад организованной преступности в совершение этих преступлений; и раскрыть их, разумеется, стало гораздо труднее. В междоусобных разборках только в 1993г. были убиты 60 человек, а раскрыты эти преступления были гораздо позже. Кроме того, в Литве даже появилась организованная группировка, занимающаяся заказными убийствами, хотя до этого заказные убийства на территории Литвы исполняли наемные убийцы из соседних государств. Они приезжали, совершали убийство и вновь возвращались в страну проживания. Организованными преступниками были убиты несколько прокуроров, следователей, других работников правоохранительных институтов, а также известный журналист, который печатал статьи об организованной преступности.

Основные социальные предпосылки второго этапа (1996-2003гг.) – переходный период от социалистической экономики к рыночной в основном закончился, было построено демократическое правовое государство, сформировались политические партии. Экономика Литвы медленно под-

нимается, и общий внутренний продукт согласно международным сравнительным стандартам покупательной способности на душу населения Литвы возрос в 2 раза. Так, что покупательная способность литовского населения за этот период удвоилась. Продолжается процесс совершенствования правовой системы государства. С 1 мая 2003г. вступил в силу национальный Уголовный кодекс, а также вступили в силу Уголовно-процессуальный кодекс и Кодекс исполнения наказаний. Ранее, 21 декабря 1998 г. была отменена смертная казнь, хотя и до этого применялся мораториум на эту казнь. Приватизация в основном закончилась, темпы инфляции приближаются к среднему соответствующему показателю Европейского Союза.

Основные характерные черты второго этапа развития преступности в Литве:

- стремительный рост общей зарегистрированной преступности в Литве закончился к 1996/97 году. Динамика преступности в Литве стала схожей с динамикой преступности стран Европейского Союза и других демократических государств – последовательный ежегодный рост на несколько процентов: в 1996 г. зарегистрировано 63 053 преступления, 22 269 лиц, их совершивших, осуждено 16 983 лица. Уровень преступности на 100 тыс. чел. населения – 1 830 преступлений. В 2002 г. зарегистрировано 72 646 преступлений, 25 751 лица, их совершившие, осуждены 19 890 лиц. Уровень преступности на 100 тыс. чел. населения – 2 090 преступлений. За указанный семилетний период количество зарегистрированных преступлений возросло на 6,7 %; количество зарегистрированных лиц, их совершивших - на 15,6%; количество осужденных лиц – на 17,1%; интенсивность преступности – на 14,2%.

- организованная преступность стала более цивилизованной в том смысле, что резко снизилось количество убийств, поджогов, взрывов при междоусобных разборках. Правоохранительные институты Литвы сумели преодолеть многие преступные группировки. Однако организованная преступность не исчезла, по крайней мере та её часть, которая представляет международные организованные структуры.

В государстве и в обществе преобладает установка, что любая собственность неприкосновенна, поэтому не действуют законы (или даже эта область не имеет достаточного правового урегулирования), позволяющие изъять незаконным способом приобретенное имущество, и таким именно

способом нарушается сам декларируемый принцип неприкосновенности имущества.

– произошли значительные изменения в зарегистрированной насильственной преступности. После реформ уголовного законодательства, регистрация преступности несколько изменилась. Количество зарегистрированных умышленных убийств, начиная с 1995г. значительно снижалось, и к 2003 г. достигло на 40%. Количество умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, наоборот, возросло на 30%. Количество изнасилований можно охарактеризовать как стабильное – примерно 180 зарегистрированных изнасилований в среднем каждый год второго этапа. Все три упомянутые виды насильственных преступлений в среднем составляют 1,5% от зарегистрированной преступности в целом в Литве.

Произошли изменения и в некоторых обстоятельствах совершения умышленных убийств. Вклад организованной преступности по сравнению с предыдущим этапом значительно снизился. Банда профессиональных наемных убийц была разгромлена. И во втором этапе умышленные убийства, совершаемые в сфере организованной преступности и в более обширном социальном пространстве, составляют примерно 50% от общего количества зарегистрированных умышленных убийств. Остальные 50% составляют умышленные убийства, совершаемые в семейном и ближайшем бытовом окружении, т.е. по сравнению с советским периодом доля бытовых умышленных убийств уменьшилась на 30% (тогда доля была 80%). Однако эти преступления также стали более жестокими, жертвы испытывают больше страданий.

И ещё одна особенность – количество умышленных убийств, совершенных несовершеннолетними, остается на высоком уровне стабильно, т.е. не снижается, хотя в целом зарегистрированное количество умышленных убийств, как известно, уменьшилось на 40%.

Основные социальные предпосылки настоящего этапа в Литве можно охарактеризовать как полностью созданной и успешно действующей рыночной экономики; до конца 2008 г. экономика Литвы стремительно росла; темпы прироста были одни из самых высоких в Европейском Союзе, в который Литва вступила в 2004 г. Однако последующий всеобщий экономический кризис имел отрицательные последствия для экономики Литвы. Еще ранее началась миграция граждан Литвы в другие страны, не прекращалась она и во время кризиса и в послекризисный период. Таким образом, Литва потеряла значительную часть своих граждан, среди них

оказалось также много лиц, промышляющих преступлениями, уже в других странах. Вместе с тем окрепли и международные структуры организованной преступности на территории Литвы.

Основные характерные черты развития преступности в Литве в настоящем этапе:

- за последние восемь лет (включая 2011 г.) зарегистрированная преступность в Литве уменьшилась, но неравномерно. Наименьшее количество преступных деяний зарегистрировано в 2007 г. Потом количество зарегистрированных преступных деяний ежегодно возрастало, но не смотря на это, в 2011 г. зарегистрированное количество преступных деяний было на 15% меньше, чем в 2004 г. Количество преступлений – на 15,4% меньше, а количество уголовных проступков – на 20% . Уровень преступности на 100 000 чел. населения также уменьшился, но только на 9%. Уровень преступлений уменьшился на 8,6%., а уровень уголовных проступков – на 14,5%.

Таким образом, можно констатировать, что общий масштаб преступности в Литве перед и во время мирового экономического кризиса снизился на одну десятую часть.

Территориальное распределение уровня преступности указывает на сравнительное ухудшение положения в сельских местностях Литвы.

- продолжается тенденция снижения насильственной преступности. Количество умышленных убийств снизилось на более, чем на 60%. по сравнению с 1995/96 гг., когда было зарегистрировано самое большое их количество. Уровень умышленных убийств теперь составляет примерно 7 на 100 000 чел. населения, что однако на 2-2,5 раза больше, чем например, в Скандинавских государствах.

Количество зарегистрированных умышленных причинений тяжкого вреда здоровью за последние восемь лет снизилось на 56%, а изнасилований и покушений на них – на 26,5%.

В настоящем этапе развития насильственной преступности в Литве проявляются существенные различия по виктимологическому аспекту. Во-первых, повышается количество умышленно убитых детей – несовершеннолетних, в том числе, малолетних. В течение 2004-2010 гг. их количество распределяется так: 14 детей до 3 -летнего возраста; по 6 детей 4-6-летнего возраста и 7-9-летнего возраста; 8 детей 10-13 -летнего возраста и 37 детей – 14-17 -летнего возраста. Умышленные убийства несовершеннолетних (детей) составляют примерно 3,4% от общего числа зарегистрированных умышленных убийств.

Несовершеннолетние жертвы умышленных причинений тяжкого вреда здоровью распределяются по возрасту так: 9 детей возрастом до 3 лет; 3 дети – 7-9-летнего возраста; 11 детей 10-13 лет и 71 – 14-17-летнего возраста. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью несовершеннолетним (детям) составляет примерно 4,8% от общего числа зарегистрированных умышленных причинений тяжкого вреда здоровью.

Во вторых, сексуальные преступления (особенно изнасилования) в Литве всё более приобретают общеевропейскую ориентацию по характеристикам жертв преступления. Дело в том, что сексуальные преступления сейчас во всём Европейском Союзе чаще всего совершаются в отношении несовершеннолетних, в том числе и малолетних. Доминирует стремление к изысканным сексуальным переживаниям с детьми, распространяется педофилия, поскольку другие перверсии реально возможны с согласия сексуальных партнёров. Зарегистрированная возрастная группа жертв сексуальных преступлений в Литве указывает на то, что несовершеннолетние и малолетние дети составляют примерно 50 проц. жертв изнасилований, 50–68% – жертвы сексуального насилия, 40-80% – жертвы понуждения к половому сношению; и само собой разумеющееся – 100% развратных действий в отношении малолетних (до 14 лет) лиц.

Педофилия и другие сексуальные перверсии с детьми в современной Европе является серьёзной социальной проблемой. Кроме того, европейцы иницируют эту проблему и её распространение в других государствах за пределами Европы (например, в Тайланде, других странах Азии и Африки).

В Литве также растёт количество людей зрелого и пожилого возраста (50 лет и старше), совершивших сексуальные преступные деяния. Социальное положение и обрзование этих лиц часто находится на высоком уровне.

Зарегистрированное количество грабежей за последние восемь лет снизилось на 53%, а их удельный вес в общей структуре преступности снизился с 5,7% до 3,1%.

Количество преступных деяний против общественного порядка в течение 2004-2011 г.г. снизилось на 13%.

Динамика преступных деяний, связанных с обращением с наркотическими либо психотропными, ядовитыми или сильнодействующими веществами, равно как и преступных деяний контрабанды схожа – одинаково неблагоприятна – их количество удвоилось.

Количество преступных деяний мошенничества выросло на 92%, их уровень на 100 000 чел. населения в Литве в 2-3 раза ниже уровня мошенничества в например, в Норвегии [1].

В настоящее время в Литве каждая семья имеет один, два или более автомобилей. И к 2000 году в Литве наблюдалось очень много автодорожных происшествий. Вступая в Европейский Союз в 2004 г., она стала страной с наибольшим уровнем преступности в этой сфере. Были приняты комплексные меры, и в данное время зарегистрированное количество автодорожных происшествий снизилось на 52,6%. За это время количество погибших при автодорожных происшествиях лиц в Европейском Союзе снизилось на 36%, а в Литве – на 48%.

И наконец, наиболее распространенное преступное деяние – кражи. Они составляли 47,3% в 2004 г. и 41,7% в 2011 г. в общей структуре преступности. Снизилось количество зарегистрированных краж автомобилей на 74%.

Обобщая, мы можем сказать, что преступность в Литовской Республике имеет черты, свойственные демократическим странам с рыночной экономикой.

В России же, поскольку политический и экономический курс государства в современный период не претерпел радикальных изменений, в целом сохраняются устоявшиеся тенденции преступности. Вместе с тем, в 2003-2004 году были декриминализованы многие весьма распространённые преступные деяния – только изменения в УК РФ, внесённые в декабре 2003 года, послужили основанием освобождения 151 тысячи осуждённых [2].

С другой стороны, теми же учёными указывается, что снижение числа выявленных лиц также может отражать «определённую стабилизацию социально-экономического и политического положения в стране» [2].

Ещё сложнее обстоит вопрос с такой аномалией – в 2002-2005 годах были приняты меры по улучшению регистрационной дисциплины (в частности, связанные с ужесточением контроля над вынесением постановлений об отказе от возбуждения уголовного дела), «естественным и запрограммированным» следствием которых явился значительный рост числа зарегистрированных преступлений [3]. Однако для точного выяснения причин таких изменений статистических показателей необходимы дополнительные исследования.

В целом следует отметить, что выявление действительных тенденций преступности, её причин и условий, характера других, связанных с ней явлений, возможно только путём анализа динамики показателей за длительный временной период (минимум 5-10 лет) [4].

Ввиду этого, следует с крайней осторожностью относиться к преждевременным попыткам анализа факторов, влияющих на текущее состояние преступности.

Литература:

1. См. Miliūtė Bacevičienė, V. Nusikalstamumo Norvegijoje palyginamoji charakteristika ir užsieniečių stigmatizacija: magistro baigiamasis darbas, Vilnius, MRU, 2012.

2. Криминология. Учебное пособие / Г.И. Богуш и др; под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 2007. С. 53.

3. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: Криминологический и уголовно-правовой справочник / Под общ. ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. М., 2007. С. 20.

4. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2005. С. 237.

Бегларян М.Г.

*профессор кафедры социально-гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин СКФ ФГБОУ ВПО
«Российская академия правосудия», к.ф.-м.н.*

Пичкуненко Е.А.

*профессор кафедры математики и информатики
Кубанского социально-экономического института, к. пед. н.*

Beglaryan M.G.

*professor, Department of Social and Humanitarian
and natural sciences GFR VPO
"The Russian Academy of Justice," Dr.*

Pichkurenko E.A.

*professor, Department of Mathematics and Computer Science
Kuban Social and Economic Institute, k ped. n.*

**ОТ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ «ЭЛЕКТРОННАЯ
РОССИЯ» К ДОЛГОСРОЧНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЕ
«ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»**

**FROM FEDERAL TARGET PROGRAM "ELECTRONIC RUSSIA"
TO LONG-TERM PROGRAM "INFORMATION SOCIETY"**

Аннотация. В статье рассматривается процесс перехода российского общества в новую формацию информационного общества. Освещаются государственные механизмы регулирования этого процесса в России.

Annotation. The article deals with the process of turning the Russian society into a new formation of information society. The state control mechanisms of this process in Russia are regarded.

Ключевые слова: информационное общество, электронное правительство, информационная политика, сетевая инфраструктура, сайт, госуслуга.

Key words: information society, e-government, information policy, network infrastructure, website, public services.

22 июля 2000 г. на Окинаве Великобритания, Германия, Италия, Канада, Россия, США, Франция, Япония приняли Хартию Глобального Информационного Общества. В этой Хартии устанавливаются основные принципы вхождения государств в такое общество, и провозглашаются основные положения, которые страны восьмерки будут согласованно применять и могут применять все остальные страны мира. Хартия является важнейшим документом, призванным организовать и активизировать деятель-

ность стран и правительств на пути активного формирования глобального информационного общества.

В истории развития цивилизации, неразрывно связанной с процессом накопления знаний, произошло несколько информационных революций, обусловленных кардинальными изменениями в сфере обработки информации. Следствием этих преобразований стали важные качественные изменения человеческого общества.

Изобретением письменности, изобретением книгопечатания; изобретением электричества, благодаря которому появились телеграф, телефон, радио, позволяющие оперативно передавать и накапливать информацию. Далее, информационная революция связана с изобретением микропроцессорной технологии и появлением персонального компьютера.

Последняя информационная революция выдвигает на первый план новую отрасль – информационную индустрию, связанную с производством технических средств, методов, технологий для распространения новых знаний. Важнейшими составляющими информационной индустрии становятся все виды информационных технологий, особенно телекоммуникации. Информационные и телекоммуникационные технологии активно развиваются и проникают во все сферы деятельности – экономику, бизнес, образование.

Рассматривая общественное развитие как "смену стадий", можно рассматривать становление информационного общества с доминированием четвертого сектора экономики – информационного, следующего за тремя известными секторами: сельским хозяйством, промышленностью и экономикой услуг.

В Российской Федерации можно выделить следующие этапы формирования государственной информационной политики:

- 1) определение доктринальных и концептуальных установок и их нормативное закрепление (к таким документам следует отнести Концепцию национальной безопасности РФ (1997, 2000 г.г.) и Доктрину информационной безопасности РФ (2000 г.), Концепцию формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов" (1995 г.), утвержденные Указами Президента РФ, Окинавскую Хартию глобального информационного общества (2000 г.);

2) конкретизация задач для органов государственной власти при определении основных направлений внутренней и внешней политики (в ежегодных Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию с 1994 г.);

3) разработка и принятие концепций развития законодательства в информационной сфере и ее отдельных областях:

Комитетом Государственной Думы по информационной политике и постоянной палатой по государственной информационной политике Политического консультативного совета при Президенте РФ одобрена Концепция государственной информационной политики (1998 г.);

Комитетом Государственной Думы по безопасности - Концепция развития законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности РФ (1998 г.);

в Совете безопасности РФ подготовлена Концепция совершенствования правового обеспечения информационной безопасности РФ (2001 г.);

Министерством связи и информатизации РФ подготовлен проект Концепции развития законодательства РФ в сфере информации и информатизации);

4) разработка и принятие законов как правовой основы регулирования отношений в информационной сфере. В большей или меньшей степени эти законы касаются реализации информационных прав и свобод, формирования и вовлечения информационных ресурсов в экономический оборот и систему государственного и муниципального управления.

Среди них: федеральные законы "Об информации, информатизации и защите информации", "Об участии в международном информационном обмене", "Об авторском праве и смежных правах", "О правовой охране программ для ЭВМ и баз данных", "О средствах массовой информации", "Об электронной цифровой подписи", "О праве на доступ к информации", "О персональных данных".

5) Подготовка и принятие подзаконных нормативных правовых актов (регулирование деятельности государственных органов и специализированных организаций в области информационной деятельности, оформления отдельных направлений государственной политики осуществляется через акты Президента РФ, Правительства РФ, нормативно-правовые акты министерств и ведомств, в компетенцию которых входят проблемы информации и информатизации;

6) подготовка и реализация федеральных целевых программ, конкретизирующих участие органов государственной власти в формировании и реализации государственной политики в соответствии с их компетенцией (примером здесь может служить программа "Электронная Россия" (2001 г.).

Концепции правовой информатизации разработана в целях активизации процесса создания государственных правовых информационных систем, и утверждена Указом Президента от 28 июня 1993 г. № 966.

Указом Президента РФ от 4 августа 1995 г. № 808 в реализации этой концепции была утверждена Президентская программа "Правовая информатизация органов государственной власти Российской Федерации".

15 августа 2006 года было выпущено Постановление №502 «О внесении изменений в федеральную целевую программу „Электронная Россия (2002-2010 годы)“». Далее, в 2009 г. программа опять была откорректирована, и еще большее внимание было уделено осуществлению в России информатизации самого Правительства и всех органов управления страной.

Электронное правительство – это концепция осуществления государственного управления, присущая информационному обществу. Данная концепция основывается на возможностях информационно-телекоммуникационных технологий и ценностях открытого гражданского общества. Во многих странах "электронное правительство" только создается, а в некоторых странах оно дано и успешно функционирует. Однако сегодня "электронное правительство", за редким исключением, пока еще не стало реальностью.

В идеале электронное правительство должно состоять из трех основных модулей: G2G (government to government) – правительство правительству; G2B (government to business) – правительство бизнесу; G2C (government to citizens) – правительство гражданам.

Говоря об улучшении системы государственного управления, в числе основных достижений "электронного правительства" называют следующие: возможность для граждан непосредственно воздействовать на принятие управленческих решений; повышение качества услуг, предоставляемых правительственными организациями людям; возможность получать комплексные услуги, так как различные правительственные организации смогут более эффективно взаимодействовать друг с другом; повысить уровень информированности населения, которое сможет получить свежую

всеобъемлющую информацию о государственных законах, правилах, политике и услугах.

Первый этап процесса создания правительственной сетевой инфраструктуры в России характеризуется созданием Интернет-сайтов федеральных органов исполнительной власти. По поручению Президента Российской Федерации в Правительстве Российской Федерации был подготовлен и утвержден Перечень регулярной обязательной информации для размещения федеральными органами исполнительной власти в российском сегменте сети Интернет.

Следующим этапом является развертывание в сети Интернет инфраструктуры, предоставляющей пользователям возможные сервисы сугубо информационного характера, работающие с пользователем во внешнем информационном контуре. Сегодня, когда Интернет-портал Правительства Российской Федерации реально работает, говорить о более совершенной инфраструктуре системы информирования общественности о деятельности органов государственной власти. Создается, совершенствуется и частично функционирует инфраструктура сетевых механизмов взаимодействия правительства и граждан в виде специализированных он-лайн-форумов по общественно значимым, социальным проблемам. Справочно-информационный банк данных правительственных документов обеспечен удобным поисковым механизмом и дает возможность искать документы в различных режимах.

Однако, если взять во внимание отчет ООН «The 2010 United Nations e-Government Survey» (или рейтинг готовности/развитости стран к использованию технологий электронного правительства), то Россия «установлена» в нем на почетное 59-ое место. Это обстоятельство должно стимулировать наше общество и государство в целом.

Проект "электронного правительства" с 2002 года определен как приоритетный в Федеральной целевой программе «Электронная Россия на 2002-2010 годы». Продолжением или приемником «Электронной России» должна стать долгосрочная целевая программа «Информационное общество», которая утверждена распоряжением Правительства РФ от 20.10.2010 N 1815-р (ред. от 15.08.2012) "О государственной программе Российской Федерации "Информационное общество (2011-2020 годы)"

Основными направлениями программы являются развитие государственных автоматизированных информационных систем, реализация ведомственных программ развития информационного общества, информаци-

онное развитие регионов, развитие национальной информационной инфраструктуры. Одним из основных пунктов программы является создание в России "электронного правительства" на федеральном и региональном уровнях.

Список услуг, предоставляемых в электронном виде, будет расширяться. Внедренное решение включает в себя мощный вычислительный комплекс, систему хранения и обработки данных и прототип портала госуслуг, на котором граждане могут отслеживать статус своих заявок. В системе созданы рабочие места как сотрудников муниципалитетов, так ответственных сотрудников министерств, участвующих в оказании услуг. Граждане смогут отслеживать статус своих заявок по электронной почте или через SMS, а также получать контактные данные специалиста, ответственного за обработку заявки.

Согласно плану перечень госуслуг, предоставляемых в электронном виде, постоянно расширяется. Запущен так же пилотный проект по оценке качества госуслуг, основой которого является SMS граждан.

Сформированы 4 подпрограммы программы «Информационное общество»: "Информационно-телекоммуникационная инфраструктура информационного общества и услуги, оказываемые на ее основе"; "Информационная среда"; "Безопасность в информационном обществе"; "Информационное государство".

На основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2010 г. N 1950-р в состав Программы включена федеральная целевая программа "Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009 - 2015 годы".

Программа выполняется в 2 этапа: 2011-2014 годы; 2015 - 2020 годы.

Источники:

1. <http://fcp.economy.gov.ru/>

Жинкин А.А.

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет*

Zhinkin A.A.

*associate professor of criminal law and criminology department of KUBGU,
candidate of jurisprudence, associate professor*

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОСТАВОВ
ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (СТ. 126 УК РФ), НЕЗАКОННОГО
ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ (СТ. 127 УК РФ), ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ
(СТ. 127¹ УК РФ) И ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКА (СТ. 206 УК РФ)**

**SOME PROBLEMS OF DIFFERENTIATION THE STRUCTURES OF
KIDNAPPING (ART. 126 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN
FEDERATION), ILLEGAL IMPRISONMENT (ART. 127 OF THE
CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION), HUMAN
TRAFFICKING (ART. 127¹ OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN
FEDERATION) AND CAPTURE OF THE HOSTAGE (ART. 206 OF THE
CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION)**

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные с теоретической и практической точки зрения вопросы разграничения смежных составов преступлений – похищения человека, незаконного лишения свободы, торговли людьми и захвата заложника.

Annotation. In article considered actual questions of differentiation of adjacent structures of crimes – kidnappings, illegal imprisonment, human trafficking and capture of the hostage

Ключевые слова: уголовное право, квалификация преступлений, преступление, похищение человека, незаконное лишение свободы, торговля людьми, захват заложника

Key words: criminal law, crime, kidnapping, illegal imprisonment, human trafficking and capture of the hostage

Использование законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 127 УК РФ (незаконное лишение свободы) словосочетания «не связанное с его похищением» прямо указывает на то, что составы преступлений похищения человека и незаконного лишения свободы смежные и нуждаются в отграничении одного от другого. Эти составы преступлений, как и любые смежные составы, имеют общие и отличительные признаки. К общим относятся признаки, характеризующие объект и субъективную сторону названных составов преступлений, к отличительным – их объективную сторону и субъект. Объект и похищения человека и незаконного лишения свободы –

общественные отношения, обеспечивающие личную физическую свободу человека. Сходство субъективной стороны рассматриваемых составов преступлений выражается в том, что она характеризуется виной в виде прямого умысла.

Основное отличие похищения человека от незаконного лишения свободы проявляется в признаках, относящихся к объективной стороне состава преступления. Г. Габилова определяет объективную сторону похищения человека как незаконное тайное или открытое, ненасильственное или насильственное, без использования обмана или с использованием обмана или злоупотребления доверием, сопряженное с ограничением физической свободы на любой срок, состоящее в перемещении из одного места в другое, изъятие человека из привычной микросоциальной среды против или помимо его воли и (или) воли других лиц. Объективная сторона незаконного лишения свободы «состоит в различных приемах и способах, применяемых в целях воспрепятствования потерпевшему в осуществлении права выбора по своему усмотрению места пребывания не только путем активного действия, но и путем бездействия. Так, когда потерпевший находится в помещении, ранее запертом с его согласия, незаконное лишение свободы может выразиться в отказе совершить действия по освобождению». Таким образом, к основным признакам объективной стороны незаконного лишения свободы можно отнести:

- противоправное воспрепятствование потерпевшему в свободе выбора места пребывания и передвижения по своей воле;
- возможность осуществления этого воспрепятствования путем действия или бездействия;
- осуществление указанного воспрепятствования против или помимо воли не только потерпевшего, но и других лиц, заинтересованных в его судьбе;
- выражение данного деяния в различных приемах и способах, включая насилие и обман.

Сопоставление признаков, характеризующих объективную сторону составов незаконного лишения свободы и похищения человека, приводит к выводу, что эти преступления различаются по содержанию деяния: незаконное лишение свободы выражается только в незаконном ограничении свободы человека, а похищение человека – еще и в изъятии его из обычной, привычной, естественной микросоциальной среды и перемещении его из одного места в другое. Важно также подчеркнуть, что указанные дейст-

вия как при незаконном лишении свободы, так и при похищении человека совершаются незаконно, различными способами и против или помимо воли потерпевшего или (и) других лиц, заинтересованных в его судьбе.

В литературе справедливо обращено внимание на существенную разницу в размерах наказания за похищение человека и незаконное лишение свободы. Логику законодателя в данном случае понять весьма затруднительно. И в том, и в другом случае человек незаконно содержится в неволе с той только разницей, что при похищении человека в отличие от незаконного лишения свободы место удержания потерпевшего неизвестно. Перечень же квалифицирующих обстоятельств в обоих составах практически одинаков. И тот и другой составы предусматривают в качестве особо квалифицирующего обстоятельства наступление по неосторожности тяжких последствий, однако часть 3 ст. 126 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового, а ч. 3 ст. 127 УК РФ – от четырех до восьми. Таким образом, при примерно равной общественной опасности этих преступных деяний имеет место явная диспропорция в санкциях, предусматриваемых за эти преступления. Для устранения образовавшейся диспропорции следует, по нашему мнению, усилить наказание за квалифицированные виды незаконного лишения свободы.

Немало ошибок в судебной практике возникает в случаях, когда похищение человека сопряжено с причинением ему смерти. В этих случаях содеянное нередко квалифицируется по ч. 3 ст. 126 УК РФ как похищение человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. При этом не всегда выясняется психическое отношение виновного к факту наступления смерти потерпевшего, не учитывается, что квалификация по части 3 ст. 126 УК РФ предполагает неосторожную форму вины. Если же имел место умысел, то содеянное требует дополнительной квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ – как убийство, сопряженное с похищением человека. На это, в частности, указал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 января 1999 года «О судебной практике по делам об убийстве». При этом похищение человека, сопряженное с его последующим убийством, следует отличать от убийства, сочетаемого с действиями, лишь внешне напоминающими похищение человека. Отличие следует проводить по направленности умысла виновного и характеру совершаемых им действий. Если умысел виновного изначально был направлен на похищение человека, то есть его захват, перемещение в другое место с последующим удержанием,

жанием там, а затем потерпевшего умышленно лишили жизни, то содеянное в этих случаях должно квалифицироваться по совокупности п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующей части ст. 126 УК РФ. Если же действия виновных были направлены не на удержание потерпевшего другом месте, а на его убийство, то состав похищения человека здесь отсутствует. Так, осужденные Н. и А., избив С., решили убить. С этой целью они поместили потерпевшего в багажник автомобиля, вывезли на пустырь, где убили. Затем, желая скрыть совершенное в присутствии К. преступление, они отвезли последнего в лес, где также убили. Поскольку действия виновных были направлены не на удержание потерпевших вдругом месте, а на их убийство, Президиум Верховного Суда РФ отменил судебные решения в части осуждения виновных по ч. 3 ст. 126 УК РФ и дело в этой части прекратил за отсутствием состава преступления.

Несколько сложнее разграничить похищение человека и захват заложника, так как и в том и в другом случае предполагается захват и насильственное удерживание потерпевших. Правда, при захвате заложников они могут удерживаться на том же самом месте, где они были захвачены (например в транспортном средстве осуществляющем перевозку), что исключается при похищениях, предусматривающих обязательное перемещение потерпевших для насильственного удержания в иное место.

Но главное отличие заключается в объекте преступного посягательства. При похищении человека таковым является в первую очередь личная свобода человека, а при захвате заложника – общественная безопасность. Дополнительными объектами преступления и в том и в другом случае могут быть жизнь, здоровье захваченных лиц и отношения собственности.

Похищение, как правило, осуществляется скрытно, при минимальном количестве очевидцев. Этот факт, в зависимости от мотива преступления и целей, преследуемых преступниками, может ими скрываться (например, когда целью похищения является убийство потерпевшего по мотивам мести, изнасилование или понуждение к рабскому труду, получение от него согласия на выполнение определенных требований – отказ от получения долга, передача прав на имущество и другое) или разглашаться, но только узкому кругу лиц, которые должны выполнить ряд требований, как условие освобождения потерпевшего. Сведения о лицах, совершивших похищение, в любом случае не разглашаются, местонахождение похищенного лица и сам факт предъявления к его близким требований, содержатся в тайне от каких-либо органов государственной власти. Более того, эти лица

предупреждаются о тяжких последствиях для похищенного лица в случае их обращения за помощью в правоохранительные органы.

Что касается захвата заложников, то, наоборот, сам факт захвата осуществляется демонстративно, широко афишируется. Если место удержания заложников совпадает с местом их захвата, то оно, естественно становится достоянием гласности. Преступники часто разглашают сведения о себе, предъявляют требования, как условие освобождения заложников, открыто, в ультимативной форме, причем эти требования могут быть обращены не только к физическим лицам, но и к государству.

Для лиц, совершивших похищение человека, решающее значение имеет выбор жертвы. Она заранее намечается: должник; лицо, которое по мнению преступников, способно выполнить их требования, имеет близких, готовых заплатить выкуп; лицо, предназначенное для физического уничтожения; лицо, указанное заказчиком при совершении похищения по найму, лицо, имеющее определенные физические кондиции или обладающее профессиональными навыками и предназначенное после похищения выполнять рабский труд и так далее.

Иначе дело обстоит при захвате заложников. Если личность взятых заложников преступников не интересует, то это могут быть совершенно случайные лица, буквально подвернувшиеся под руку, находившиеся в помещении организации, транспорте, подвергшихся нападению. Если все же в качестве заложников берутся специально предназначенные для этой цели лица, то они выбираются из числа широко известных или политических деятелей с целью придания преступной акции широкого общественного резонанса, что, по мнению преступников, должно побудить заинтересованных лиц, организации или государства исполнить выдвинутые ими требования.

Отличие похищения человека от торговли людьми, деяний, весьма сходных по объекту посягательства и объективной стороне, состоит в следующем. Похищение человека является оконченным преступлением с момента захвата человека, независимо от целей такого захвата. Происходит это, как правило, способами, связанными с применением физического насилия. При этом корыстные цели и мотивы захвата выступают в качестве квалифицирующих обстоятельств похищения человека. Для торговли людьми характерна изначально именно корыстная направленность данного преступления. При этом, конструктивным признаком состава является корыстная цель – эксплуатация (которая, впрочем, характерна только в от-

ношении определенных видов преступного поведения, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 127¹ УК РФ – вербовка, передача, получение и т.д.). В случае, если лицо похищается с целью его дальнейшей продажи – налицо совокупность преступлений, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ и соответствующей части статьи 127¹ УК РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс РФ 1996 г. (в ред. ФЗ от 23.07.2013 г. № 245-ФЗ)
2. Бойко А.В. Ответственность за незаконное лишение свободы по советскому уголовному праву. Автореф. дисс.канд. юрид. наук. Харьков. 1989. С. 11.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 1. С. 10-11.
4. Габибова Г. Отграничение похищения человека от незаконного лишения свободы // Законность. 2002. № 9. С. 37.
5. Комиссаров В.С. Терроризм, бандитизм, захват заложника и другие тяжкие преступления против общественной безопасности. М., 1997. С. 80-82.
6. Нуркаева Т. Преступления против свободы и неприкосновенности личности // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 41.

Иванова О.

*адъюнкт кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России*

Ivanova O.

*associate Professor of Criminal Law
Russian University of Ministry of Internal Affairs, Krasnodar*

**ПОДХОДЫ К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ
РОДСТВЕННИКОВ ПО ВОСХОДЯЩЕЙ И
НИСХОДЯЩЕЙ ЛИНИЯМ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

**APPROACHES TO DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY
FOR CRIMES COMMITTED AGAINST RELATIVES ON ASCENDING
AND DESCENDING LINES (HISTORICAL ASPECT)**

Аннотация. В статье на основе анализа отечественных нормативно-правовых актов выявлены подходы к дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершенные в отношении родственников, их

особенности и значение для разработки предложений по внесению поправок в действующее законодательство.

Annotation. In the article the approaches to differentiation of criminal liability for crimes committed against relatives, their peculiarities and their role for working out of the offers concerning the amendments to existing legislation are determined on the basis of the analysis of the domestic laws and regulations.

Ключевые слова: дифференциация, уголовная ответственность, Соборное уложение, незаконнорожденный ребенок, родственник, Уголовное уложение, наказание, квалифицированное убийство.

Keywords: differentiation of criminal liability; Sobornoye Ulozheniye; illegitimate child; relative; Criminal Ulozheniye; punishment; aggravated homicide.

Современное российское законодательство не придает правового значения наличию родственных отношений между потерпевшим и лицом, совершившим преступление. К сожалению, данная позиция законодателя у теоретиков и практиков, как правило, не вызывает вопросов. Лишь ст.106 УК РФ, где родственная связь обуславливает смягчение наказания, вызывает дебаты в теории уголовного права. Однако отечественный законодатель далеко не всегда проявлял юридическое равнодушие к внутрисемейной преступности. Мы считаем, что можно выделить три этапа развития законодательства об уголовной ответственности за преступления в отношении родственников.

К *первому этапу* мы относим Псковскую судную грамоту 1397 года, Соборное уложение 1649 года, Артикул воинский Петра Первого 1715 года.

Так, в Псковской судной грамоте в отдельное преступление выделялось убийство отца и братоубийство: «а штобы сынъ отца убиль, или братъ брата, ино князю продажа» [1]. Появление данной нормы обусловлено желанием авторов нормативного акта ликвидировать самосуд и исключить возможность избежать наказания виновному. В части дифференциации уголовной ответственности данная норма дублировала санкцию ст. 96 Псковской судной грамоты, предусматривающей ответственность за убийство. Обращает внимание субъектный состав преступления – сын и брат. На наш взгляд, это обусловлено закреплением ответственности за наиболее распространенные внутрисемейные деяния. Остается неясным, как решался вопрос о наказании в случае совершения убийства между иными членами семьи. Но, несомненно, введение данной статьи «отражает подчинение

внутрисемейных преступлений княжеской юрисдикции – новый шаг в развитии уголовного права феодализирующегося общества» [2].

Соборное уложение 1649 года дифференцировало уголовную ответственность за внутрисемейные преступления в зависимости от объекта посягательства. К квалифицированным преступлениям относились убийства родителей, брата, сестры и мужа. За убийство матери, отца, брата и сестры назначалась смертная казнь. Законодатель не указывал вид смертной казни, тем самым предоставляя правоприменителю широкие возможности для индивидуализации наказания.

Объективная сторона состава преступления, предусматривающая ответственность за посягательство на жизнь мужа, была сконструирована в уголовно-правовой норме следующим образом: «а будет жена учинит мужу своему смертное убийство, или окормит его отравой» [3]. Употребление союза «или» предполагает, что отравление выступало не способом совершения преступления, а являлось самостоятельным действием, совершение которого влекло уголовную ответственность. Кроме того, исходя из толкования данной нормы, на наш взгляд, наступление последствий в виде смерти при отравлении не являлось обязательным условием для наличия состава преступления. Указанная статья предусматривала наказание, главной целью которого было устрашение: «... и ея за то казнити, живу окопати в землю ...и держати ея в земле до тех мест, покамест она умрет» [3]. В случае беременности жены предусматривалась *отсрочка смертной казни до родов*.

Соборное уложение неоднозначно подходило к вопросу детоубийства, дифференцируя уголовную ответственность в зависимости от того, в браке или вне брака был рожден ребенок. Так, убийство рожденных в браке детей своими родителями считалось привилегированным с санкцией в виде тюремного заключения на один год с последующим церковным покаянием. В то же время убийство блудной матерью незаконнорожденного ребенка каралось смертной казнью, «чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися» [3].

Обращает внимание, что для привлечения к ответственности за убийство брата, сестры, мужа и незаконнорожденного ребенка необходимо доказательство вины («а сыщется про то допряма»), в случае убийства родителей и детей действовал принцип объективного вменения.

Ответственность за убийство брата, сестры и незаконнорожденного ребенка наступает по специальным нормам не только при личном совер-

шении преступления, но и «по велению» родственника. В этом случае наказание в виде смертной казни следовало как для инициаторов убийства, так и для исполнителей.

В части нормативного описания состава преступлений, совершаемых в отношении родственников, Соборное уложение не сделало прогрессивных шагов в сравнении с Псковской судной грамотой. Более того, в Соборном уложении отсутствует единая юридическая терминология, убийство родственников в различных статьях формулируется как «учинит смертное убийство», «убьет до смерти», «погубит». Соборное уложение предусматривало также уголовную ответственность за иные виды преступлений против родственников: грубость в отношении родителей, рукоприкладство, грабеж принадлежащего им имущества, за что следовало наказание кнутом.

Дифференциация ответственности за преступления в отношении родственников в Артикуле воинском Петра Первого 1716 года достигалась путем отнесения к квалифицированному преступлению убийства родителей и детей: «Ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве, офицера наглым образом умертвит, оного колесовать, а тело его на колесо положить, а за прочих мечем наказать» [4].

Стоит отметить, что указанный нормативный акт вносил прогрессивные новеллы в части установления уголовной ответственности за убийства родственников. Во-первых, впервые было уравнено наказание за убийство родителей и детей (к сожалению, пока только младенцев). Во-вторых, имеющееся в Артикуле Воинском толкование рассматриваемой статьи дифференцировало ответственность в зависимости от степени вины:

- за умышленное убийство следовала квалифицированная смертная казнь;
- за неосторожное убийство предусматривалось смягчение санкции («наказание легче бывает»), однако пределы послабления установлены не были.

Кроме того, законодательное описание объективной стороны по сути предусматривало три самостоятельных состава преступления:

- умышленное убийство («наглым образом умертвит»),
- убийство по неосторожности («убийство учинитца не нарочно»),
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть («кто хотел жену свою или дитя наказать, и оную так жестоко по-

бьет, что подлинно от того умрет»). В последнем случае также предполагалось смягчение санкции без указания конкретного вида наказания.

Изменилось нормативное описание состава убийства детей и родителей в части указания на субъект преступления: если в Соборном уложении законодатель прямо обозначает его – «сын или дочь учинит отцу своему или матери» [5], то в Артикуле воинском субъект очевиден из содержания статьи – «ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве» [4]. Стоит отметить, что такая позиция законодателя нашла отражение не только в Артикуле воинском Петра Первого, но и во всех последующих нормативно-правовых актах, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в отношении родственников (за исключением убийства ребенка матерью).

Таким образом, указанному этапу развития законодательства присущ подход к дифференциации уголовной ответственности за преступления в отношении родственников. Этот подход имеет определенные характерные черты. За основу дифференциации был взят объект посягательства, однако в разрез с принципами справедливости и общественной опасности только избранные члены семьи находились под повышенной уголовно-правовой охраной. Обращает внимание несоразмерность наказания совершенному деянию – от чрезмерно жестокого (закапывание в землю за убийство мужа) до излишнего мягкого (год тюрьмы и церковное покаяние за убийство ребенка). В целом уголовно-правовые нормы о внутрисемейных преступлениях являлись отражением устоев общества. Особенно ярко это проявлялось в Соборном уложении, где на дифференциацию уголовной ответственности повлияли принципы Домостроя.

Ко второму этапу развития законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за совершение преступлений в отношении родственников, мы относим Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовное уложение 1903 года.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных относилось к квалифицированным составам убийство родителей, жены, мужа, сына, дочери, родных деда или бабушки, внука или внучки и вообще одного из родственников восходящей или нисходящей прямой линии в какой бы то ни было степени, родных брата или сестры, родных дяди или тети. Санкция предусматривала наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки на каторгу без срока. Однако убийство матери или отца считалось более тяж-

ким деянием, так как виновный ни по каким причинам не переводился в отряд исправляющихся осужденных с облегченным режимом содержания.

Таким образом, к новшествам Уложения о наказаниях можно отнести расширение круга участников внутрисемейных преступлений и замену наказания в виде казни на ссылку. Очевидно, последнее было связано с тем, что во время правления Николая I смертная казнь назначалась только за наиболее опасные с точки зрения власти преступления – государственные и карантинные. Хотя Проект Уложения предусматривал высшую меру наказания за убийство родителей, однако данная норма из текста окончательной редакции была исключена. Но, тем не менее, убийство родственников являлось одним из самых общественно опасных преступлений и предусматривало максимальную санкцию среди остальных видов убийств.

На дифференциацию ответственности за совершение преступлений в отношении родственников влиял не только объект посягательства, но и время возникновения умысла на совершение преступления. Если по ст.1449 Уложения о наказаниях квалификации подлежало умышленное убийство родителей, то для наступления повышенной ответственности за убийство супругов и родственников по боковым, нисходящим и восходящим линиям умысел должен был быть заранее обдуманным.

Изменилась позиция законодателя в части установления ответственности за убийство незаконнорожденного ребенка. Наказание – лишение всех прав состояния и каторжная работа без срока – смягчалось тремя степенями вины в случае предумышленного убийства внебрачного сына или дочери от стыда и страха, при самом рождении ребенка, но только в случае, если мать ранее не совершала аналогичное преступление. Если же было установлено, что преступление непредумышленное, особенно если женщина незамужняя и родила впервые, то назначалось наказание в виде лишения всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и заключению в тюрьму на время от 5 до 6 или от 4 до 5 лет. Таким образом, в основу дифференциации были положены не только объект посягательства, но и субъективные признаки состава преступления.

Кроме того, была предусмотрена ответственность за оставление женщиной внебрачного младенца без помощи, повлекшее его смерть. В данном случае дифференциация ответственности осуществляется посредством субъективных признаков: мотива (от стыда и страха) и отсутствия умысла на причинение смерти ребенку. Виновная приговаривалась к «лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и пре-

имущества и к заключению в тюрьму на время от полутора года до 2,5 лет» [6].

В Уложении о наказаниях наличие родственной связи между субъектом преступления и потерпевшим влияло на санкцию за причинение вреда здоровью. В таком случае наказание, предусмотренное статьями за нанесение увечий, ран, повреждений в здоровье или умственных способностях или побоев, возвышалось тремя степенями, когда объектом посягательства выступали отец или мать. Двумя степенями наказание возвышалось, когда объектом посягательства выступали жена, муж, сын, дочь, родные дед или бабушка, внук или внучка и вообще один из родственников восходящей или нисходящей прямой линии в какой бы то ни было степени, родные брат или сестра, родные дядя или тетя.

В Уголовном уложении 1903 года продолжались сложившиеся тенденции криминализации внутрисемейного насилия. Дифференциация уголовной ответственности производилась в зависимости от объекта посягательства. Так, к квалифицированным преступлениям относилось убийство матери и законного отца, за которое следовало наказание в виде каторги без срока, и убийство восходящего или нисходящего родственника, мужа или жены, брата или сестры с санкцией в виде каторги без срока либо на срок не ниже десяти лет. В отличие от Уложения о наказаниях, законодательство 1903 года сократило круг родственников посредством исключения незаконного отца, дяди, тети; ликвидировало предумышленность убийства; снизило санкции за указанные преступления.

Стоит обратить внимание на нормативное описание состава убийства восходящего или нисходящего родственника, мужа или жены, брата или сестры. Впервые посягательство на жизнь члена семьи было выделено не в самостоятельное преступление, а наличие родственной связи выступало квалифицирующим признаком убийства: «Виновный в убийстве: 1) восходящего или нисходящего родственника, мужа или жены, брата или сестры» [7].

К привилегированным преступлением относилось убийство матерью внебрачного ребенка. Санкция за данное деяние предусматривала заключение в исправительный дом, однако обязательным элементом состава преступления являлось время совершения убийства ребенка – при его рождении.

Редакционная Комиссия, подготовившая проект Уголовного Уложения 1903 года, сочла необходимым допустить уменьшение ответственно-

сти в случаях убийства матерью незаконно рожденного ребенка при самих родах в связи с исключительно ненормальным психическим состоянием родильницы. Оно могло быть обусловленным отчасти патологическим состоянием ее организма во время или тотчас после родов, расстройством ее нервной системы, а отчасти стыдом и страхом за будущее как самой виновной, так и ее ребенка [8].

Уголовное уложение предусматривало повышенную ответственность за причинение телесных повреждений матери, законному отцу или иному восходящему родственнику. Наказание дифференцировалось в зависимости от наступивших последствий – от заключения в исправительный дом до каторги не выше 10 лет.

Подводя итоги второго этапа, мы можем отметить, что в это время выработался системный, обоснованный подход к дифференциации уголовной ответственности за преступления в отношении родственников. По-прежнему в основу выделения квалифицированных преступлений был положен объект посягательства. Законодатель максимально расширил круг родственников, за убийство которых действовали повышенные санкции. Характерна определенность наказания, включение альтернативных видов. К недостаткам данного периода мы относим позицию законодателя к убийству незаконнорожденного ребенка, считавшегося привилегированным.

К третьему этапу, на наш взгляд, стоит отнести Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. и действующий Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. В данный период законодатель имел пассивный подход к дифференциации ответственности за совершение преступлений в отношении родственников, полностью исключив квалифицированные составы.

В Уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. отсутствовала дифференциация ответственности за убийство в зависимости от наличия родства. Такой подход законодателя, по мнению В.И. Шахова, был обусловлен политическими и идеологическими мотивами [9]. Исключение в этом смысле составляли кодексы Азербайджанской ССР, Киргизской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР, Украинской ССР, Узбекской ССР, Эстонской ССР. Они предусматривали ответственность за умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка во время или непосредственно после родов.

Уголовный кодекс 1996 года выделил в качестве дифференцирующего признака наличие родственной связи между субъектом преступления и объектом посягательства. Норма ст. 106 УК РФ сконструирована таким образом, что включает в себя по сути три самостоятельных вида убийства матерью новорожденного ребенка: во время или сразу же после родов; в условиях психотравмирующей ситуации; в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Санкция за данное преступление предусматривает наказание в виде пяти лет лишения свободы. Отсюда следует, что единственная норма, предусматривающая ответственность за преступление в отношении родственника, относит убийство матерью новорожденного ребенка к привилегированному составу.

Таким образом, исторический анализ показал, что на протяжении длительного времени преступления, совершаемые в отношении родственников, регулировались на законодательном уровне. На наш взгляд, особого внимания и взятия за основу для разработки современных норм заслуживают следующие положения анализируемых законодательных актов:

- общий принцип усиления уголовной ответственности за преступления в отношении родственников был присущ Уложению о наказаниях уголовных и исправительных и Уголовному уложению;
- введение квалифицирующих признаков убийства и причинения вреда здоровью в отношении родственников по восходящей и нисходящей линиям;
- невозможность применения пониженной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в случае повторного совершения преступления.

Литература:

1. Северский Я.Г. Памятники древнерусского законодательства. Санкт-Петербург, 1893. С.43.
2. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота. Текст. Комментарий. Исследование. Псков, 1997. URL: <http://edapskov.narod.ru/pskov/psg.htm#1>. дата обращения: 15.06.2013г.
3. Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича. М., Зерцало. 2011. С. 251.
4. Артикул воинский с кратким толкованием. URL: <http://history.scps.ru/regulations/1716-02.htm>. дата обращения: 17.06.2013г.
5. Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича. М., Зерцало. 2011. С. 251.

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с приведением статей других томов Свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении. М., Тип. Шюман и Глушкова. 1867 г. С. 481.

7. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Санкт-Петербург, Тип. «Слово». 1903. С. 268.

8. Попов А.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст.106 УК РФ) // Закон: Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья. URL: http://law.vl.ru/analit/show_a.php?id=545&pub_name=%D3%E1%E8%E9%F1%F2%E2%EE+%EC%E0%F2%E5%F0%FC%FE+%ED%EE%E2%EE%F0%E%E6. дата обращения: 30.05.2013г.

9. Шахов В.И. Родственные отношения как квалифицирующий признак убийства по уголовному праву России: история вопроса. URL:<http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0403/14.html>. дата обращения: 04.05.2013г.

Кочерга В.А.

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета*

Kocherga V.A.

*postgraduate of Department of Criminal Law and Criminology
Kuban State University*

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОЛЖНОСТНУЮ ХАЛАТНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTION OF RESPONSIBILITY FOR OFFICIAL NEGLIGENCE IN THE CRIMINAL LAW RUSSIA

Аннотация. В статье автор прослеживает ретроспективу института уголовной ответственности за халатность в уголовном законодательстве России, выделяя позитивные моменты, не нашедшие отражения в действующей редакции ст.293 УК РФ.

Annotation. In the article the author traces a retrospective of institution of criminal liability for negligence in the criminal legislation of Russia, allocating the positive moments which haven't found reflections in operating edition of art. 293 of the Criminal code of Russian Federation.

Ключевые слова: криминализация, должностная халатность, должностное лицо, история развития института.

Keywords: criminalization, official negligence, official, history of development of institution.

Эволюция криминализации должностной халатности в России неразрывным образом связана с процессом становления института уголовной ответственности должностных лиц. Объективными предпосылками в данном случае выступали геополитические процессы формирования территориальной целостности Российского государства и образования институтов публичной власти. В этих условиях уже на самых ранних стадиях объединения Руси княжеская власть стремилась установить принципы деятельности своих представителей на основе единства закона и легитимности принимаемых решений. Именно по этой причине, в первую очередь, в Русской Правде устанавливалась ответственность за умышленные деяния представителей власти [1]. В частности, закреплялась ответственность для вирников (ст. 42), мечников, емцов (ст. 41), мостников (ст. ст. 43, 97). Кроме того, был установлен прямой запрет наместнику на принятие им «тайных посулов» и насильственное изъятие чужого имущества. Однако, опирающееся на категорию «обида», раннее древнерусское уголовное право, ставящее акцент на имущественное возмещение причиненного вреда, закрепляло достаточно специфическое наказание за названные деяния. Так, ст. ст. 4 и 47 Псковской ссудной грамоты [2] указывали на то, что: «...Бог буди им судиа на втором пришествии Христове» [3]. Думается, что это свидетельствует о стремлении власти подчеркнуть свое божественное происхождение и априорное величие. Княжеская власть позиционировалась как данная никем иным, как Богом. Следовательно, за недолжное поведение наместников княжеской власти презюмировалась кара не земная, а небесная.

Вместе с тем, по мере централизации российского государства, укрепления государственной власти и становления государственной службы менялось и отношение к наказуемости преступных посягательств со стороны представителей власти. Так, уже Двинская уставная грамота Василия I (1397 г.) в ст. 6 запрещала наместнику отпускать преступника за взятку. Белозерская уставная грамота (1488 г.) в ст. 20 устанавливала запрет на использование служебного положения тиунами и «наместничьим людем» являться в качестве незваных гостей на пиры местных жителей, подкрепленный угрозой казни [2].

Большую роль в становлении государственной власти средневековой России сыграла Губная реформа 1539 г., в результате которой были созданы новые органы местной власти – губные и земские избы во главе с губными и земскими старостами. В ходе этой реформы уголовные дела о

«разбоях» и «лихих людях» перешли под юрисдикцию губных и земских старост [4]. В результате был существенно расширен круг субъектов, ка- раемых уголовным законом за нарушения по службе. Судебник 1550 г. ус- танавливал ответственность судных мужей за получение взятки. Кроме то- го, указанный период ознаменован и тем, что именно с него начинается свой отсчет история криминализации неосторожных деяний представителей власти. Упоминания об уголовно-правовом запрете на неосторожные должностные преступления встречаются уже в Судебнике 1550 года и Со- борном уложении 1649 года. В них были криминализованы неосторожные преступления в сфере правосудия – «неумышленное неправосудие» [5]. Так, ст. 2 Судебника специально оговаривает случай, когда неверное ре- шение вынесено судьями «безхитростно», т.е. вследствие добросовестного заблуждения, ошибки или неопытности судьи. «А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк просудится, а обвинит кого не по суду бесхитростно, или список подпишет и правую грамоту даст, а обыщется то в правду, и боярину, и дворецкому, и околничему, и казначею, и дьяку в том пени нет; а истцом суд з головы, а взятое отдати» [6]. В ст. 3 Судебни- ка 1550 г. криминализовано вынесение неправильного решения в результа- те получения взятки. В этом случае судьи обязываются возместить истцу сумму иска и все судебные пошлины в трехкратном размере. «А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и об- винит не по суду, а обыщется то в правду, и на том боярине, или на дво- рецком, или на казначей, или на дьяке взяты исцов иск, а пошлины царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правои десяток, и пожелезное взяти втрое дарь укажет» [6]. Уголовное наказание в отноше- нии высших должностных лиц в рассматриваемый период сословно- представительной монархии определял Государь. Для более низких чинов судебного аппарата уголовная ответственность устанавливается по ст. 4: дьяк, составивший за взятку подложный протокол судебного заседания ли- бо неправильно записавший показания сторон или свидетелей, уплачивал половину суммы иска. Другую половину возмещал боярин, который, буду- чи высшим по должности лицом, должен был следить за своим подчинен- ным. Дьяк, кроме того, подлежал тюремному заключению [6].

В гл. X «О суде» Соборного уложения 1649 г. в ст. 7 указывалось: «А будет который боярин или околничей, или думной человек, или дьяк, или иной какой судья, исца или ответчика по посулом, или по дружбе, или по недружбе правого обвинит, а виноватого оправит, а сыщется про то доп-

ряма, на тех судьях взяти исцов иск втрое, и отдати исцу, да и пошлины и пересуд и правой десяток взяти на государя на них же. Да за ту же вину у боярина, и околничего, и у думного человека отняти честь. А будет который судья такую неправду учинит не из думных людей, и тем учинити торговая казнь, и въпередь им у дела не бытии» [7].

Более детальная регламентация рассматриваемой сферы правоотношений была осуществлена в законодательстве Петра I. Так, в Указе «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное» [8] от 24 декабря 1714 г. был представлен широкий перечень лиц, включенных в круг представителей власти: «...всем чинам, которые у дел приставлены великих и малых, духовных, военных, гражданских, политических, купецких, художественных и прочих... требовать никаких посулов, казенных и с народа собираемых денег брать...» [9]. При этом преследованию за неосторожные преступления подлежали должностные лица не только судебной системы, но и других сфер государственной деятельности, в первую очередь, военной. На неосторожный характер соответствующего преступления указывало употребление в тексте Указа слов «по небрежности», «лености», «глупости», «медлительности», «неосмотрительности» и т. д. [10].

Свое логическое продолжение регламентация уголовной ответственности должностных лиц (государственных чинов) получила в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Так, в разделе «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» предусматривалась уголовная ответственность не только за мздоимство, но и за превышение власти, попустительство, хищение вверенного должностному лицу имущества, подлоги по службе, нарушения порядка в отношении к подчиненным, а также другие преступления [11]. При этом нельзя не отметить, что криминализация должностных преступлений получила свое более четкое формально-логическое закрепление. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. были впервые выделены общие нормы (ст. 441 и 442), устанавливающие ответственность чиновников «за медлительность и нерадение в отправлении должности». Несомненным достижением следует признать и закрепление материальной юридико-правовой конструкции некоторых составов преступлений. Так, обязательным условием привлечения к ответственности по ст. 442 Уложения 1845 г. являлось наступление общественно опасных последствий, определенных законодателем как «видимые беспорядки или запущение в делах» [12].

Эта тенденция нашла подтверждение в дальнейшем в Уголовном уложении 1903 г., где последствие уже являлось обязательным условием практически любого неосторожного преступления, субъектом которого был служащий. В большинстве статей названного источника оно формулировалось как «важный вред для порядка управления или для казенного, общественного или частного интереса».

Несмотря на то, что законодательство советского периода стремилось отойти от ранее приобретенного опыта криминализации многих деяний, относительно неосторожных должностных преступлений оно все же сохранило определенную преемственность. Данная группа преступлений связывалась с небрежным (нерадивым) отношением к государственной службе. Вместе с тем постепенно в законодательстве советского периода происходит корректировка терминологии. Так, вместо категории «нерадивое отношение к служебным обязанностям» появляется своеобразный по своей семантике термин «халатность». Впервые понятие «халатность» получило свое официальное закрепление в УК РСФСР 1922 г., в котором законодатель использовал словосочетание «халатное отношение к службе» (ст. 108) в значении недобросовестно-небрежного отношения к работе, к своим обязанностям [13]. Объективная сторона данного преступления заключалась в невнимательном и небрежном отношении к возложенным по службе обязанностям, повлекшем за собой волокиту, медленность в производстве дел, беспорядочность в делопроизводстве и отчетности и иные упущения по службе. Как можно заметить, хотя законодатель и закрепляет наступление последствий, предполагая конструкцию «материального» состава преступления, их оценочный характер фактически свидетельствует о том, что в этом источнике, по сути, закреплена правовая конструкция «формального» состава преступления.

Более формализованные критерии должностная халатность получила в УК 1926 г. [14]. В частности, ст. 111 УК устанавливала ответственность за халатное отношение к службе, т.е. небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе, если они имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушения общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан, если эти действия совершались должностным лицом систематически или

из соображений корыстных, или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия.

Следовательно, в рассматриваемой норме сконструирован как состав опасности, так и материальный состав преступления. Кроме того, обращает на себя внимание коллизионность закрепления неосторожной формы вины в сочетании с корыстной или иной личной заинтересованностью. В свою очередь, имеет определенные перспективы в плане оптимизации ст. 293 УК РФ указание на систематическое совершение действий, образующих халатность.

В УК РСФСР 1960 г. халатность определялась как «невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан» [15]. Таким образом, преступление было отнесено к разряду, несомненно, неосторожных посягательств.

УК РФ 1996 г. сохранил уголовную ответственность за должностную халатность. Вместе с тем ее правовая регламентация получила в нем новое звучание. Это коснулось круга субъектов указанного преступления – в действующем УК РФ он значительно сужен. Изменение правового режима различных форм собственности побудило законодателя исключить из их числа лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, в том числе в общественных организациях, государственных и муниципальных предприятиях и др. Изменилось и содержание объективной стороны халатности. В действующей редакции УК РФ халатность связана с нарушением должностных (а не служебных, как было ранее) обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе. Несколько по-иному сформулированы и признаки субъективной стороны рассматриваемого состава преступления. Так, буквальное толкование диспозиции ч. 1 ст. 293 УК РФ дает основание для вывода о том, что в ней, в отличие от ранее действовавшего отечественного законодательства, закреплена умышленная форма вины. Проведенный опрос сотрудников следственных и судебных органов показал, что именно сложности в установлении формы вины за халатность, ее дуализм формируют многочисленные проблемы не только при ее квалификации, но и при отграничении от смежных составов преступлений (ч. 2 ст. 109, ст. 215¹, ч. 2 ст. 118,

ст. 285, ч. 2 ст. 292¹ УК РФ). И в этом смысле действующая редакция ст.293 УК РФ не выдерживает критики.

Резюмируя изложенное, мы хотим еще раз обратить внимание на те исторические вехи криминализации должностной халатности, которые имеют вполне реальные перспективы реализации в нормах современного уголовного законодательства:

- четкое закрепление в законе неосторожной формы вины для состава должностной халатности;

- установление материальной правовой конструкции должностной халатности с ограничением наступивших последствий лишь нарушением работы учреждения или предприятия либо причинением им имущественного ущерба. При этом последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью либо смерти человека не должны охватываться данным составом преступления.

Литература:

1. Русская Правда в краткой редакции // Российское законодательство X-XX вв. Т. 1. С. 63, 118.

2. Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 332.

3. Проценко Ю.Л. Государство и право Руси в период феодальной раздробленности (XII-XIV вв.). Волгоград, 2001. С. 36-37.

4. Ким Е.П., Быков А.В. Эволюция (история развития) российского законодательства по предупреждению преступлений, совершаемых служащими органов местного самоуправления // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 33.

5. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М.,1988. С. 123-124.

6. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т.2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв.ред. тома А.Д. Горский; Рец. В.И. Корецкий. М., 1985. С. 501-517.

7. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961.

8. Беляев И.Д. История русского законодательства: Учебник. СПб., 1999. С. 489.

9. Полное собрание законов Российской империи. Т. 5: 1713-1719 гг. СПб., 1830. С. 354.

10. Российское законодательство X-XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 61, 67, 86-87.
11. Российское законодательство X-XX веков. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 174-177, 192-203, 232-239.
12. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1892. С. 102-103.
13. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953.
14. <http://www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=0&nd=901757374&nh=1>
15. Уголовный кодекс 1960 г. М., 1982.

Луговенко Т.П.

*доцент кафедры уголовного права и процесса
Ивановского государственного университета, к.ю.н.*

Чапурко Т.М.

*профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Кубанского социально-экономического института
к.ю.н., д.полит.н.*

Lugovenko T.P.

*associate Professor of the Department of criminal law and process
Ivanovo state University, PhD in law*

Chapurko T.M.

*professor of criminal law Kuban social and economic Institute
PhD, doctor of political Sciences*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН

PREVENTION OF CRIMINAL BEHAVIOR OF WOMEN

Аннотации. В статье анализируются некоторые аспекты предупреждения преступного поведения женщин с помощью общесоциальных и специальных мероприятий. Автор придерживается позиции, что антикриминальное воздействие мер общесоциального предупреждения всегда более эффективно, если оно дополняется специально-криминологическими мерами.

Annotation. This article examines some aspects of the prevention of criminal behavior of women with general social and special events. The author is maintained at a position that anti-criminal measures of general social impact of prevention is always more effective if it is complemented by a specially-criminological measures.

Ключевые слова: женская преступность; общесоциальное предупреждение; предупреждение; преступное (криминальное) поведение; специальное (специально-криминологическое) предупреждение.

Keywords: female criminality (women's crime); general social prevention; prevention; criminal behavior; special (special-criminological) prevention.

Современная российская преступность, как она представлена в официальной статистике, демонстрирует различные по содержанию, но во многом совпадающие по детерминантам (связанным с особенностями сложившейся в стране экономической, социальной, нравственной ситуации), неблагоприятные тенденции в своем развитии. При этом весьма значимым как по масштабам, так и по социальным последствиям, является активное вовлечение женщин в орбиту криминальных отношений.

Криминологи отмечают, что на протяжении всего прошлого века объем (состояние) женской преступности в стране был в 5-7 раз меньше соответствующих показателей преступности мужчин, составляя 10-15% всей преступности (несмотря на то, что численность женщин превышала численность мужчин). В последние годы наметилась тенденция некоторого роста женской преступности (до 3% ежегодно) и увеличения (до 13-15%) доли женщин в структуре выявленных преступников. Одновременно более чем в 4 раза выросло количество женщин, совершивших тяжкие преступления. Темпы прироста числа женщин-преступниц в 2-3 раза выше, чем у мужчин [3, с. 390].

Признание социальной обусловленности преступности означает сознание объективных и реальных возможностей ее предупреждения за счет изменения условий общественного бытия, социального развития и нравственного формирования личности. Предупреждение преступности можно представить схематически как систему, пресекающую: связи формирования и функционирования криминогенных процессов в обществе; связи между этими процессами и формированием личности; связи между личностью и ситуацией совершения преступлений. Предупреждение является рациональным и гуманным средством, нацеленным на совершенствование условий жизнедеятельности людей и их воспитание.

Подчеркнем, что профилактика и предупреждение преступности – понятия не тождественные, т.к. профилактика – лишь одна из составляющих предупреждения. «Профилактика, – как справедливо замечает Е.В.

Кунц, – способна влиять на истоки, на то, что воспроизводит преступность, тем самым легче «лечить болезнь» в ее зародыше» [4, с. 183].

Большинство криминологов под предупреждением преступности понимают вид социального управления, направленного на борьбу с преступностью, устранение, ослабление или нейтрализацию причин, ее порождающих, и условий, способствующих совершению преступлений, а также оказание корректирующего воздействия на лиц, склонных к правонарушающему поведению.

По мнению Г.Н. Горшенкова, наиболее важные содержательные компоненты борьбы с преступностью определяются общими процессами управления социальным и экономическим развитием страны и, в свою очередь, обуславливают и содержание стратегического управления процессами предупреждения преступности. К их числу он относит: 1) обоснование превентивной стратегии в борьбе с преступностью, 2) нормативное регулирование стратегического управления, 3) региональный характер стратегий борьбы с преступностью, в том числе и стратегии предупреждения, 4) осознание необходимости интеграции ресурсов и координации действий субъектов социального управления, направленных на предупреждение преступности [9, с. 499.].

Известны и другие подходы к проблеме предупреждения, где предпочтение отдается социально-правовому контролю, включающему в себя всю гамму социальных наблюдений-влияний, в том числе и уголовно-правового, репрессивного характера. В.В. Лунеев считает его более зримым, более доступным, более реальным и наглядно-результативным [6, с. 932].

Полагаем, что ведущая парадигма криминологической политики государства на современном этапе должна основываться на теории социального контроля над преступностью, ориентированной не столько на борьбу с преступностью, сколько на защиту от нее. В рамках системы социального контроля над преступностью ее предупреждение справедливо рассматривать в качестве одного из направлений осуществления этого контроля, которое реализуется в комплексе воспитательных, социальных, репрессивных, восстановительных мероприятий. При этом сохраняют свое теоретическое и практическое значение разработанные отечественной криминологической наукой подходы к классификации мер предупреждения преступности: общесоциальное и специально-криминологическое (по признаку целеполагания или по уровню); в рамках последнего – общее и индивиду-

альное. Органически сочетая различные меры общесоциального (общего) и специального предупреждения, можно успешно воздействовать на причины и условия женской преступности в обществе и тем самым добиваться ее сокращения.

Под общесоциальными мерами предупреждения понимается «совокупность экономических, политических, организационных, информационных и иных мероприятий, обеспечивающих развитие российского общества, которое выражается в становлении и укреплении нашей рыночной экономики, что прямо и косвенно отражается на материальной и духовной жизни народа» [6, с.928-929]. Весь этот комплекс предупредительных мер (не специально, но опосредованно направленных на предупреждение преступлений), обеспечивает стабилизацию, снижение социальной напряженности в обществе, играя основную роль в подрыве экономических, социальных и других корней преступности.

На рост преступности среди женщин влияют многие криминогенные факторы, однако особую актуальность в настоящее время приобретают проблемы социальной защищенности и облегчения жизнедеятельности женщин в производственной сфере.

Решением IV Всемирной конференции по положению женщин «Действия в интересах равенства, развития и мира» (Пекин, 4-15 сентября 1995 года), в качестве главных целей были названы: изменение структуры и целенаправленное распределение государственных ассигнований в целях поощрения экономических возможностей женщины и равного доступа к производственным ресурсам; удовлетворение специальных образовательных и медицинских потребностей женщин, особенно женщин в условиях нищеты [8].

Если обратиться к международному опыту, то трудовая сфера прав женщин относится к наиболее проработанным в Конвенциях МОТ. Россия ратифицировала треть всех Конвенций этой организации, а в последние годы были приняты важные нормативные акты, касающиеся положения женщин. Однако многие из них носят декларативный характер, так как не устанавливают четких механизмов провозглашенных ими концептуальных положений.

Исходя из того, что именно в социально-трудовой сфере происходят значительные негативные процессы, ведущие к безработице и социальному расслоению населения по уровню доходов, Е.Р. Абызова предлагает конкретные и вполне реальные меры, связанные с оказанием социальной

поддержки, материальной, медицинской, психологической помощи женщинам со стороны различных субъектов предупредительной деятельности. Она убеждена в том, что предупреждение в социально-трудовой сфере должно охватывать мероприятия по:

- максимальному снижению числа безработных женщин и уменьшению сроков их трудоустройства, в частности, путем стимулирования работодателей при приеме на работу женщин;

- расширению применения надомного труда, предоставлению реальной возможности неполного рабочего времени для женщин;

- оказанию гарантированной помощи в переподготовке, приобретении специальности, адаптированной к новым социально-экономическим условиям;

- осуществлению контроля за недопущением нарушений трудового законодательства в части необоснованного увольнения женщин с предприятий, учреждений, организаций (в том числе негосударственных) по мотивам их беременности, наличия малолетних детей, предпенсионного возраста и т.п.;

- увеличению существующих пособий (единовременных и ежемесячных) матерям и детям до экономически обоснованного прожиточного минимума;

- созданию фондов и других источников социальной помощи женщинам, которые в связи с уходом за ребенком и другими подобными обстоятельствами не могут работать;

- созданию приютов для временного пребывания в них женщин в период острых конфликтных ситуаций в семье (с привлечением к такой деятельности зарегистрированных религиозных организаций);

- реализации механизма государственных гарантий, направленных на обеспечение бесплатной лечебно-профилактической помощи женщинам и детям [1, с. 118-119].

Назрела необходимость существенных изменений в социально-экономической политике. С.А. Попова пишет: «Главная ее задача по отношению к женщине...состоит, с одной стороны, в том, чтобы повысить конкурентоспособность женщин на существующем рынке труда и компенсировать объективно неустранимые факторы, порождающие относительную неконкурентоспособность женщин, с другой – формировать новую структуру занятости, новый рынок труда, соответствующий современной эпохе,

на котором у женщин будут свои естественные, органичные и вполне эффективные ниши» [7, с. 147].

Принимая во внимание особую значимость экономических факторов в продуцировании женской преступности, мы считаем, что важным направлением ее профилактики должна стать оптимизация статуса женщины в трудовых и иных социально-экономических отношениях. Предпосылкой этого являются общесоциальные меры: развитие экономики страны в целом, рост реальных доходов населения и уменьшение их дифференциации, повышение заработной платы, сокращение социальной и экономической бедности, создание условий для эффективной занятости населения и т.д.

Меры социально-экономического содержания, ориентированные на предупреждение преступности среди женщин, должны осуществляться, на наш взгляд, в нескольких приоритетных направлениях.

1. Меры, осуществляемые в области труда и занятости, которые предполагают: сокращение рабочего дня или рабочей недели женщин при сохранении прежней заработной платы, прежде всего для женщин, имеющих детей; введение дополнительных отпусков; сокращение числа женщин, занятых на тяжелых и вредных работах; устранение диспропорций и неравенства в оплате труда мужчин и женщин; предоставление женщинам возможности повышения квалификации, переквалификации, а также получения образования в соответствии с конъюнктурой рынка и др.

2. Меры, осуществляемые в области реализации жилищной политики, которые, предполагают широкое развитие системы социального найма жилья, предоставление безвозмездных государственных субсидий для приобретения жилья, строительство в ходе жилищной реформы государственного и муниципального жилья, сохранение льготности обеспечения жильем многодетных, неполных семей, семей с крайне низкими доходами, обеспечение экономически обоснованного соотношения доходов семьи и стоимости его оплаты, аренды и найма и др.

3. Меры, осуществляемые в области социальной помощи малообеспеченным гражданам, которые предполагают развитие адресных и страховых программ, стимулирование общественной и частной благотворительной практики, дальнейшее развитие системы семейных пособий, охватывающей поддержкой семьи с несовершеннолетними детьми; обеспечение своевременной и полной выплаты семейных пособий, включая приоритетное финансирование и жесткий контроль на федеральном уровне; расширение натуральных выдач, льгот и дополнительных целевых выплат недос-

таточно обеспеченным семьям в субъектах РФ путем сочетания различных форм социальной поддержки семьи и детей в зависимости от состава населения и социально-экономического и демографического развития регионов и др.

В итоге, как справедливо указывает В.И. Шиян, государственная социально-экономическая политика в отношении женщин должна складываться из трех компонентов: компенсация объективно сложного положения женщин; борьба с дискриминацией женщин; введение мер по повышению их объективной конкурентоспособности [13, с. 127.].

Общеизвестно, что работа по предупреждению антиобщественного поведения женщин должна охватывать те сферы жизнедеятельности, где формируются негативные черты их личности. И здесь в качестве объекта профилактики необходимо рассматривать сферу семейных отношений.

Корреляционная связь воспитательного процесса и морального климата в семье не вызывает сомнений. Вот почему отрицательные образцы для подражания, демонстрируемые женщинами, ведущими антиобщественный образ жизни, столь губительны для всех членов семьи и особенно для несовершеннолетних. Негативное влияние далеких от норм нравственности поведенческих актов женщины-матери наносит детям ничем невозполнимый ущерб, который сложно нейтрализовать даже деятельностью воспитательных организаций. Дисгармония в семейных отношениях и отсутствие эмоциональных контактов порождает у детей повышенную тревожность и неуверенность в себе, которые сопутствуют им во взрослой жизни. Криминогенное значение подобных ситуаций налицо, т.к. часто совершение преступлений выступает в качестве средства преодоления тревожности отношением к себе. Человек совершает преступления потому, что он испытывает тревожность и беспокойство из-за своего положения в мире (огромном, бескрайнем). Его переживания бессознательны. Тревожность появилась с первыми людьми, которым были страшны природа, звери, злые духи. У современного человека поводов для тревожности намного больше (преступность, болезни, безработица, преступность). Многие угрозы носят мнимый характер, но человек этого не осознает. Тревожность - это главная отличительная черта преступника (выше уровень тревожности) от законопослушного гражданина. Усиливает, стимулируют переживания тревожности случаи эмоциональной депривации (эмоциональное отвержение родителями своего ребенка в возрасте до 3 лет). Внешний мир для такого ребенка огромен и враждебен, если он не защищен материнской лю-

бовью, то у него резко повышается уровень тревожности, который фиксируется на подсознательном уровне и руководит поведением человека всю оставшуюся жизнь. Самый высокий уровень тревожности, когда человек ощущает угрозу жизни и здоровью, порождает насильственные преступления, который носит характер защиты. Более низкая тревожность приводит к совершению корыстных преступлений. Есть и другой путь, приводящий на скамью подсудимых – у ребенка есть эмоциональные контакты с родителями, но они демонстрируют ему образцы аморального и противоправного поведения. Ребенок копирует их в своих поступках.

Так, В.Г. Гриб пишет: «Ослабление или разрушение семьи неизбежно означает, что женщина перестает исполнять или исполняет ненадлежащим образом свою социальную роль и обязанности. Утрата же регулятивно охранных функций семьи для лиц, входящих в нее, позволяет делинквентной женщине совершать различные антиобщественные поступки, красть, обманывать, заниматься проституцией. Значительное ослабление социального контроля за поведением женщин характерно для настоящего времени вследствие высоких темпов урбанизации, эмансипации, феминизации, массовой миграции, бытовой неустроенности, ломки устоявшихся культур различных слоев общества. Фактически происходит закабаление женщины пороками человечества» [3, с. 396].

Можно уверенно констатировать, что нравственное оздоровление общества начинается с семьи: «Основными принципами семейной политики, направленной на обеспечение государством необходимых условий для реализации семьей ее функций и повышения качества жизни семьи, должны быть: самостоятельность и автономность в принятии решений относительно своего развития; равенство семей и всех ее членов в праве на поддержку; приоритет интересов ребенка; равноправие между мужчинами и женщинами в справедливом распределении семейных обязанностей; партнерство семьи и государства; разделение ответственности за семью; сотрудничество с общественными объединениями, благотворительными организациями и предпринимателями» [4, с. 185-186].

Вектор общесоциального предупреждения женской преступности необходимо скорректировать в сторону решения насущных (первоочередных) задач, которые состоят не в том, чтобы оградить женщину от внешней социальной среды и «закрыть» ее в семье, а в том, чтобы максимально, насколько это возможно, учесть особые потребности женщины при проведении экономической, социальной и иной политики государства; дать ей

возможность либо совмещать участие в общественной жизни с выполнением семейных обязанностей, либо свободно и безболезненно выбирать между ними.

Оказание социально-психологической помощи женщинам, находящимся в трудной жизненной ситуации, выступает важной составляющей предупреждения женской преступности. В первую очередь, речь идет о системе помощи женщинам в решении семейных проблем и профилактике семейного неблагополучия. Такая помощь должна осуществляться в двух направлениях: профилактика опасного в криминологическом отношении неблагополучия в родительских семьях и профилактика неблагополучия в собственной семье женщин.

Сама же криминологическая терапия семьи, как указывает Д.А. Шестаков, предполагает проведение работы в нескольких возможных направлениях:

- включение семьи, не способной к активному сопротивлению криминогенному давлению условий окружающей среды, в профилактический процесс;
- блокирование внутрисемейных источников социально-психологической и криминальной напряженности;
- способствование адаптации членов семьи друг к другу;
- стимулирование разобщения профилактируемой семьи с лицом, подверженным криминогенному влиянию [12. с. 247].

Семейная криминотерапия, как представляется, обеспечит больший профилактический эффект, если будет сопряжена еще с одним направлением социальной и медико-социальной помощи женщинам – профилактикой различных форм злоупотребления психоактивными веществами (алкоголем, наркотиками и др.). В этой связи от субъектов профилактики требуется:

- усиление антиалкогольной и антинаркотической пропаганды, оптимизация и модернизация ее форм и методов;
- своевременное выявление и перекрытие нелегальных каналов поставки алкогольной продукции и наркотических средств;
- обеспечение доступности и совершенствование медицинского обслуживания и социальной помощи лицам, злоупотребляющим спиртными напитками и наркотическими средствами.

Отмеченные мероприятия в экономической, социальной, семейной сфере требуют надлежащего информационного и пропагандистского со-

провождения. Наиболее значимыми направлениями просветительской и информационной политики в деле профилактики женской преступности являются:

- распространение правовых знаний и формирование культуры правомерного поведения;
- формирование нетерпимости к преступным проявлениям и недопущение «смакования» криминальных подробностей в средствах массовой информации;
- утверждение в общественном сознании идеи гендерного равенства и недопущения дискриминации на основании полового признака.

Не стоит забывать, что общесоциальная превенция – задача не отдельно взятого органа и даже не какой-то системы органов. Это задача целенаправленной деятельности государства, для реализации которой необходимо определить и выработать систему общегосударственных мер не только в социально-трудовой, но и в экономической, духовно-нравственной, правовой и других областях жизни российского общества. Улучшение положения женщин требует консолидации усилий всех структур общества в едином направлении.

Следует согласиться с мнением В.Б. Клишкова и В.В. Пасынкова, которые делают верный акцент в своих рассуждениях: «Деятельность государства должна быть направлена на обеспечение доступности легальных способов обретения материального благополучия; на воспитание такой личности, для которой правомерный путь достижения своих целей является единственным; на создание и охрану таких общественных отношений, при которых каждый человек способен самостоятельно позаботиться о себе. Государство должно оказывать более интенсивную помощь лишь тем лицам, которые в силу определенных причин находятся в затруднительном положении: инвалидам, детям-сиротам, многодетным и малообеспеченным семьям, безработным и т. д.» [10, с. 45-46].

Забота об обездоленных, совершенствование существующих общественных отношений (главным образом в сфере производства и распределения), повышение материального благосостояния населения, равенство стартовых возможностей, простор для инициативных и предприимчивых, экономически и социально активных граждан – вот тот базис, на котором строится реальное общественное согласие.

На взгляд В.Д. Ларичева, среди субъектов предупреждения преступлений особую роль выполняют государственные органы законодательной

и исполнительной власти и органы местного самоуправления: «Реализуя принципы народовластия, они осуществляют управление социально-экономическими процессами, государственное управление экономикой и социально-культурным строительством, здравоохранением, образованием, социальной защитой населения на подведомственных территориях. Из всех субъектов предупредительной деятельности они наделены и обладают наиболее конкретными и реальными возможностями в области организации предупреждения преступности, а именно: в пределах своей компетенции осуществляют руководство всеми субъектами предупреждения на подведомственной территории; осуществляют координацию деятельности государственных и общественных органов при реализации комплексных мер по предупреждению преступлений; координируют на всей территории работу всех субъектов профилактики преступлений, обеспечивая им условия надлежащего функционирования и реализации перспективных и первоочередных задач в этой области; совместно с другими субъектами предупредительной деятельности разрабатывают и утверждают программы и комплексные планы профилактики [5, с. 104].

Внимание государственных органов должно быть направлено на то, чтобы уберечь женщин от правонарушений и при помощи широкого привлечения к работе с ними представителей общественности. Трудно переоценить значение государственной и общественной поддержки женщин в сферах общего и профессионального образования, культуры, досуга и труда; в создании и развитии инфраструктуры системы социальной и специальной (психолого-педагогической) помощи населению.

В качестве мер (программ) общесоциального предупреждения женской преступности можно назвать: оптимальное решение социально-трудовых, экономических, духовно-нравственных и других важных проблем жизни российского общества; правовое обеспечение борьбы с преступностью; повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию преступлений и привлечению виновных к ответственности; проведение виктимологической профилактики. Данный перечень можно дополнить мерами по реформированию уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной системы с учетом специфики пола. Современные исправительные учреждения, как минимум, должны соответствовать европейским и мировым стандартам. Сегодня представляется значимым создание не только ювенальной, но и феминистской юстиции, специальных служб полиции по профилактике семейно-

бытовых конфликтов, где будут востребованы знания и опыт психологов, социологов, криминологов и представителей общественности.

И все же, основное направление общесоциального предупреждения женской преступности, носящего долговременный характер, видится нам в улучшении положения женщины, повышении ее сегодняшнего статуса, оказании ей действенной помощи в реализации основных социальных функций с целью повышения качества жизни.

Именно на этом фоне государству и обществу предстоит развернуть систему специальных мер профилактики женской преступности. Представляется, что антикриминальное воздействие мер общесоциального предупреждения всегда более эффективно, если оно дополняется специально-криминологическими мерами, которые «охватывают мероприятия, непосредственно направленные на устранение выявленных причин и условий, способствующих совершению преступлений, на прямое противодействие преступным проявлениям. И если общесоциальные меры связаны с решением жизненно важных проблем и реализуются федеральными, региональными и местными властями в политических целях, то специально-криминологические меры принимаются исходя из конкретной криминологической ситуации для устранения или минимизации ее криминогенных воздействий в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел или в связи с выявлением криминогенных обстоятельств» [6, с. 930]. Таким образом, общесоциальное предупреждение – это базис для реализации мер специального предупреждения (с учетом их взаимосвязи и взаимообусловленности).

Специальная превенция женской преступности включает меры, направленные на уменьшение, ослабление, ограничение существования конкретных видов преступлений с учетом специфики профилактируемого контингента. Типичный круг таких мер ограничен, что облегчает разработку тактики их осуществления в рамках теории предупреждения преступлений. Доказано, что в генезисе преступного поведения женщин в большей степени проявляются факторы психофизиологического характера, требующие заблаговременного применения специальных предупредительных мер.

Если исходить из того, что специально-криминологическое предупреждение преступлений возможно проводить на общем и индивидуальном уровнях, то в первом случае оно должно быть ориентировано на ока-

знание позитивного воздействия на мотивацию и образ поведения неопределенного круга женщин, во втором – отдельных лиц женского пола.

В.Г. Гриб называет первоочередные меры специально-криминалогического характера: выявление неблагополучных семей; установление в них источников негативного влияния на женщин; обнаружение и устранение фактов и причин социальной и бытовой конфликтности; осуществление профилактического воздействия на лиц, оказывающих на членов семьи десоциализирующее влияние (ранее судимых, подверженных депрессии, конфликтам, обладающих психологической несовместимостью и т.п.); оказание социальной помощи семьям с низким уровнем материального обеспечения; организация работы телефонов доверия; создание специальных помещений для приема на временное проживание женщин, подвергнутых насилию; своевременное лечение лиц с психическими отклонениями; помощь ранее судимым женщинам в адаптации к новой жизни и т.п. [3, с. 399-400].

Система предупреждения преступности на современном этапе по основным своим параметрам является качественно новой по сравнению с опытом прошлых лет, «так как она должна соответствовать кардинально изменившимся социальным условиям, строиться на базе иных, чем прежде, ценностей (экономической свободы, институтов народовластия, демократии, приоритета личности, прав и свобод человека и гражданина, перспектив становления правового государства, политического плюрализма, отсутствия идеологического диктата)» [2, с. 3-4].

В новом обществе женщина должна занять принципиально иной жизненный статус, она должна быть защищена законом. Полагаем, что профилактический потенциал (его рациональный смысл) будет зависеть от слаженности действий, проводимых в нескольких направлениях и предполагающих:

1. Выявление, максимально полный учет, контроль, изучение и регистрация (в правоохранительных органах и органах социальной защиты) женщин, склонных к совершению преступлений, или уже отбывших уголовное наказание и возвратившихся в семью.

2. Установление органов и организаций, служб и подразделений, которые в силу своих функциональных обязанностей, имеющих в их распоряжении сил и средств, могут и должны осуществлять согласованные меры по предупреждению преступлений (в том числе по оказанию психологической и иной помощи). Здесь значительная роль должна отводиться

не только государственным органам, но и общественным организациям (включая женские и благотворительные), которые должны принимать меры к вовлечению женщин в общественную жизнь, оказывать материальную поддержку и реальную помощь в решении разнообразных трудовых, семейных и личных вопросов.

3. Определение форм и методов работы, требующих дифференцированного подхода с учетом характера совершаемых женщинами преступлений, помогающих им встать на путь исправления и в дальнейшем вести себя законопослушно.

На наш взгляд, определенный интерес вызывает предложение Е.Р. Абызовой о создании на уровне УВД, ОВД групп по предупреждению женской преступности, которые во взаимодействии с государственными и негосударственными организациями должны выполнять не только специфические правоохранительные функции, но и координировать деятельность всех служб и подразделений по предупреждению женской преступности. В число полномочий таких групп автор предлагает включить деятельность по обобщению и анализу состояния преступности среди женщин, проживающих на подведомственной территории; информированию местных органов власти о правонарушениях среди женщин, причинах и условиях, способствующих совершению правонарушений; организации профилактической работы участковых инспекторов; оказанию помощи женщинам в трудоустройстве, жилищном и бытовом устройстве, социальной поддержке [1, с. 133-134].

По справедливому мнению Е.Р. Чернышевой, совершенствование системы профилактики современной женской преступности требует постоянного внимания и поддержки со стороны государства. Речь идет, во-первых, о формировании действенной уголовной политики, адекватной изменениям преступности, в том числе и женской; во-вторых, о продуманной социальной политике, ориентированной на человека, его нужды и интересы, которая должна быть адресной, своевременной и являться частью специальных программ; в-третьих, о создании и развитии эффективной системы профилактики и не только правоохранительными органами; в-четвертых, о повышении уровня нравственности и духовности, снижении тревожности и агрессивности в обществе; в-пятых, о широком и последовательном внедрении научных рекомендаций в практику предупреждения преступности [11, с. 175-185].

Именно последний тезис подтверждает мысль о важности обобщений и интерпретаций сложившегося за последние годы эмпирического опыта предупреждения преступности (в том числе и женской). Без создания и налаживания бесперебойного функционирования превентивных механизмов противодействия преступности невозможно преодолеть ни односторонность антикриминальной стратегии, сориентированной преимущественно на силовые, уголовно-репрессивные методы, ни противостоять криминальным угрозам, ни добиться стабилизации и ослабления напряженности криминальной ситуации в стране.

Предупреждение женской преступности в современных условиях может явиться одной из главных и гуманных стратегий сдерживания преступности. При разработке конкретных профилактических мер по предупреждению определенных видов преступлений следует отказаться от «приказных методов», шире использовать экономические стимулы, материальную заинтересованность. Концептуальные идеи обеспечения своевременности и достаточности предупредительной деятельности должны органически сочетаться с реализацией принципов законности и справедливости.

Считаем, что оптимизация системы предупреждения женской преступности предполагает перенос центра тяжести с правоограничительных и репрессивных мер, ориентированных на борьбу с преступностью, на меры социальной помощи, поддержки и защиты женщин, оказавшихся в опасной или трудной жизненной ситуации.

Литература:

1. Абызова Е.Р. Криминологическое исследование личности женщин, совершающих преступления, и предупреждение их преступного поведения. Дисс. к.ю.н. – М., 2007. 203 с.
2. Герасимов С.И. Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности. Автореф. дисс. ... д. ю. н. – М., 2001. 54 с.
3. Криминология: Учебник для вузов / Под ред. В.Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. -М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. 544 с. (Серия «Образование»).
4. Кунц Е.В. Преступность среди женщин в современной России. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2009. 264 с.
5. Ларичев В.Д. Теоретические основы предупреждения преступлений в сфере экономики: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. 192 с.

6. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2т. Т.1. Общая часть. – М., Изд-во Юрайт, 2011. 1003 с.
7. Попова С.А. Женская преступность в Приволжском федеральном округе: Монография. Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. 237 с.
8. IV Всемирная конференция по положению женщин «Действия в интересах равенства, развития и мира» (Пекин, 4-15 сентября 1995 г.).
9. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / Науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. СПб.: Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 592с.
10. Частная криминология / отв. ред. д.ю.н., проф., засл. деят. науки РФ Д.А. Шестаков. СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 771 с.
11. Чернышева Е.Р. Криминологическая характеристика современной женской преступности и ее предупреждение. Дисс. ... к. ю. н. Ростов / Дон, 2007. 232с.
12. Шестаков Д.А. Семейная криминология. Криминофамилистика. С-Пб., 2003.
13. Шиян В.И. Предупреждение корыстных преступлений, совершаемых женщинами: Монография / Под ред. В.Д. Филимонова. – М.: ВНИИ МВД России. 2006. 176 с.

Максимов А.М.
к.ю.н., докторант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета
Maksimov A.M.
Ph.D. Professor of Criminal Law and Criminology
Kuban State University

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ,
НАПРАВЛЕННЫХ НА ОХРАНУ ЖИВОТНОГО МИРА:
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КОНКУРЕНЦИИ ОБЩИХ И
СПЕЦИАЛЬНЫХ НОРМ ГЛАВЫ 26 УК РФ**

**SYSTEMATIZATION OF THE RULES OF CRIMINAL LAW
DIRECTED ON PROTECTION OF FAUNA: DEBATABLE QUESTIONS
OF COMPETITION OF THE GENERAL AND SPECIAL NORMS OF
CHAPTER 26 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. Автор рассматривает сложившуюся систему уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за посягательства против животного мира, варианты разрешения конкуренции общих и специальных норм главы 26 УК РФ «Экологические преступления».

Annotation. The author considers the developed system of the rules of criminal law regulating criminal liability for encroachments against fauna, options of permission of the competition of the general and special standards of Chapter 26 «Ecological crimes» of the Criminal code of Russian Federation.

Ключевые слова: экология, уголовная ответственность, конкуренция правовых норм.

Keywords: ecology, criminal liability, competition of rules of law.

При построении системы соответствующих норм исследователь сталкивается с проблемой четкого отграничения содержания охраны, этимологического содержания используемых законодателем объектов слов и терминов, с помощью которых конструируется объективная сторона состава преступления. Поэтому чем разнообразнее совокупность подлежащих охране интересов, прав и иных ценностей, тем сложнее предложить приемлемую всеми систему. Это порождает различные подходы к определению критериев систематизации соответствующих норм права, дискуссионные вопросы. Отмеченная проблема имеет место и при систематизации уголовно-правовых норм, содержащихся в главе 26 УК РФ «Экологические преступления». Это вполне естественно, так как понятием экологии

охватывается многообразный мир: земля, вода, атмосфера, животный и растительный мир (флора и фауна).

Экологические преступления с учетом их направленности против двух составляющих частей экологии можно подразделить, прежде всего, на две большие группы: а) преступления против флоры, б) преступления против фауны. Дальнейшая их градация осуществляется в соответствии с характеристикой непосредственного объекта и предмета преступления. В литературе, как мы уже отметили, можно встретить различную классификацию экологических преступлений. Так, в зависимости от непосредственного объекта профессор Э.Н. Жевлаков выделяют следующие две основные группы [1]:

1) преступления, выражающиеся в нарушении общей экологической безопасности, общего характера (ст. 246, 247, 248, 253, 262 УК РФ);

2) экологические преступления специального характера, которые, в свою очередь, подразделяются на подгруппы:

а) преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны и рационального использования земли и недр (ст. 254, 255 УК РФ);

б) преступления, посягающие на общественные отношения в области охраны и рационального использования животного мира (фауны) (ст. 256, 257, 258, ч.1 ст. 249, 259 УК РФ);

в) преступления, посягающие на общественные отношения в сфере охраны и рационального использования растительного мира (флоры) (ст. 260, 261, ч. 1 ст. 249 УК РФ);

г) преступления, посягающие на общественные отношения по обеспечению экологической безопасности, охране и рациональному использованию вод и атмосферы (ст. 250, 251, 252 УК РФ).

Профессор И.М. Тяжкова также выделяет две основные группы. Первая группа – это *общие* (246-248, 262 УК РФ). Ст. 253 УК РФ автором в эту группу не включена. Вторая группа – это *специальные* (ст. 249-261 УК РФ), которая, свою очередь, разделена на следующие подгруппы:

а) посягательства на водную и воздушную среду (ст. 250-252 УК РФ);

б) посягательства на землю и недра (ст. 253-255 УК РФ);

в) посягательства на животный мир – фауну (ст. ч.1 ст. 249, 256-259 УК РФ);

г) посягательства на растительный мир – флору (ст. ч.2 ст. 249, 260, 261 УК РФ)[2].

Представляет интерес классификация экологических преступлений, предложенная проф. Н.А. Лопашенко. Она также выделяет две основные большие группы: 1) посягательства на общественные отношения по реализации и охране права каждого на благоприятную окружающую среду (ст. 246-248 УК РФ); 2) посягательства на общественные отношения по охране стабильности окружающей среды и ее природно-ресурсного потенциала (ст. 249-262 УК РФ). Но вторую группу она подразделяет на 7 подгрупп: а) посягательства на животный мир (ст. ст. ч.1 ст. 249, 256-258 УК РФ); б) посягательства на растительный мир (ч.2 ст. 249, 260-261 УК РФ); в) посягательства на воды (ст. 250, 252 УК РФ); г) посягательства на атмосферу (ст. 251 УК РФ); д) посягательства на особо охраняемые территории и акватории, природные объекты (ст. 253, 259, 262 УК РФ); е) посягательства на землю (ст. 254 УК РФ); ж) посягательства на недра (ст. 255 УК РФ) [3].

Профессор А.В. Наумов критически отнесся к классификации, предложенной Н.А. Лопашенко. По его мнению, все выделенные во второй группе преступления также посягают на общественные отношения по реализации и охране права каждого на благоприятную окружающую среду [4]. Он предлагает следующую классификацию экологических преступлений: 1) преступления, посягающие на общие правила экологической безопасности в сфере экологически значимой деятельности (ст. 246-248 УК РФ); 2) преступления, посягающие на экологическую безопасность в сфере отдельных компонентов природной среды (вод, атмосферы, почвы, недр, континентального шельфа – ст. 250-255 УК РФ); 3) преступления, посягающие на экологическую безопасность флоры и фауны как составную часть окружающей среды, условия биологического разнообразия и сохранения биосферы Земли (ст. 249, 256-262).

Классификацию экологических преступлений, в основном сходную с классификацией А.В. Наумова, предлагают О.Л. Дубовик и В.В. Сверчков. Указанные преступления подразделены на следующие группы: 1) преступления, состоящие в нарушении правил экологически значимой деятельности (ст. 246-248 УК РФ); 2) преступления, посягающие на отдельные компоненты окружающей природной среды: воду, атмосферу, почву, леса, недра, морскую среду, континентальный шельф (ст. 250-255 УК РФ); 3) преступления, посягающие на объекты флоры и фауны как составную часть окружающей среды, условия биологического разнообразия и сохранения биосферы Земли (ст. 249, 256-262 УК РФ) [5].

С учетом особенностей предмета Б.Б. Тангиев выделяет пять групп экологических преступлений: 1) посягающие на сохранение и рациональное использование земли и ее недр; 2) посягающие на сохранение атмосферного воздуха; 3) посягающие на сохранение вод; 4) посягающие на сохранение и рациональное использование животного мира; 5) посягающие на сохранение растительного мира [6].

В юридической литературе имеют место и другие классификации, которые с большей или меньшей детализацией охватывают все виды экологических преступлений, и все они представляют практический интерес. Мы, в свою очередь, присоединяемся к классификации, предложенной профессором И.М. Тяжковой, но с некоторым уточнением. В соответствии с Федеральным законом «О животном мире» представителями фауны являются *животные, обитающие в диком состоянии*. Поэтому ч. 1 ст. 249 УК РФ мы не включаем в группу посягательств на животный мир – фауну, а рассматриваем только ст. 256-259 УК РФ. В связи с этим, предметом нашего исследования будут составы преступлений, ответственность за которые предусмотрена данными статьями, и проблемы борьбы с ними. Конечно, в нескольких уголовно-правовых нормах (ст. 246, 247, 250 и 252 УК РФ) в качестве альтернативного последствия также названо причинение гибели животных. Однако в этих нормах определяющим общественную опасность непосредственным объектом являются жизнь и здоровье человека. Поэтому в правоприменительной практике обычно и ориентируются на этот объект. Статья 358 УК РФ «Экоцид» также предусматривает ответственность за массовое уничтожение животных. Но этот состав преступления характеризует иной родовой (также как и видовой и непосредственный) объект – отношения в сфере обеспечения мира и безопасности человечества.

Одним из дискуссионных вопросов рассмотренных классификаций, имеющих значение для правоприменительной практики, является определение соотношения составов преступления, предусмотренных ст. 253 УК РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации» и ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов». При принципиальном рассмотрении роли указанных статей какой-либо конкуренции не усматривается. Однако при толковании ч. 2 ст. 253 УК РФ практические работники и судебная практика делают различные выводы. Так, указанная норма гласит: «Исследование, поиск, раз-

ведка, разработка природных ресурсов континентального шельфа Российской Федерации или исключительной экономической зоны Российской Федерации, проводимые без соответствующего разрешения». В юридической литературе такую деятельность как разработка природных ресурсов, распространяют и на незаконный вылов водных биологических ресурсов. Так, профессор Н.А. Лопашенко полагает, что ст. 253 УК РФ является специальной по отношению к ст. 256 УК РФ [7]. Поэтому она допускает возможность квалификации по ст. 253 УК РФ фактов незаконной добычи рыбных запасов. Однако этот вывод не согласуется с тем, что при классификации экологических преступлений она по непонятной причине не включает ст. 253 УК РФ в группу посягательств на животный мир (ст. ст. ч.1 ст. 249, 256-258 УК РФ). Этот вид преступлений ею отнесен к группе посягательств на особо охраняемые территории и акватории, природные объекты (ст. 253, 259, 262 УК РФ).

С выводом профессора Н.А. Лопашенко не согласен И. Попов. Он считает, что ст. 253 УК РФ не может применяться при квалификации браконьерства в пределах континентального шельфа или в пределах исключительной экономической зоны Российской Федерации. С его аргументацией, как мы полагаем, можно согласиться. Этимологическое значение слова «разработка» связано с описанием воздействия на неживые природные ресурсы. В толковых словарях русского языка под этим словом понимают деятельность по добыче полезных ископаемых. Разработать – это значит «обрабатывать, возделывать, сделать пригодным для использования; тщательно и всесторонне исследовать, подготовить, обработать во всех подробностях; привести в нормальное рабочее состояние; исчерпать добычу ископаемого в каком-нибудь месте» [8]. В связи с этим И. Попов делает вывод, что «в ч. 2 ст. 253 УК РФ запрещена разработка без соответствующего разрешения неживых природных ресурсов на континентальном шельфе или в пределах исключительной экономической зоны Российской Федерации. Если бы законодатель имел в виду разработку живых природных ресурсов, то употребил бы слово «добыча», как он делает это при формулировании ст. 256 УК РФ» [9]. В качестве аргумента он приводит также тот факт, что преступления на континентальном шельфе или в пределах исключительной экономической зоны Российской Федерации совершаются, как правило, группой лиц по предварительному сговору. Однако ст. 253 УК РФ такогоотягчающего обстоятельства не содержит.

При этом следует отметить, что санкция ч. 2 ст. 253 УК РФ мягче, чем санкция ч. 3 ст. 256 УК РФ. Она не предусматривает такого вида наказания, как лишение свободы, а включает, кроме штрафа, такие виды наказаний, как обязательные работы, исправительные работы (в новой редакции - и принудительные работы). Поэтому ответственность за незаконную добычу водных биологических ресурсов на континентальном шельфе или в пределах исключительной экономической зоны должна наступать по ст. 256 УК РФ [10].

При определении соотношения ст. 253 УК РФ необходимо иметь в виду, что законодатель не связывает с исследованием, поиском, разведкой и разработкой природных ресурсов причинение ущерба животному миру. Речь идет лишь о нарушении правил производства работ, что более характерно для незаконной предпринимательской или иной деятельности. В связи с отмеченным, можно сделать вывод, что конкуренция просматривается, прежде всего, со ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство».

Если исходить из основного смысла ст. 253 УК РФ, где речь идет о возведении искусственных островов, установок или сооружений (например, таких как Сахалин-2 и др.), то ее можно было бы признать специальной по отношению к ст. 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ». Однако в последней норме законодатель предусмотрел последствия в виде существенного изменения радиоактивного фона, причинение вреда здоровью человека, массовую гибель животных либо иные тяжкие последствия. Ст. 253 УК РФ такие последствия не предусматривает, следовательно, она не может быть признана специальной по отношению к ст. 246 УК РФ. Не может быть она признана и специальной по отношению к ст. 256 УК РФ, так как не предполагает добычу животного мира. При этом, как нам представляется, нельзя не учитывать и логику построения ст. 253 УК РФ. В соответствии с правилами юридической техники, обычно применяемыми в законотворческой деятельности, в том числе и при построении статей Уголовного кодекса, обе части ст. 253 УК РФ должна объединять одна служебная роль. Она заключается в обеспечении сохранности и рационального использования природных ресурсов континентального шельфа Российской Федерации или исключительной экономической зоны Российской Федерации (нефть, газ, янтарь и др.).

Именно из этих соображений, как мы полагаем, исходил законодатель при формулировании ч. 2 ст. 253 УК РФ в первоначальной редакции:

«Исследование, разведка, разработка естественных богатств континентального шельфа Российской Федерации или исключительной экономической зоны Российской Федерации, проводимые без соответствующего разрешения». Начиная с 1997 года, в учебной литературе не возникало дискуссий относительно определения предмета рассматриваемого преступления. Доктор юридических наук Е.В. Виноградова отмечает: «понятия «исследование», «разведка», «разработка» естественных богатств в дополнительном разъяснении не нуждаются. Для квалификации важно, что эти виды деятельности должны осуществляться по соответствующему разрешению». Преступление считается оконченным с момента совершения деяния [11].

К естественным богатствам, применительно к ст. 253 УК РФ, многие авторы относили «минеральные и другие неживые ресурсы морского дна и его недр» [12]. Так, например, В.А. Нерсисян включает анализируемое преступление (ст. 253 УК РФ) в группу преступлений, «посягающих на основы должной сохранности недр» [13]. Необходимо также подчеркнуть, что в рассмотренных ранее нами классификациях экологических преступлений, ни один автор не объединил в одной группе ст. 253 и ст. 256 УК РФ.

Подобный подход к толкованию нормы, изложенной в ч. 2 ст. 253 УК РФ, представляется наиболее верным. Законодатель не включает в перечень предметов преступления ни рыбу, ни водных животных. Более того, законодатель четко регламентирует порядок осуществления всех видов рыболовства на континентальном шельфе. Федеральным законом № 364-ФЗ от 27 декабря 2009 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в структуру действующего Федерального закона «О континентальном шельфе Российской Федерации» дополнительно включены четыре статьи, регламентирующие порядок осуществления рыболовства [14]. Так, в статье 14¹ данного закона законодатель определяет виды рыболовства, которые могут осуществляться на континентальном шельфе: а) промышленное рыболовство; б) рыболовство в научно-исследовательских и контрольных целях; в) рыболовство в учебных и культурно-просветительских целях; г) рыболовство в целях рыбоводства, воспроизводства и акклиматизации водных биологических ресурсов. Порядок его осуществления установлен Федеральным законом от 20 декабря 2004 года №166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» и настоящим Федеральным законом.

В исключительных случаях, предусмотренных Федеральным законом «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», допускается осуществление и прибрежного рыболовства на континентальном шельфе. Для целей осуществления прибрежного рыболовства на континентальном шельфе федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством Российской Федерации, осуществляется распределение прибрежных квот между лицами, у которых в установленном порядке возникло право на добычу (вылов) водных биоресурсов на континентальном шельфе. Статья 14² закона определяет особенности осуществления *промышленного рыболовства* на континентальном шельфе. Промышленное рыболовство на континентальном шельфе осуществляется гражданами Российской Федерации и российскими юридическими лицами, у которых в установленном порядке возникло право на добычу (вылов) водных биоресурсов на континентальном шельфе. Иностранные граждане и иностранные юридические лица осуществляют промышленное рыболовство на континентальном шельфе в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Статья 14³ закона, определяющая «Особенности осуществления рыболовства в научно-исследовательских и контрольных целях на континентальном шельфе», гласит: рыболовство в научно-исследовательских и контрольных целях на континентальном шельфе осуществляется научными организациями на основании ежегодного плана проведения морских ресурсных исследований водных биоресурсов. При этом необходимо иметь решение о предоставлении водных биоресурсов в пользование, а также выданных указанным организациям разрешений на добычу (вылов) водных биоресурсов и выданных в соответствии с Федеральным законом «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» разрешений на проведение морских ресурсных исследований водных биоресурсов.

Иностранные граждане и иностранные юридические лица осуществляют рыболовство в научно-исследовательских и контрольных целях на континентальном шельфе в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Статья 14⁴ закона определяет права и обязанности лиц, осуществляющих рыболовство на континентальном шельфе. Лица, осуществляющие рыболовство на континентальном шельфе, имеют право осуществлять добычу (вылов) водных биоресурсов. В случаях, предусмотренных Федеральным законом «О рыболовстве и сохранении водных биологических ре-

сурсов», они осуществляют приёмку, обработку, перегрузку, транспортировку, хранение и выгрузку уловов водных биоресурсов, производство рыбной и иной продукции из водных биоресурсов.

Как видим, все вопросы, касающиеся охраны и рационального использования животного мира, в том числе водных биологических ресурсов, на континентальном шельфе *непосредственно* разрешаются в соответствии со ст. 256, 257, 258, 259 УК РФ.

Аналогичным образом законодатель регламентирует порядок осуществления рыболовства в исключительной экономической зоне. В Федеральный закон от 17 декабря 2009 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» также дополнительно включены 4 статьи (12¹, 12², 12³, 12⁴), посвященные вопросам рыболовства. В них законодатель четко указал, что все виды рыболовства в исключительной экономической зоне осуществляются в порядке, установленном Федеральным законом «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» и настоящим Федеральным законом[15].

Поэтому *нет никаких оснований для квалификации по ст. 253 УК РФ фактов нарушения правил рыболовства*, о чем свидетельствует анализ статьи 253 УК РФ и специальных Федеральных законов.

Между тем, не совсем удачная редакция ст. 253 УК РФ, наличие различных рекомендаций представителей теории уголовного права порождают неоднозначные решения судов. Например, приговором Петропавловска-Камчатского городского суда Камчатской области был осужден по ч. 2т. 201и ч.2 ст. 253 УК РФ капитан судна, который *незаконно* добыл 264948,2 кг сырца минтая и 8013,3 кг сырца камбалы в пределах исключительной экономической зоны Российской Федерации. Незаконно добыты сотни тонн промысловой рыбы. Ущерб, причиненный в результате совершения этого преступления рыбным запасам, составил 31541450 руб. Кроме того, виновными причинен также существенный вред и водной биологической системе [16]. Квалификация действий капитана судна по ч. 2 ст. 201 УК РФ, выполняющего соответствующие управленческие функции в коммерческой структуре, совершенно верная. В то же время незаконная добыча водных биологических ресурсов в объеме нескольких десятков тонн требует квалификации по ст. 256 УК РФ.

За создание преступного сообщества (ст. 210 УК РФ), незаконную добычу краба на Дальнем Востоке (ст. 253 УК РФ) и легализацию денежных средств, добытых преступным путем (174-1 УК РФ) привлечены к

уголовной ответственности Г., Э. и С. как его организаторы. Члены преступного сообщества незаконно добыли десятки тысяч килограммов краба на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне России в Дальневосточном бассейне, а также в Беринговом и Охотском морях. Крабовая продукция реализовывалась на американском рынке, а вырученные деньги пускались в оборот в легальном бизнесе. Ущерб, причиненный водным биологическим ресурсам, составил 59 миллионов долларов. Возникает вопрос - почему за причинение такого колоссального ущерба при наличии признаков преступления, предусмотренных ст. 256 УК РФ, действия виновных квалифицируют по ч. 2 ст. 253 УК РФ, санкция которой предусматривает самое строгое наказание в виде обязательных работ до 240 часов или исправительных работ до 2 лет [17].

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ предпринял попытку сформулировать рекомендации для судов в постановлении «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)». В этом документе лишь несколько строк посвящено комментарию ст. 253 УК РФ: «Вылов водных биологических ресурсов, совершенный *в целях научно-исследовательских работ, поиска и разработки природных ресурсов континентального шельфа* (разрядка моя – А.М.). Российской Федерации или исключительной экономической зоны Российской Федерации без специального разрешения, полностью охватывается частью 2 ст. 253 УК РФ, *если лицом не осуществлялась незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов при наличии признаков, предусмотренных в частях 1 и 3 статьи 256 УК РФ*. Уголовная ответственность в таких случаях, при наличии к тому оснований, наступает по соответствующим частям статьи 256 УК РФ» [18]. Как видим, в постановлении идет речь о специфической научной деятельности, не имеющей ничего общего с браконьерством. Поэтому в приведенных выше примерах из судебной практики усматриваются признаки состава, предусмотренного ч. 3 ст. 256 УК РФ.

Что касается конкуренции общей и специальной норм в рамках нашего исследования, то она, как нам представляется, имеет место в содержании ст. 257 УК РФ «Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов» и ст. 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ». Этот вывод можно сделать в результате сравнительного анализа указанных уголовно-правовых норм. Так, законодатель

предусмотрел уголовную ответственность за нарушение правил охраны окружающей среды в процессе проектирования, размещения, строительства, ввода в эксплуатацию и эксплуатации промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов, повлекших наступление последствий. В числе последствий, наряду с существенным изменением радиоактивного фона, причинением вреда здоровью человека, названы также массовая гибель животных либо иные тяжкие последствия (ст. 246 УК РФ). В свою очередь, статья 257 УК РФ регламентирует ответственность за «производство сплава древесины, строительство мостов, дамб, транспортировка древесины и других лесных ресурсов, осуществление взрывных и иных работ, а равно эксплуатация водозаборных сооружений и перекачивающих механизмов с нарушением правил охраны водных биологических ресурсов, если эти деяния повлекли *массовую гибель рыбы* или других водных биологических ресурсов, уничтожение в значительных размерах кормовых запасов или иные тяжкие последствия».

В обоих случаях законодатель говорит о производстве соответствующих работ с нарушением правил охраны животного мира, повлекших существенный вред экологии. Но статья 257 УК РФ предусматривает ответственность, как вытекает из буквального толкования диспозиции, за нарушение правил производства работ только на реках, озерах. Причем служебная роль этой нормы заключается в обеспечении охраны рыбы и иных водных биологических ресурсов. Следовательно, законодатель в рамках этой статьи выделил определенную сферу деятельности и предмет уголовно-правовой охраны. Это основные отличительные черты объективной стороны рассматриваемого состава преступления, отграничивающие его от состава преступления, предусмотренного ст. 246 УК РФ. Таким образом, в систему уголовно-правовых норм, непосредственно регламентирующих ответственность за преступления против животного мира, по своему целевому назначению входят: статья 257 УК РФ «Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов»; статья 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов»; статья 258 УК РФ «Незаконная охота»; статья 259 УК РФ «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации». В эту же группу включаем и ст. 258¹ УК РФ «Незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или)

охраняемых международными договорами Российской Федерации». Эта статья введена Федеральным законом от 2 июля 2013 г.

Литература:

1. Жевлаков Э.Н. Экологические преступления // Российское уголовное право. Том 2 / под ред. проф. А.И. Рарога. М., С. 511-514.
2. Тяжкова И.М. Экологические преступления // Курс уголовного права. Особенная часть: учебник для вузов /под ред. проф.Г.Н. Борзенкова и проф. В.С. Комиссарова. М., 2002. Том 4. С. 469-470.
3. Лопашенко Н.А. Экологические преступления. СПб., 2002. С. 38-39.
4. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Том 2. М., 2004. С. 487.
5. Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 2002. С. 705; Сверчков В.В. Ответственность за экологические преступления по российскому уголовному законодательству. Н. Новгород, 1998. С. 10.
6. Тангиев Б.Б. Проблемы правоприменительной практики главы 26 УК РФ «Экологические преступления» и 10-летний опыт ее применения: криминологическое и уголовно-правовое исследование. Сборник материалов международной научно-практической конференции 26-27 мая 2009 года. «Уголовно-правовая защита конституционных прав человека (к 15-летию конституции России). Санкт-Петербург, 2009. С. 404.
7. Лопашенко Н.А. Квалификация конкуренции норм и типичные совокупности норм в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления» // Уголовное право. 2007. №5. С. 49.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд. доп. М.,: 1999. С. 653.
9. Попов И. Конкуренция общей и специальной норм при квалификации преступлений против природной среды // Уголовное право. 2011. №4. С. 53.
10. Попов И. Конкуренция общей и специальной норм при квалификации преступлений против природной среды // Уголовное право. 2011. №4. С. 53.
11. Современное уголовное право. Общая и Особенная части. Учебник / под ред. доктора юридических наук, профессора А.В. Наумова. М.,

2007. С. 840; Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. Том 2. Особенная часть. М., 2004. С. 510.

12. Уголовное право. Особенная часть / под ред. профессора И.Я. Козаченко, профессора З.А. Незнамовой, доцента Г.П. Новоселова. М., 1988. С. 510

13. Уголовное право Российской федерации. Особенная часть / под ред. профессора Б.В. Здравомыслова. М., 1996. С. 314-315.

14. Федеральный закон №364-ФЗ от 27 декабря 2009 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // Российская газета. 2009. 29 декабря.

15. Федеральный закон №364-ФЗ от 27 декабря 2009 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 29 декабря.

16. СПС «Гарант».

17. Полетаев В. Ловля «крабового дела» // Российская газета. 2009. 8 декабря.

18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. №1. С. 3.

Медведева Э.А.
*преподаватель кафедры уголовного
и уголовно исполнительного права
Кубанского социально-экономического института*
Medvedeva E.A.
*lecturer in criminal
and criminal enforcement law
Kuban socio-economic Institute*

**ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
АНАЛИЗ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИВАТИЗАЦИИ
ПЕРВОГО ЭТАПА**
**PROBLEMS OF RUSSIAN LAW ISSUES: ANALYSIS OF THE
NORMATIVE REGULATION OF PRIVATIZATION OF THE FIRST
STAGE**

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее значимые недостатки правового и организационного обеспечения приватизации государственной и муниципальной собственности в России, ее негативные последствия.

Annotation. In the article the most significant lacks of legal and organizational maintenance of privatization of the state and municipal property of Russia and its negative consequences are considered.

Ключевые слова: приватизация, государственное имущество, муниципальное имущество, правовая база, банкротство, экономические преступления.

Keywords: privatization, the state property, municipal property, legal base, bankruptcy, economic crimes.

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» особое внимание уделено разрешению социально-политических, экономических проблем. В числе главных угроз национальной безопасности страны в экономической сфере в этом документе названы «потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики, сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений». Для развития российского государства, равно как и других зарубежных стран, повышения эффективности экономики и роста благосостояния общества важным механизмом явилась приватизация государственной и муниципальной собственности. Результаты экономических преобразований последнего времени оцениваются как полезные для развития экономики и общества в целом.

Однако некоторые негативные моменты процесса приватизации требуют подробного анализа с целью выяснения: а что же в итоге нам дала приватизация в РФ и каким путем? Анализ материалов контрольных мероприятий Счетной палаты, в том числе переданных в правоохранительные органы в период с 1995-го по 2003 год, свидетельствует о многочисленных случаях нанесения значительного ущерба государству из корыстных побуждений со стороны руководителей приватизированных предприятий, должностных лиц органов государственной власти и управления и новых собственников (акционеров). Широкое распространение получили случаи учреждения руководителями предприятий дочерних структур с внесением основных фондов, объектов недвижимости либо иного ликвидного имущества основного предприятия в качестве доли в уставный капитал вновь образованных хозяйствующих субъектов. В результате рядовые работники фактически становились собственниками заведомо убыточных предприятий. Итогом таких действий является существенное уменьшение доли государства на предприятиях, имеющих федеральные пакеты акций, и, как следствие, утрата государственного контроля за деятельностью важных объектов промышленности. Нарушения со стороны представителей государственных органов в основном выражались в злоупотреблении должностными полномочиями в интересах коммерческих структур в целях получения личной выгоды.

По сведениям МВД России, за период с 1993-го по 2002 годы было выявлено 52938 преступлений, связанных с приватизацией. По результатам следствия в суд направлено 11045 уголовных дел, по которым привлечено к уголовной ответственности 1526 лиц. По данным ГИЦ ГУБЭП МВД России, наибольшее количество преступлений в сфере приватизации (27,6 тыс.) было выявлено в 1993 году, причем основная их часть оказалась связана с оборотом приватизационных чеков. Причинами высокой криминализации экономики в тот период являлись, в частности, очевидные недостатки законодательной базы, регулирующей отношения собственности, слабый контроль за законностью происхождения денежных средств, используемых в ходе приватизации, высокие темпы инфляции, неразвитость системы налогообложения и др. В 2003 году выявлено около 3,5 тыс. преступлений в сфере приватизации, к уголовной ответственности привлечено 345 лиц. Наибольшее число преступлений, связанных с нарушением установленных правил процедуры приватизации, имело место в индустриально развитых регионах или богатых природными ресурсами. Например, Иркут-

ской области в период с 1995 по 2002 г.г. прокуратурой выявлено 760 нарушений законодательства о приватизации государственного и муниципального имущества.

По оценкам правоохранительных органов, недостаточное внимание к комплексному прогнозированию последствий приватизации конкретных предприятий, акцент на приоритетное решение текущих задач пополнения бюджета за счет продажи государственной собственности, а также безответственность ряда должностных лиц нередко приводили к реальным потерям в сфере обеспечения обороноспособности и национальной безопасности страны. Так, например, после приобретения американской фирмой контрольного пакета акций курского АО «Кристалл», выпускавшего комплектующие изделия для систем наведения ракетного комплекса «Игла», было прекращено производство специзделий и утрачена уникальная технологическая база.

В результате применения для предприятий сферы оборонной промышленности механизма искусственного банкротства к выгоде узкого круга заинтересованных лиц разрушались вполне успешные производства, а сами предприятия и их активы уводились из-под контроля государства, в том числе переходили в собственность нерезидентов. При этом в ряде случаев инициаторами искусственного возбуждения дел о несостоятельности (банкротстве) предприятий оборонно-промышленного комплекса выступали не только коммерческие структуры, но также федеральные ведомства и организации, в том числе государственные предприятия топливно-энергетического и коммунального комплекса.

За приватизационный период органами прокуратуры выявлено 3850 преступлений, в той либо иной степени связанных с приватизацией. Из них в крупном и особо крупном размере совершено 1136 преступлений, путем мошенничества – 2069 (ст. 159 УК РФ), путем присвоения или растраты – 587 (ст. 160 УК РФ). Совершено 313 преступлений, направленных против государственной службы и службы в органах самоуправления (гл. 30 УК РФ) и выявлен 51 факт злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). 23 преступления совершено сотрудниками органов государственной власти и управления, 5 – государственных предприятий и учреждений, 3 – комитетов по управлению имуществом. По результатам проведенных проверок органами прокуратуры заявлено девятнадцать исков, в том числе имущественного характера на сумму более 47 млн. рублей. Основная часть исков вносилась о признании сделок приватизации недействитель-

ными, применении последствий недействительности сделки и об отмене нормативных и ненормативных правовых актов органов исполнительной власти, касающихся приватизации государственного или муниципального имущества.

Счетная палата по результатам проведенных в 1995-2003 гг. контрольных мероприятий в сфере приватизации направила в Генеральную прокуратуру Российской Федерации более 50 обращений по выявленным фактам нарушений. Однако при рассмотрении правоохранительными органами материалов Счетной палаты возникал ряд проблем, которые препятствовали эффективному реагированию по фактам нарушения законности в процессе приватизации. В частности, действующим уголовным законодательством не предусмотрен самостоятельный состав преступления, устанавливающий ответственность за нарушение законодательства, регулирующего вопросы приватизации. По этой причине спектр составов преступлений, выявляемых в ходе приватизации, может быть очень широк. Поэтому для более эффективного предупреждения преступлений в сфере приватизации государственного или муниципального имущества было бы полезным учесть опыт законодателя Украины. В Уголовный кодекс Украины были включены три статьи: ст. 233 «Незаконная приватизация государственного, коммунального имущества», ст. 234 «Незаконные действия с приватизационными бумагами», ст. 235 «Несоблюдение лицом обязательных условий по приватизации государственного, коммунального имущества или предприятий и их дальнейшего использования». Последняя уголовно-правовая норма служит гарантом соблюдения основной направленности деятельности предприятия, сохранения рабочих мест, обеспечения социально-экономической инфраструктуры. К сожалению, в России имели и имеют место ситуации, когда площади, помещения промышленных предприятий используются для создания торговых, развлекательных учреждений.

Сложившаяся неблагоприятная ситуация в этой важнейшей сфере экономических преобразований, предопределена, как нам представляется, прежде всего нестабильностью правовой базы, отсутствием системного подхода. Правовому обеспечению приватизации государственного имущества и, соответственно, гарантированности при этом прав и интересов всех граждан России должны быть посвящены нормы всех отраслей права, в том числе уголовного. Анализ процесса становления российского приватизационного законодательства позволяет выделить несколько этапов. Первый этап – законодательство периода массовой (т.н. «ваучерной») привати-

ции (1992-1994 гг.). Предваряют этот этап законодательные акты по приватизации, принятые Верховным Советом РСФСР еще летом 1991 года. Однако практическая реализация положений этих законов началась лишь в 1992 году. Основным массив документов этого периода составили закон «О кооперации», «Основы законодательства об аренде» и постановления «Об акционерных обществах», Указы Президента Российской Федерации, в том числе от 29 декабря 1991 г. № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»; от 29 января 1992 г. № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий»; от 1 июля 1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества»; от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации»; от 24 декабря 1993 г. «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации».

Второй этап – законодательство периода денежной приватизации (1994-1999 гг.). Базовым документом для начала денежной приватизации стал Указ Президента Российской Федерации от 22 июля 1994 г. «Об основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года». Однако важнейшим нормативным правовым актом этого периода является Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 123-ФЗ «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации».

Третий этап – совершенствование правовых основ распоряжения государственной собственностью (1999-2003 гг.). В этот период был принят закон «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации», который под приватизацией понимает «возмездное отчуждение находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований имущества (объектов приватизации) в собственность физических и юридических лиц». Этот закон в статье 17 определяет следующие способы приватизации: продажа государственного или муниципального имущества на аукционе, на коммерческом конкурсе с инвестиционными или социальными требованиями; продажа акций работникам предприятий; выкуп арендованного имущества; преобразование унитарных предприятий в от-

крытые акционерные общества; внесение государственного или муниципального имущества в качестве вкладов в уставные капиталы хозяйственных обществ.

Определение приватизации, установленное в законе, описывает экономическую суть этого явления - перераспределение государственной и муниципальной собственности. Юридически же приватизация, проведенная любым из указанных способов, должна оформляться в виде договора купли-продажи государственного или муниципального имущества. Договор приватизации подлежит обязательной государственной регистрации и считается заключенным только с момента такой регистрации. Договор приватизации должен быть заключен в письменной форме. Закон лишь дополняет перечень обязательных условий договора купли-продажи государственного и муниципального имущества, указанных в части второй Гражданского кодекса Российской Федерации. Правовые нормы вышеуказанных законов направлены на недопущение совершения сделок приватизации обманными способами, нарушающими права не только контрагента договора купли-продажи, но и всех граждан Российской Федерации, имеющих право на участие в приватизации государственного и муниципального имущества.

На данных этапах были приняты и получили практическое применение основополагающие нормативные акты, регулирующие процесс приватизации. Но сама приватизация не завершена, поэтому возникает необходимость оперативного принятия новых нормативно-правовых актов, что определяет содержание четвертого этапа правового регулирования процесса приватизации. Ежегодно правительством РФ принимается и публикуется прогнозный план приватизации на текущий год, где утверждается перечень объектов подлежащих приватизации, примерный прогноз на доходные поступления в бюджет.

Так как приватизация считается традиционным методом наполнения бюджета, следует отметить, что в 2003г. выручка от приватизации составила 91 млрд., в 2004 г. – 65,7 млрд. руб., в 2006 – 30 млрд. руб., в 2008 – 7,2, на 1 августа 2009 – 800 млн. руб. Статистика показывает, что доходная часть значительно уменьшилась, так как приватизационные процессы пошли на спад. Но эти цифры были бы значительно выше, если бы не было грубых нарушений законодательства. Так, Счетная палата, проверив процесс приватизации 140 предприятий за последние 10 лет, выявила, что не было проведено ни одной «чистой» сделки и допущенные ошибки оцениваются в 45 млрд. рублей, не доплаченных в государственный бюджет.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что главным упущением правового обеспечения процесса приватизации было отсутствие системного подхода при разработке соответствующей законодательной базы. Правовая база постоянно отставала как от реальных процессов приватизации, так и от стремительно развивающихся «новаций» в сфере экономической преступности. Противоречивость норм приватизационного законодательства стала одними из основных причин нарушений в сфере распределения государственного или муниципального имущества, создала препятствия на пути к достижению стратегических целей приватизации, в том числе социальных.

В числе пробелов законодательного регулирования, которые можно выделить, проанализировав процесс приватизации, являются следующие:

- не завершена работа по обеспечению соответствия норм приватизационного законодательства нормам Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ. Действующее законодательство обнаруживает свою неполноту именно в части, касающейся обеспечения гарантий защиты прав государства как собственника. Это противоречит как требованиям Конституции Российской Федерации, так и нормам Гражданского кодекса Российской Федерации, которым должно соответствовать законодательство о приватизации;
- законодательно не установлены критерии отнесения предприятия к числу производящих продукцию, имеющую стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности государства;
- не созданы правовые механизмы, препятствующие осуществлению так называемых криминальных банкротств предприятий;
- не завершен процесс законодательного урегулирования вопросов разграничения государственной собственности на федеральную, государственную собственность субъектов Российской Федерации и муниципальную.

В ходе приватизации получили широкое распространение новые для России виды экономических преступлений: подделка ценных бумаг, мошеннические операции с ваучерами, недобросовестные рекламные кампании, организация «финансовых пирамид» и другие. По оценке правоохранительных органов, в ходе приватизации сформировались условия, позволявшие проводить операции по отмыванию теневых капиталов, по передаче значительной части государственного и муниципального имущества в собственность криминальных и полукриминальных структур, усиливая

тем самым их влияние на различные сферы экономики и политической жизни, коррумпированность государственного аппарата.

Одной из причин криминализации экономики и нанесения экономического ущерба государству в ходе приватизации являются серьезные проблемы и недостатки законодательства, а также отсутствие необходимого государственного контроля. Так, например, значительный ущерб государству был нанесен невыполнением инвестиционных условий по договорам купли-продажи акций приватизируемых предприятий. Фактически до конца 1997 года собственник приобретенного имущества считался таковым с момента заключения договора купли-продажи независимо от выполнения инвестиционных условий, предусмотренных данным договором. Таким образом, существующим на тот момент законодательством недобросовестным субъектам хозяйственной деятельности фактически была предоставлена возможность получить право собственности на государственное или муниципальное имущество, не выполняя при этом инвестиционные обязательства. Новый частный собственник имел право участвовать в различного рода сделках с государственным или муниципальным имуществом. В результате значительные объемы государственного или муниципального имущества отчуждались в пользу частных коммерческих структур, в том числе нерезидентов, без последующего исполнения инвестиционных обязательств.

К сожалению, Счетная палата РФ не наделена правом обращения в суд по фактам выявленных нарушений, а согласно международным стандартам деятельности высших органов внешнего финансового контроля в сфере борьбы с мошенничеством и коррупцией аудиторы вообще не имеют права самостоятельно квалифицировать выявленные факты нарушений как преступления. Так, согласно Принципу 28 Руководства АЗОСАИ по борьбе с мошенничеством и коррупцией, термины «мошенничество» или «коррупция» не могут быть использованы в заключительных выводах аудиторской проверки, поскольку такое обвинение может быть выдвинуто только судом. Но для того, чтобы дело дошло до суда, необходимо обеспечить четкое и эффективное взаимодействие правоохранительных органов и Счетной палаты, что до последнего времени составляло определенную проблему. Например, отмечались периоды, когда Генеральная прокуратура Российской Федерации вообще не реагировала должным образом на материалы, направляемые Счетной палатой в ее адрес.

В связи с тем, что современная экономическая преступность все больше приобретает транснациональные черты, чрезвычайно актуальной становится задача создания «единого фронта» правоохранительных органов и высших органов финансового контроля различных государств в борьбе с экономическими преступлениями, в том числе с мошенничеством и коррупцией в сфере приватизации государственной или муниципальной собственности.

Таким образом, с точки зрения законности и целесообразности проведения приватизации можно сделать следующий вывод: приватизация государственного или муниципального имущества в России осуществлялась, в основном, с нарушением закона, при отсутствии эффективной нормативной базы, правовая система была несовершенной, т.к. создавалась довольно спонтанно. Поэтому в общественном мнении по поводу приватизации государственного или муниципального имущества в России сложилась противоречивая ситуация. Так, по данным опроса сотрудников ИСПИ РАН следует, что значительная часть россиян признают политическую и экономическую необходимость проведенной приватизации, считают ее в принципе полезной для общества, но не принимают ее, так как считают методы незаконными, а формы проведения несправедливыми.

Палавинскене Б.

*лектор кафедры уголовного права и криминологии
Университета Миколаса Ромериса (Литва)*

Иванова В.В.

Ректор Учебного центра Союза юристов Москвы, к.ю.н., доцент

Чапурко Т.М.

*профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Кубанского социально-экономического института
к.ю.н., д.полит.н.*

Palavinskene B.

*Lecturer in the Department of Criminal Law and Criminology
ykolas Romeris University (Lithuania)*

Ivanova V.V.

*The Rector of the Training
Center of the Union of Lawyers
Moscow, Ph.D., associate professor*

Chapurko T.M.

*professor of criminal law Kuban social and economic Institute
PhD, doctor of political Sciences*

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ В РОССИИ И ЛИТВЕ

DOMESTIC VIOLENCE: SOME QUESTIONS OF KRIMINOLOGICAL RESEARCH AND PREVENTION IN RUSSIA AND LITHUANIA

Аннотация. Авторы в проводимом исследовании предлагают рассмотреть домашнее насилие с позиций разновидности в зависимости от субъектов насилия, проблемных обстоятельств жизнедеятельности и итоговых последствий. Исследование домашнего насилия в Литве и России показали некоторые возможности его предотвращения.

Annotation. The authors conducted a study to consider the offer home-based violence with a variety of positions, depending on the subjects of violence, distressed circumstances of life and the cumulative effect. The study of domestic violence in Lithuania and Russia have shown some possibilities to prevent it.

Ключевые слова: домашнее насилие, семейное насилие, сексуальное насилие, экономическое насилие, эмоциональное насилие, криминологические исследования, предотвращение, предупреждение.

Keywords: domestic violence, sexual abuse, economic abuse, emotional abuse, criminological research, prevention, prevention.

Домашнее насилие, также семейное или бытовое насилие – это повторяющееся насилие одного партнёра по отношению к другому, находящимся в близких отношениях, и в первую очередь, в браке. Может выражаться в форме физического, психологического, сексуального и экономического насилия и часто сопровождается насилием над детьми и жестоким обращением с животными.

По определению Национального центра по предотвращению насилия «Анна», «семейное насилие – это повторяющийся с увеличением частоты цикл физического, сексуального, словесного, психологического и экономического оскорбления и давления по отношению к своим близким с целью обретения над ними власти и контроля». Домашнее насилие имеет явные гендерные признаки: его жертвами чаще всего становятся женщины.

Общественная терпимость и законодательная наказуемость домашнего насилия различается в разных странах. Почти во всех западных странах и во многих странах бывшего СССР домашнее насилие является отдельным преступлением. В России в настоящее время нет закона о домашнем насилии, хотя соответствующий законопроект обсуждается в Госдуме и Общественной Палате.

Домашнее насилие имеет разновидности:

- физическое насилие включает прямое или косвенное воздействие на жертву с целью причинения физического вреда, выражается в нанесении увечий, тяжких телесных повреждений, побоях, пинках, шлепках, толчках, пощечинах, бросании объектов и т.п. Телесное наказание в семье является одной из форм домашнего насилия. К физическому насилию причисляется уклонение от оказания первой медицинской помощи, депривация сна, лишение возможности отправления жизненно важных функций (например, отказ в душе и туалете), привлечение к использованию алкоголя и наркотиков против желания жертвы. Нанесение физического вреда другим членам семьи и животным с целью психологического воздействия на жертву распознается как косвенная форма физического насилия.

- сексуальное насилие – формы насилия над партнером или детьми, выражающие в волеподавлении другого лица действиями сексуального характера.

- эмоциональное (психологическое) насилие выражается в унижении, оскорблении, контроллинге поведения, изоляции, ограничении круга общения жертвы, «промыывании мозгов», допросе, шантаже, угрозах причинения насилия.

- экономическому насилию характерен контроль над финансовыми и прочими ресурсами семьи, выделение жертве денег на «содержание», вымогательство, принуждение к вымогательству. Сюда также относятся запрет на получение образования и/или трудоустройство, и намеренная растрата финансовых средств семьи с целью создания напряженной обстановки.

Семейное насилие не так заметно, как насилие социальное, и его гораздо труднее выявить и изучить. Государственная статистика почти отсутствует (а если имеется, то не отражает реальной ситуации).

Насилие – в общем смысле – это грубое насилие, физические и эмоциональные страдания, действия с целью заставить жертву страдать и тем самым получить особую власть над ней. Термин «насилие» определяется как «грубое насилие», а также «применением силы, принуждение к чему-либо» [1]. Что касается правового аспекта, то здесь ключевым является определение именно запрещенных законом форм насилия. Правовые нормы, запрещающие насилие, можно найти в конституционных, административных, гражданских и других законодательных актах.

Традиционные формы насилия: физическое, психологическое и сексуальное насилие. Последнее – это покушение не только на жизнь, здоровье, физическую неприкосновенность, но и на личную честь, т.е. сексуальное насилие объединяет в себе черты физического и психологического насилия. Отсюда можно сделать вывод, что сексуальное насилие неотделимо от других его форм, т.е. насилия физического или эмоционального. В Литве только недавно начали говорить о таком насилии, как экономическое насилие. Эта финансовая зависимость от другого лица, которая может выражаться как в отказе обеспечения необходимой финансовой поддержки, так и в запрете, вмешательстве в накопление и хранение чьих-либо финансовых ресурсов, а также в таких преступных действиях, как уничтожение профессиональной жизни и карьеры жертвы. Даже халатность или пренебрежение могут рассматриваться, как одна из форм насилия. Обычно данный термин используется применительно к детям. Это долгосрочный отказ ребенку в удовлетворении его физических и психических потребностей, в результате которого возникает угроза неполноценного развития и функционирования ребенка. Пренебрежение может быть физическим, социальным и эмоциональным. Следует отметить, что пренебрежение также может использоваться в отношении пожилых людей и инвалидов.

Согласно концепции государственной семейной политики в Литве, семьей признаются только супруги и их дети (приемные дети), если таковые имеются [2]. Новый Закон о защите от насилия в ближайшем окружении (2011г.) [3] ввел в обиход новое понятие – «ближайшее окружение». Ближайшее окружение – это окружение, состоящее из лиц, связывающих или в прошлом связывавших супругов, партнерство, своячество и другие близкие отношения, а также отношения лиц, проживающих вместе и ведущих общее домашнее хозяйство. Следует отметить, что насилие в ближайшем окружении приводит к уголовной ответственности. Предположительно, такое введение понятия «ближайшего окружения» является более подробным и поможет обеспечить более эффективную защиту проживающих вместе лиц от насилия в личном пространстве.

В ближайшем окружении насилие, однако, имеет широкие возможности проявления. Например, ситуация, в которой супруг или партнер применяет насилие в отношении женщины, является наиболее распространенной формой насилия в семье. Можно утверждать, что насилие, направленное на женщин, является последствием исторически сложившейся разницы в семейных и общественных отношениях между властолюбивым мужчиной и женщиной. Тем не менее, в такой ситуации страдает не только женщина. Мужчина страдает не меньше, в первую очередь от навязываемых ему стереотипов маскулинности, которые в последнее время особенно поощряются фильмами и книгами, отождествляющими образ мужчины с образом убийцы, насильника, агрессора, и т.д. Более того, наша страна полна примеров массовой культуры, где женщина рассматривается только как сексуальный объект. Сцена угнетения (изнасилования) женщины с демонстрацией изнасилования или сексуального насилия, сексуального порабощения, использования женщин и девочек для удовлетворения похоти и сексуального желания (в числе которых порнография), является фактором, который способствует распространению насилия и негативно влияет на духовную жизнь общества и гендерные отношения. Насилие со стороны женщин распространено в меньшей степени и чаще всего отличается от мужского. Практика показывает, что женщины нередко используют насилие в целях самообороны, т.е. насилие женщин в отношении мужчин вызывает именно мужское насилие в отношении женщин и детей.

Дети, подвергающиеся насилию в семье, являются наиболее уязвимыми, поскольку часто остаются незащищенными. Такой опыт оставляет в душе ребенка глубокие шрамы на всю жизнь. Сильнее всего на возникно-

вание бытового насилия в отношении детей влияют алкоголь и социальная запущенность. Родители совершенно не заботятся о своих детях или заботятся только для того, чтобы получать социальные пособия. Кроме того, ребенок подвергается эмоциональному и сексуальному насилию. Эмоциональное насилие – ситуация, когда ребенок отвергается, принижается, испытывает постоянное унижение и социальную изоляцию, полностью игнорируется, используются вредные методы воспитания детей, и т.д. [4]. Сексуальное насилие является наиболее тяжелой формой насилия над ребенком. Его последствия наиболее болезненны для общего развития ребенка, а в последующем – взрослого. Следует отметить, что в последнее время данное явление очень распространилось.

Статистические данные показывают, что чаще всего дети подвергаются сексуальному насилию со стороны мужчин (90 %) [5].

Насилие над ребенком может вызвать как краткосрочные последствия (нарушения сна, тревожные расстройства (фобии), не характерные для детей данного возраста, очень сексуальная манера поведения, изменения нормального учебного уровня, попытки злоупотребления алкоголем или наркотиками, и т.д.), так и долгосрочные последствия (депрессия, пониженная самооценка и чувство вины, чувство стыда, плохой самоконтроль, и т.д.). Следует отметить, что объем травмы, нанесенной ребенку, прямо пропорционален длительности ее воздействия.

Согласно статистическим данным насилие в отношении мужчин проявляется гораздо реже [5]. Большая часть насилия в отношении мужчин – это психологическое насилие. Особенно часты случаи психологического насилия в семьях, где женщины являются основными кормильцами. Нередко эти женщины издеваются над своими мужьями (сожителями), утверждая, что те ничего из себя не представляют, попрекают их бедностью в детстве, плохо оплачиваемой работой и т.д. В таких семьях у мужчин постепенно развивается комплекс неполноценности, который может спровоцировать обратную агрессию.

Психологическому, эмоциональному насилию подвергается и большинство мужчин старшего возраста. Насилие, направленное на пожилых мужчин и стариков, инициаторами которого часто являются внуки, дети и другие близкие люди, практически не отличается от насилия, направленного на пожилых женщин.

Всемирная организация здравоохранения определяет насилие в отношении пожилых людей как единичное или повторные действия, либо

отказ выполнять определенные действия, вызывающие травмы или страдания пожилого человека [7]. Бытовое насилие в отношении пожилых людей включает насилие со стороны лиц, имеющих родственные связи с жертвой. Институциональное насилие связано с пожилыми людьми, которые живут на попечении или в домах престарелых. Институциональным насилием в отношении пожилых людей считаются действия попечителей (лиц, обеспечивающих помощь и уход) и других лиц, проживающих в домах престарелых и соответствующих учреждениях, причиняющие вред пожилым людям. По сравнению с насилием в семье, институциональное насилие встречается реже. Такая ситуация обусловлена относительно небольшим числом пожилых людей, проживающих в домах престарелых и соответствующих учреждениях, а также отсутствием общих стандартов в сфере опеки и ухода. Наиболее часто институциональное насилие проявляется в виде назначения несоответствующих медикаментов, пренебрежения потребностями обитателей учреждений, использования психотропных наркотиков, и т.д.

Новый Закон Литовской Республики «О защите от насилия в ближайшем окружении» определяет порядок, обеспечивающий личную безопасность жертвы: вменить правонарушителю в обязанность временно съехать с места проживания, где он проживает вместе с жертвой, а также вменить правонарушителю в обязанность не приближаться к жертве, не общаться и не искать связи с ней. Все перечисленное остается в силе до завершения рассмотрения дела, если следственным судьей не назначаются меры пресечения, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом ЛР – содержание под стражей или обязательство жить отдельно от жертвы. Эти меры назначаются по решению следственного судьи не позднее, чем в течение 48 часов. В случае, если правонарушителю вменяется в обязанность временно съехать с места проживания, где он проживает вместе с жертвой, полиция немедленно обеспечивает выселение правонарушителя. Жалобы потерпевших подаются в порядке нечастного обвинения, и полиция проводит досудебное расследование. Полиция уведомляет жертву насилия о возможности получить помощь и, получив ее согласие, сообщает об инциденте в центр специализированной помощи, который, в свою очередь, связывается с жертвой насилия и предлагает комплексную специализированную помощь.

Превентивная стратегия должна действовать на всех возможных уровнях и с привлечением всех, кто занимается данной проблемой. Любая серьезная превентивная стратегия должна быть ориентирована на долго-

срочные личные и социальные изменения. Тем не менее, одна эта стратегия невозможна без краткосрочных мер, т.е. без оказания быстрой и немедленной помощи и поддержки жертвам насилия.

С 2007г. в Литве осуществляет Национальная стратегия по смягчению проблемы насилия в отношении женщин [7], целью которой (на государственном уровне) является последовательное, комплексное и системное сокращение семейного насилия в отношении женщин. Оказанием помощи пострадавшим от насилия в семье женщинам и детям, главным образом, занимаются неправительственные организации. В Литве насчитывается около 60 таких организаций. Также была учреждена ассоциация Кризисный и информационный центр для мужчин, которая в основном работает с мужчинами, совершившими насилие или склонными к нему. Кризисные центры обеспечивают безопасное временное убежище, а также оказывают профессиональную долгосрочную юридическую, психологическую и социальную помощь жертвам насилия в семье и матерям с детьми, помогая им присоединиться к группам самопомощи.

Важное профилактическое направление – сотрудничество между различными учреждениями, занимающимися данной проблемой. Следует создать сеть сотрудничества, которая будет включать многопрофильную группу специалистов для координации услуг. Это позволит избежать дублирования функций и пробелов, лучше понять всю сложность и последствия проблемы, а также оказать помощь и поддержку жертвам семейного насилия.

После вступления в силу нового закона, в течение первого полугодия 2012г. жертвами семейного насилия в Литве были признаны 693 мужчин, 6472 женщин и 625 детей. Подозреваемыми в применении насилия в семье были признаны 6415 мужчин, 272 женщин и 35 детей [9]. Из этого следует, что большинство жертв домашнего насилия – женщины, а большинство злоумышленников – мужчины. В своем анализе имеющихся данных полиция отмечает, что в 2012 г. ежемесячно уменьшалось число вызовов из-за насилия в ближайшем окружении, было начато меньше досудебных расследований. В течение первого месяца 2012 г. полиция получила 3489 вызовов, второго – 2220 вызовов, третьего – 1977 вызовов из-за насилия в ближайшем окружении. В течение первого месяца 2012г. было начато 1176 досудебных расследований, второго – 737 досудебных расследований, третьего – 674 досудебных расследования [8].

За 9 мес. 2012 г. было зарегистрировано на 6,6 проц. этих преступных деяний больше, чем за аналогичный период 2011 г. 5667 преступных деяний, зарегистрированных в течение 9 мес. 2012 г., были связаны с насилием в ближайшем окружении. Учитывая тот факт, что до вступления в силу вышеупомянутого закона для установления большинства преступных деяний, имеющих отношение к насилию в ближайшем окружении, требовалось заявление потерпевшего или его законного представителя, можно предположить, что столь существенный рост зарегистрированной преступности в 2012 г. связан с вступлением в силу нового законодательного акта.

Большинство досудебных расследований было начато по Статье 140 УК ЛР (Причинение физической боли, либо незначительного телесного повреждения) – 4238 случаев (73% от общего количества случаев); по Статье 145 (Угроза убийством либо причинением тяжкого вреда здоровью или терроризирование человека) – 1120 случаев (19,3% от общего количества случаев); по Статье 138 (Причинение вреда здоровью небольшой тяжести) – 412 случая (7,1% от общего количества случаев). За упомянутый период в ходе досудебных расследований в связи с насилием в ближайшем окружении были выявлены: 4833 подозреваемых – мужчины (96%), 183 подозреваемых – женщины (3,7%), 17 подозреваемых – дети (0,3%).

Согласно данным Государственной службы по усыновлению и защите прав ребенка, в 2011г. насилию подверглись 1259 детей (в 2008 г. – 1048, 2009 г. – 1203, 2010 г. – 1249). Согласно данным муниципальных отделов по защите прав детей, в 2011 г. 51% от общего числа случаев насилия составляло физическое насилие; 8% – сексуального насилия в отношении детей.

В 2010-2011 гг. число случаев психологического насилия в отношении детей было соответственно – 42% и 41%. Согласно данным муниципальных отделов по защите прав детей, в 2011г. было зарегистрировано 142 случая насилия над детьми в возрасте 0-3 лет.

В 2011 г. от различных видов преступной деятельности пострадало 3234 ребенка (при этом физическое насилие составило 80% от общего числа преступлений). По возрастным группам они распределяются так: в возрастной группе от 0 до 3 лет в 2010 г. от насилия пострадало 98 детей, в 2011 г. – 113 детей.

В 2011 г. 92,9% детей указанного возраста пострадало от родителей, остальные – от приемных родителей или родственников. Согласно данным муниципальных отделов по защите прав детей, в 2011 г. были зарегистри-

ровано 142 случая насилия в отношении детей в возрасте от 0 до 3 лет (сексуальное насилие – в 3 случаях, психологическое насилие – в 100 случаях, физическое насилие – в 39 случаях).

Вместе с тем, следует отметить, что статистика не отражает истинной ситуации семейного насилия, поскольку такие преступления являются латентными, т.е. они часто скрываются и остаются неучтёнными. Проблема насилия в семье отрицательно влияет на общественное благосостояние и равные возможности для мужчин и женщин, а также наносит экономический ущерб государству.

В мировой практике существуют два основных подхода к проблеме предотвращения домашнего насилия:

- ресторативный, направленный на урегулирование конфликта и сохранение семьи, включающий модерируемые товарищеские суды и принудительные программы медицинской и психологической помощи;
- карательный, направленный на разрушение цикла насилия (англ. *breaking the cycle of violence*) путём расторжения отношений между конфликтующими сторонами. Карательный подход доминирует в большинстве стран с развитой законодательной базой и предусматривает разную меру ответственности за совершенное домашнее насилие.

В законодательствах большинства стран действует специальный закон о предотвращении домашнего насилия. Уровень общественной терпимости к проблеме домашнего насилия варьируется в зависимости от особенностей национальной культуры и степени коррумпированности государственных структур.

В России пока нет отдельного закона о предотвращении домашнего насилия. Два международных документа, применимых на территории РФ – Всеобщая декларация прав человека (1948) и Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1992) – имеют декларативный характер. Российское государство не имеет права вмешиваться в частную жизнь до факта совершения насилия на этапе его предотвращения. Уголовный кодекс РФ (гл.16 ст.105-125 и гл.18, ст.131-135) предусматривает ответственность за умышленные преступления против жизни, здоровья и половой неприкосновенности граждан. Эти нормативные акты направлены не на предупреждение, а на ликвидацию последствий случившегося и начинают действовать после факта совершения насилия [10].

Влияние домашнего насилия на здоровье человека состоит в том, что лица, подвергающиеся или подвергшиеся в прошлом домашнему насилию,

часто страдают от сопутствующих расстройств психики, наиболее распространенными из которых являются синдром приобретенной беспомощности (англ. battered wife syndrome), стокгольмский синдром, синдром Диогена и посттравматическое стрессовое расстройство. У таких людей может наблюдаться повышенная склонность к суициду, расстройству приема пищи, алкоголизму, наркомании, бродяжничеству, патологическому накопительству.

Дети и подростки, ставшие свидетелями домашнего насилия, переживают подходящую гендерную модель поведения и воспроизводят её в следующем поколении [11]. Викарной (вторичной) травматизации подвергаются лица, эмоционально вовлеченные в общение с непосредственными участниками конфликта – друзья, родственники, социальные работники, психологи, врачи, сотрудники МВД, адвокаты, судьи [12].

В качестве последствий насилия можем назвать: кратковременные – физические повреждения, состояние тревоги, страха, состояние депрессии, нарушение сексуальной жизни, у детей боязнь взрослых - при сексуальном насилии – защитное поведение (прячутся, забиваются спиной в угол, не свойственные возрасту знания о сексе, в играх – оттенок секса) и долгосрочные – нежелание повторно создавать семью, ненависть ко всем женщинам, ненависть ко всем мужчинам, короткое будущее – не планирует жизнь, психосоматические заболевания – неврозы, психические заболевания, проявляется через какое-то время зависимость от чужого мнения, нежелание заводить близкие отношения, у детей – нарушение социализации, высокий риск создать такую же семью, высокий риск криминального поведения (80% склонны к преступлениям, 40% – к жестоким), выше риск употребления алкоголя, наркотиков, при сексуальном насилии – риск стать проституткой.

Вместе с тем и общество несет следующие последствия: а) потеря человеческих жизней; б) потеря производительных членов общества (инвалиды); в) высокие затраты государства на реабилитацию пострадавших, судебную систему, проведение следственных мероприятий, лечение пострадавших.

Во многих городах России работают кризисные центры, предоставляющие психологическую и юридическую помощь в ситуации домашнего насилия. Также действует всероссийский телефон доверия для пострадавших от домашнего насилия (8 800 7000 600), но только этим не решить всех указанных проблем.

Литература:

1. Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2000. P. 718.
2. Lietuvos Respublikos Seimo nutarimas „Dėl valstybinės šeimos politikos koncepcijos patvirtinimo“// Valstybės žinios, 2008, Nr. 69-2624.
3. Lietuvos Respublikos apsaugos nuo smurto artimoje aplinkoje įstatymas // Valstybės žinios, 2011, Nr. 72-3475.
4. World Report on Violence against Children (2005) // http://www.violencestudy.org/IMG/pdf/3. World_Report_on_Violence_against_Children.pdf (2013-02-14).
5. Informatikos ir ryšių departamento prie Lietuvos Respublikos vidaus reikalų ministerijos duomenys (2012) // <http://www.stat.gov.lt/lt/pages/view/?id=2218> (2013-02-15)
6. World Health Organization Report on violence and health. Switzerland: World Health Organization (2002) //
7. Valstybinė smurto prieš moteris mažinimo strategija // Valstybės žinios, 2006, Nr. 144-5474.
8. Policijos departamento prie Vidaus reikalų ministerijos duomenys susiję su smurtu artimoje aplinkoje// <http://www.bukstipri.lt/lt/statistika> (2013-02-15)
9. Zaksaitė S. Smurtas artimoje aplinkoje (2012) <http://www.teise.org/data/2012-12-10-Zaksaite.pdf> (2013-02-15)
10. Макеева М. Законодательная база, регулирующая вопросы домашнего насилия. Агентство социальной информации (7 января 2003).
11. Jamie M. Ostrov, Stephanie A. Godlesky Toward an Integrated Gender-Linked Model of Aggression Subtypes in Early and Middle Childhood. Psychological Review (2010, Vol.117, No.1, pp.233-242).
12. Мотов В.В. Обзор журнала Американской академии психиатрии и права, 2009. Независимая психиатрическая ассоциация России, ISSN: 1028-8554, N2, III, 2009, С.63-64.

Паршина И.А.

*доцент кафедры криминологии
Краснодарского университета МВД России*

Машлыкина О.В.

аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы

Parshina I.A.

*Associate Professor, Department of Criminology
Russian Ministry of Internal Affairs of the University of Krasnodar*

Mashlykina O.V.

graduate of the North-Caucasian Academy state Service

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ НЕЗАКОННУЮ
ДОБЫЧУ (ВЫЛОВ) БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В РОССИИ**

**FEATURES MODERN IDENTITY OF THE OFFENDER, THE ILLICIT
HARVEST (CATCH) BIOLOGICAL RESOURCES IN RUSSIA**

Аннотация. Авторами предлагаются вопросы оценки особенностей лиц, совершающих правонарушения и преступления, связанные с осуществлением незаконной добычи биологических ресурсов.

Annotation. The authors suggested questions assess characteristics of perpetrators of crimes and offenses related to the implementation of illegal extraction of biological resources.

Ключевые слова: личность правонарушителя, биологические ресурсы Российской Федерации, незаконные добыча и вылов.

Keywords: identity of the offender, the biological resources of the Russian Federation, illegal mining and fishing.

Криминологическая характеристика преступности в целом и отдельных ее преступных проявлений неизменно связана с изучением личности преступника и тех ее особенностях, которые соответствуют совершаемым преступлениям. Поэтому при криминологической характеристике преступлений, связанных с незаконной добычей рыбных ресурсов, также невозможно обойти стороной вопрос об изучении личности преступника, совершающего данные деяния, так как личность отражает не только специфическую направленность доступности и способности совершения данных преступлений, но и содержит в себе комплекс определенных причин совершения указанных преступлений. Так, совокупность всех социальных свойств и качеств личности, так называемого браконьера весьма специфична. Однако эта характеристика имеет важное криминологическое зна-

чение и должна учитываться при решении вопроса об уголовной ответственности и индивидуализации наказания.

Криминологическая характеристика лиц, совершивших незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов, весьма сложна, так как личность участника данных преступлений индивидуальна и неповторима. Данные преступления, имея определенную специфику совершения и условий их совершения, выполняются или могут выполняться лицами с абсолютно противоположными качественными характеристиками. Так, субъекты, совершающие незаконную добычу (вылов) рыбы и иных водных биологических ресурсов, различны по возрасту, образовательному уровню, материальным условиям, роду занятий, социальному положению, интеллекту, волевым свойствам, потребностям и по ряду других особенностей.

Проведенное нами выборочное криминологическое исследование, а также анализ имеющихся статистических данных, позволяет утверждать, что подавляющее большинство лиц, совершающих «браконьерство», составляют мужчины (99,52%). На наш взгляд, это явление можно объяснить именно спецификой преступления. Для совершения незаконной добычи (вылова) рыбы и иных водных биологических ресурсов, прежде всего, необходимо обладать хорошей физической силой, определенными знаниями, способностями, навыками и умениями, а также пользоваться теми специальными техническими усовершенствованиями, без которых совершить данные преступленные действия невозможно.

Проведение анализа возрастной характеристики преступников, совершающих незаконную добычу (вылов) рыбы и иных водных биологических ресурсов, позволяет нам сделать вывод о криминогенной активности среднего возраста населения, когда на первом месте находятся лица от 30 до 39 лет – 32,06%, на втором от 40 до 49 лет – 22,97%, на третьем от 25 до 29 лет – 19,62%, на четвертом от 18 до 24 лет – 15,31%. Такое распределение субъектов объясняется спецификой возрастного состава, когда возраст влияет на поведение людей, определяет их потребности, ценностные ориентации, взгляды и образ жизни. Для лиц молодого возраста более характерны преступления связанные с эмоциями: агрессивного и импульсивного характера, а с возрастом у человека изменяются социальные роли и статусы, установки, интересы, привычки, потребности и способы удовлетворения этих потребностей, которые в комплексном варианте весьма серьезно влияют на выбор как правопослушного поведения, так и выбор правонарушающего.

На формирование личности, ее круг интересов, выбор способов реализации жизненных потребностей и целей оказывает огромное влияние образование. Как известно, образовательный уровень различных преступных групп неодинаков и зависит от характера совершаемых преступлений. Результаты проведенного нами исследования дают основание утверждать, что образовательный уровень лиц, совершающих незаконную добычу (вылов) рыбы и иных водных биологических ресурсов невысокий: среднее (полное) общее – 37,32%; начальное профессиональное – 27,27%; неполное среднее – 17,23%; среднее профессиональное – 13,88%.

Объяснить это можно тем, что для совершения рассматриваемого нами преступления не обязательны те познания, которые граждане получают в учебных заведениях. Все знания, способы их реализации, навыки и накопление опыта, применяемые браконьерами, можно перенять в практической жизни, а также на практике у старшего поколения, давно и постоянно занимающими данными деяниями.

В результате проведенного нами исследования получены данные о социальном положении и роде занятий лиц, совершающих незаконную добычу (вылов) рыбы и иных водных биологических ресурсов, когда характеристика браконьеров выглядит следующим образом: 1) лица без постоянного источника дохода – 61,72%; 2) рабочие (в том числе сельского хозяйства) – 32,54%; 3) безработные – 3,35%; 4) служащие – 1,43%; 5) предприниматели – 0,48%; 6) студенты – 0,48%.

Из полученных данных видно, что доминирующее число лиц, совершающих незаконную добычу (вылов) рыбы и иных водных биологических ресурсов, составляют лица без постоянного источника дохода, так как быстрый и сравнительно легкий источник заработка при минимальных денежных вложениях может объяснить их желание совершать данные преступления.

Большинство лиц, совершающих незаконную добычу (вылов) рыбы и иных водных биологических ресурсов, являются жителями данной местности – 84,69% лиц, а также жители других местностей составляют – 15,31%.

Проведенное нами выборочное криминологическое исследование и обобщение статистических данных свидетельствуют о том, что среди лиц, совершающих незаконную добычу (вылов) рыбы и иных водных биологических ресурсов, встречаются и граждане СНГ – 3,62% и граждане иных государств – 2,29%.

В результате исследования также установлено, что среди лиц, осужденных за рыбное браконьерство, встречаются лица, у которых судимость не снята и не погашена (3,28%); а также браконьеры имели не снятые и не погашенные судимости: за особо тяжкие преступления – 4,35% лиц, за тяжкие преступления – 52,17%, за преступления средней тяжести – 21,74% лиц, за преступления небольшой тяжести – 21,74%.

Браконьеры совершают данные деяния чаще всего по корыстным мотивам, а также из-за желания сравнительно быстро и много заработать. Однако еще такие обстоятельства характеризуют лиц данной категории, на наш взгляд, как весьма пренебрежительное отношение к закону, безразличие к судьбе природы, рыбным и биологическим запасам и их состоянию, а также игнорированием общественных экологических интересов.

В связи с выше изложенным, считаем, что современной особенностью лиц, совершающих незаконную добычу (вылов) рыбы и иных водных биологических ресурсов, является наличие криминального профессионализма:

1) профессиональный преступник получает от незаконной добычи (вылова) рыбы и иных водных биологических ресурсов определенный доход, и причем эта деятельность носит постоянный и единственный способ зарабатывания денег;

2) требует определенных знаний и навыков для достижения конечной цели (например, лицо может управлять самоходным транспортным плавающим средством, умеет ориентироваться в море, может использовать способы и орудия для незаконной добычи (вылова) рыбы и иных водных биологических ресурсов: ставные сети, трал, неводы и волокуши, крючковые самоловные снасти, леску с петлями, речные плавные сети, экраны, вентерь, электрический ток, аханы и т.д.);

3) обуславливает определенные контакты с антиобщественной средой (например, необходимо наладить каналы сбыта рыбы, пойманной незаконным путем, и т.д.);

4) определяет устойчивый вид преступного занятия (совершение преимущественно однородных преступлений), в данном случае предусмотренных ст. 256 УК РФ.

Одной из особенностей профессиональной преступности в современной России является процесс ее взаимопроникновения с организованной преступностью. Браконьерство превратилось в огромный бизнес со своими заводами, выходами на границу, коррумпированными связями.

Здесь стали формироваться организованные преступные группы с хорошим оснащением, вооружением и распределением ролей. В связи с этим можно говорить о дальнейшем углублении взаимосвязи профессиональной и организованной преступности. Незаконная добыча (вылов) рыбы и иных водных биологических ресурсов в таких масштабах, прежде всего, влияет на экологическую безопасность нашей страны и лишает государственный бюджет значительной части доходов.

Подводя итог вышеизложенному, мы можем отметить, что приведенные нами данные говорят о том, насколько разнообразна криминологическая характеристика лиц, совершающих незаконную добычу (вылов) рыбы и иных водных биологических ресурсов. Показатели исследования личностей браконьеров свидетельствуют о том, что данные преступления совершают люди с негативно сформировавшимися ценностями, установками, взглядами, ориентирующиеся сознательно на выбор преступного поведения. Современной особенностью лиц, совершающих незаконную добычу (вылов) рыбы и иных водных биологических ресурсов, является наличие криминального профессионализма.

Литература:

1. Гуров А.И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. – М., 1990. С. 41.

Рамазанова Е.П.

директор объединения «Луганскшахты» Луганск, Украина

Ramazanova E.P.

Director of the Association "Luganskshahty" Lugansk, Ukraine

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРИВАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS PRIVATIZATSII RUSSIAN INTERNATIONAL LAW

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы незаконной приватизации как фактора, способствующего совершению экономической преступности, раскрыт причинный комплекс проблем незаконной приватизации Украины.

Annotation. In the article the most significant lacks of legal and organizational maintenance of privatization of the state property and its negative consequences are considered.

Ключевые слова: приватизация Украины, государственное имущество, правовая база, экономическая преступность, причины и условия

Keywords: privatization, in Ukraine the state property, legal base, economic crimes, reasons and conditions.

Проблема причин и условий преступления вообще является одной из центральных в криминологической науке. Одни ученые под причинами и условиями имеют в виду какие-либо негативные обстоятельства социальной жизни [1, с.1-3]. Другие криминологи (их меньшинство) к причинам преступлений относили буржуазные индивидуалистские традиции, привычки, интересы и мотивы, где первичным элементом выступает мотивация преступлений [2, с.14-16]. Некоторые авторы считают, что преступление – это результат сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов, которые, однако, трактуются как причина преступлений. Значительное развитие получила концепция, согласно которой причины преступности заключаются во взаимодействии негативных объективных и субъективных процессов в обществе (Кудрявцев В.Н., Долгова А.И.) [3, с.10-12]. Так Кудрявцев В.Н. обращал внимание на то, что в криминологических исследованиях нередко признают причинами преступлений те социальные явления, которые заранее имеют негативный характер. Причем «само признание данного явления негативным является, как правило, итогом ретроспективных оценок, в результате которых создается «порочный круг» в аргументации: например, установлена корреляция между недостаточно высоким уровнем образования и преступностью несовершеннолетних, поэтому отсутствие высшего или среднего образования является негативным (с криминологической точки зрения) явлением, то есть недостатком. Следовательно, это и является причиной преступности. Но последующие исследования, следует отметить, по большей части разрушают такой упрощенный подход к пониманию [4, с.16-17].

Н. Лейкина считает: «К внешним причинам совершения преступления принадлежат неблагоприятные условия морального формирования личности преступника, а также те условия ситуации, которые вызывали намерение и объективную возможность в данный момент совершить преступление. Внутренние причины заключаются в социально-негативных взглядах, интересах, отношениях, которые обусловили совершение общественно опасного деяния». [5, с.14-15]. В свое время Ф. Энгельс отмечал, что все побудительные силы, вызывающие действия человека, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждение воли [6, с.20-21]. Причина – это то, вызывает, порождает конкретное преступле-

ние, без чего невозможно его совершение. Но причина порождает определенное следствие только в определенных условиях и при наличии определенных обстоятельств, факторов.

Применительно к такому виду преступности, как экономическая, которая все больше и больше заявляет о себе, становясь распространенным и надежно скрываемым источником обогащения, одним из основных факторов является отсутствие единой нормативно-правовой базы, обеспечивающей ответственность за данную категорию преступлений. Так же к основным причинам условиям роста и устойчивости преступности можно отнести несбалансированность и расшатанность экономики, снижение темпов производительности труда, рост безработицы, несвоевременные выплаты заработной платы, и как следствие – снижение уровня жизни населения. Негативные последствия влечет за собой неточное и не всегда эффективное прогнозирование принимаемых государственными органами решений.

Проблема экономической безопасности впервые была осознана в начале 30-х годов двадцатого века в США, в период Великой депрессии, здесь она получила свое теоретическое обоснование и со свойственной американцам прагматичностью реализована на практике. Эта проблема важна всегда, но особый смысл она приобретает в период кризиса, когда угроза экономике, а возможно, и иным сферам деятельности государства, усиливается. Именно такого рода угрозы несут в себе действующие и в настоящее время схемы приватизации, которые ведут к сокращению социальной базы реформ и тем самым ставят под сомнение весь смысл происходящих преобразований. И именно проблема приватизации в контексте обеспечения экономической безопасности крайне актуальна для Украины.

Следует отметить, что проблема экономической преступности, экономической безопасности является отдельной и конкретной для каждого государства. Но есть и общие положения, такие как перечень угроз экономической безопасности, меры, направленные на предупреждение и устранение данного вида преступности. Что касается Украины, то здесь отсутствует единый орган, ведомство, которое отвечало бы за обеспечение национальной безопасности и его важнейшей составной части – экономической безопасности [1, с.13-15]. Были попытки создания подобных учреждений: Комитет по защите экономических интересов Украины, рабочая группа по экономической безопасности при правительстве и другие аналогичные структуры. Но проблема в том, что ни одна из них не обладала сколько-нибудь значительным авторитетом. В настоящее время эта работа

возложена на органы исполнительной власти, контроль которой поручен Совету национальной безопасности и обороны Украины, в составе которого действует Управление экономической безопасности.

Не способствует улучшению обстановки и правовой нигилизм, охвативший органы государственной власти, а так же ухудшение исполнительской и трудовой дисциплины, подбор, расстановка и воспитание кадров, несовершенство и несоответствие законодательной и нормативно-правовой базы относительно быстро меняющихся условий жизни, а в связи с этим упущения и просчеты в деятельности правоохранительных органов.

Как уже было сказано, не последним фактором в появлении целого ряда экономических преступлений явилось также тяжелое материальное положение, в котором оказалось большинство граждан. Как следствие экономической неустроенности стала формироваться криминальная идеология с лозунгом "богатство любым путем". Все это не могло не вызвать многообразия криминальных форм деятельности определенной категории лиц, использующих сложившуюся обстановку в своих целях. Все более квалифицированными становятся способы уклонения от налогов, извлечения незаконных доходов в банковской системе, развивается подпольное предпринимательство, базирующееся на незаконной деятельности, осваивается компьютерная техника в преступных целях.

При огромном разнообразии видов экономических преступлений, каждое из них имеет различные причины для их совершения, возникновения преступного умысла, мотивации преступного действия. Тем самым, к основным социальным, экономическим и социально-психологическим явлениям и процессам, выступающим в качестве причин и условий ухудшения показателей экономической преступности, можно отнести:

- развивающийся негативный процесс, выражающийся в кризисе системы существовавших на протяжении многих лет ценностей, базовых моделей экономического и правового поведения, невозможности достижения подавляющим большинством населения страны официально декларируемых «новых» ценностей легальным путем;

- выраженная криминальная зараженность экономически наиболее активных (высокодоходных) слоев населения (в России их называют «новые русские»). Так, например, 40% опрошенных Институтом прикладной политики новых миллионеров признались, что раньше занимались нелегальным бизнесом; 22,5% в прошлом привлекались к уголовной ответственности; каждый четвертый и сейчас имеет связь с криминальной средой;

- отсутствие сложившейся этики бизнеса; чрезвычайно широкое заимствование относительно широким кругом предпринимателей элементов криминальной субкультуры (ценности, взгляды, модели поведения в экстремальных ситуациях);

- крайне негативные изменения в социальной структуре общества, это и существенная разница в доходах наиболее богатых и бедных граждан, и заметное снижение трудовой мотивации значительной части населения.

- отказ от традиционных «трудовых» ценностей (высокий уровень квалификации, профессионализм, заинтересованность в конечных результатах труда, качестве производимых товаров и оказываемых услуг и др.) [1, с.14-15].

Так же, к причинам и условиям, влияющим на ухудшение показателей экономической преступности, следует отнести очень низкую правовую культуру населения, незнание своих прав в условиях проведения приватизации, и это обстоятельство предоставляет широкий простор для совершения различных злоупотреблений, правонарушений и преступлений.

В значительной мере способствует этому и сложный механизм приватизации. Объективно приватизация является самым эффективным средством пополнения бюджета, и одновременно – обеспечения эффективного управления отчужденными предприятиями. Но приватизация государственных предприятий большинства отраслей не принесла желаемой пользы ни бюджету государства, ни отдельным отраслям экономики страны, ни народу, ни отдельным гражданам, а наоборот, способствовала криминализации процесса изменения форм собственности и активности преступных группировок в этой сфере, которая приобрела в Украине откровенную открытость и угрожающий характер. Как показали результаты, в Украине был реализован неэффективный вариант отчуждения государственной собственности, когда экономические и другие интересы государства, народа не были учтены, что, в конечном итоге, привело к развалу экономики, экономическому упадку государства и снижению уровня жизни населения. Этому также способствовала проводимая в государстве в течение 1992-1995 г. инфляционная политика. В результате граждане Украины потеряли сбережения, которые могли быть использованы в приватизационных целях.

Выдвинутая в начале приватизационных процессов идея превратить в собственников все население Украины в условиях его эко-

номической неподготовленности под лозунгом социальной справедливости была нереальной, необоснованной, неэффективной и нецелесообразной в своей основе. Но другого способа трансформации собственности на то время в Украине не было найдено или предложено.

Научно-исследовательским институтом изучения проблем преступности Академии правовых наук Украины в рамках исследования по теме «Предупреждение причин и условий, которые способствуют хищениям, злоупотреблениям и иным преступным проявлениям в сфере приватизации государственного имущества в Украине» был проведен опрос населения. По данным исследования, в процессе приватизации анкетированные столкнулись с такими основными трудностями: бюрократизм, сложности с получением приватизационного сертификата; плохая организация процесса приватизации, слишком затянутый процесс оформления документов; трудности при вложении приватизационного сертификата; некомпетентность лиц, оформляющих приватизационные документы; недостаток информации; высокая цена государственного акта на приватизацию земельного участка; недоступность и несовершенство законодательства по приватизации; нарушение Закона «О приватизации государственного имущества». Таким образом, можно сделать вывод, что государственные органы, которые должны всесторонне способствовать этому процессу, наоборот, тормозят его и создают значительные сложности при реализации своих прав населением.

А мнение, которое усиленно тиражируется в средствах массовой информации, о взяточничестве в процессе приватизации по результатам опроса своего подтверждения не нашло. На вопрос «Было ли вымогательство взяток?» 17 человек (6%) ответили утвердительно, 281 человек (94%) не сталкивалось с вымогательством. Взятки вымогали работники домоуправления, ЖЭКа, фонда государственного имущества, бюро технической инвентаризации, органов местного самоуправления.

Так же, отвечая на вопрос анкеты: «Какие преступления и правонарушения, на Ваш взгляд, наиболее распространены в процессе осуществления приватизации», респонденты назвали такие преступления и правонарушения: хищения – 12 человек (4% опрошенных); взяточничество – 102 человек (34%); вымогательство – 14 человек (5%); подделка документов – 15 человек (5%); иное – 102 человека (34%); на этот вопрос не ответили 55 человек (18%).

Иными преступлениями и правонарушениями, встречающимися в процессе приватизации, опрошенные лица назвали следующие: занижение и завышение реальной стоимости объектов приватизации; злоупотребление властью, служебным положением; коррупция [1, с.18-20]; отмыwanie «грязных» денег; мошенничество, махинации с приватизационными сертификатами, обман и лишение юридически неграмотных граждан их прав в процессе приватизации; участие в приватизации «мертвых душ»; внесение в льготные списки лиц, на которые эти льготы не распространяются; нарушение порядка проведения аукционов, торгов, конкурсов; скупка акций по заниженной стоимости за наличный расчет; волокита, нарушение сроков приватизации; невыплата дивидендов; незаконная приватизация.

Из этих ответов можно сделать вывод, что реальное положение с преступностью в процессе приватизации, с которым столкнулись опрашиваемые лица, и ее прогностическая оценка со стороны населения значительно расходятся. На наш взгляд, это обусловлено, в первую очередь, социально-психологическим отношением населения к реальным процессам, которые происходят при приватизации, и его личной отчужденностью от них.

Определенная часть населения считает, что приватизацию необходимо вообще отменить, так как для широких слоев населения она ничего не дала [2, с.19-25].

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что главными факторами, которые способствуют активной деятельности преступных структур в процессе приватизации и совершению корыстных преступлений в этой сфере, есть причины социально-экономического, организационно-управленческого и нормативно-правового характера.

К причинам, которые наиболее часто выступают как недостатки в организации процесса приватизации и управления, относятся: отсутствие четкой системы контроля со стороны Фонда государственного имущества Украины и его региональных отделений за ходом приватизации, за целевым использованием средств от приватизации. Игнорируются позиции и точка зрения не только отраслевых министерств при решении вопроса о целесообразности разгосударствления того или иного предприятия, но и Кабинета Министров Украины. Осложнен контроль работников Фонда государственного имущества Украины и его региональных отделений за проведением инвентаризации основных и оборотных фондов, за достоверностью материалов по оценке имущества и активов государственных

предприятий, которые приватизируются. Пассивна роль Кабинета Министров Украины, Фонда государственного имущества Украины и его региональных отделений в осуществлении контроля при приватизации объектов на конкурсной основе. Пользуясь этим, члены организованных преступных группировок используют коррумпированные связи для проведения приватизации предприятий таким способом, который обеспечил бы им низкую цену за объекты приватизации и невнесение ими в установленные сроки инвестиционных средств в денежной форме. Немало победителей приватизационных конкурсов отказывается выполнять взятые на себе инвестиционные обязательства. Распространены и нарушения правил обращения приватизационных имущественных сертификатов. Доверительные общества в работе с приватизационными бумагами получают имущественные сертификаты в большем количестве, чем это разрешено лицензиями, а предпринимательские структуры совершают финансовые операции с имущественными сертификатами, не имея на это соответствующего разрешения. [1,с.14-15]

Изучение материалов проверок правоохранительных и контролирующих органов законности проведения приватизации свидетельствуют о несовершенстве действующих законодательных и ведомственных нормативно-правовых актов. Эти обстоятельства порождают абсолютную безответственность должностных лиц за ущерб, причиненный государству. Так, специальная контрольная комиссия Верховной Рады Украины по вопросам приватизации сделала следующий вывод: «либо приватизация в последние 5 лет проходила без криминала, либо правоохранительные органы оказались неспособными привлечь виновных к ответственности».

Согласно сообщениям Верховного Суда Украины, за последние пять лет по статье 234 Уголовного кодекса (незаконные действия относительно приватизационных бумаг) не осужден ни один человек. По статье 233 (незаконная приватизация государственного и коммунального имущества) – 15 человек. По статье 235 (несоблюдение обязательных условий относительно приватизации и использования государственного и коммунального имущества) – 13 человек [2, с.35-37].

Генеральная прокуратура Украины показывает совсем другую картину. По ее данным, за последние 5 лет в сфере приватизации возбуждено 2400 уголовных дел, из которых в суды направлено 1413 дел. К ответственности привлечено свыше 2000 должностных лиц. Возмещено 42,5 млн. гривен, в том числе 23,2 млн. гривен в бюджет. У Министерства внутрен-

них дел достижения гораздо скромнее. Речь идет только о 286 возбужденных делах.

Это обстоятельство обусловлено тем, что Генеральная прокуратура Украины и Министерство внутренних дел не информируют комиссию о конкретных составах преступлений, то непонятно, речь идет только о преступлениях, предусмотренных статьями 233, 234, 235 Уголовного кодекса Украины, или же сюда включены и дела по другим, но связанным с приватизацией преступлениям: мошенничеству, преступлениям, связанным с банкротством и другим.

Помимо этого, к сожалению, на современном этапе законодательства, которое регулирует приватизацию, остается по своим принципиальным положениям на уровне начального этапа. Процесс законотворчества относительно законодательного обеспечения этой сферы идет медленно, действующая законодательная база противоречива, а по большинству важнейших аспектов совсем отсутствует. В результате несовершенства законов, ведомственных нормативных актов конкурентные способы приватизации не способствуют приросту конечной цены продажи объектов государственной собственности и, соответственно, увеличению поступлений в бюджет. Более того, это приводит к открытому разбазариванию государственного имущества.

Неразумная приватизационная политика безденежной и денежной приватизации породила монстра в виде криминальной политической олигархии. И эта олигархия в условиях отсутствия в большинстве нормативных актов четкой регламентации действий должностных лиц, в частности, а также неопределенности их ответственности за действия, которые противоречат требованиям законодательства, приводит к нигилистическому отношению государственных служащих и должностных лиц к выполнению законодательных актов и к использованию ими своего служебного положения в корыстных целях.

Преступления в сфере экономической деятельности, и конкретно, в сфере приватизации, продолжают оставаться очень распространенными, и как следствие, требуют принятия дополнительных мер по их предупреждению. И это обусловлено тем, что экономическая преступность возросла не только количественно, но и приобретает новое качество. Данный факт обусловлен комплексом причин, характерным для Украины, как страны в целом, ее территориальными, экономическими, национальными, социальными и политическими факторами. Она все более становится преступно-

стью, использующей экономические и организационные закономерности в целях извлечения незаконных доходов за счет интересов граждан и государства.

Политические интересы оказались более весомыми, чем экономические и социальные результаты. Таким образом, главным политическим результатом трансформации собственности в Украине стала замена общественно-политического строя в государстве, «присвоение» государственной собственности «национальной элитой» и ее окружением. Главный экономический результат – системный кризис, общий упадок национальной экономики, развитие теневой экономики, коррупции.

Таким образом, создавшаяся криминогенная обстановка явилась благодатной почвой для злоупотреблений в приватизации, прежде все разворывания государственного и коллективного имущества, взяточничества, нарушений правил валютных операций и т.п.

Помимо этого, далеко не последнюю и довольно существенную роль в криминализации данных процессов сыграли недостатки в правоприменительной практике. Так как, хотя и законы, регулирующие приватизационные процессы, и были приняты, они отличались несовершенством и имели значительные пробелы.

Приватизация начиналась в условиях крайне неблагоприятной и ухудшающейся криминогенной обстановки. Ситуация осложнилась существованием развитой теневой экономики, усиливающимся влиянием организованной преступности. Все эти факторы исказили многие рациональные идеи разработчиков теории приватизации в Украине, создали ее мощную коррупционную основу. В период подготовки к приватизации предприятий, коррумпированные должностные лица проводили незаконное списание основных и оборотных средств, ценного оборудования. В результате стоимость приватизируемого имущества многократно занижалась, что привело на сегодняшний день к убыткам, недопоступлениям в государственный бюджет, которые трудно подсчитать.

В ходе приватизации происходила и происходит легализация – «отмывание» теневых капиталов. Коммерческие структуры, которые контролируются организованными преступными группировками, скупают предприятия торговли и услуг, пытаются овладеть контрольными пакетами акций больших предприятий. Таким образом формировалась сеть криминально ориентированных фирм теневой экономики. Существовавшая система по-

лучения гражданами сертификатов, ее бесконтрольность создали условия для многочисленных случаев хищений сертификатов работниками Сбербанка путем оформления их на умерших или пожилых людей, дальнейшей перепродажи заинтересованным лицам. Увеличилось количество преступлений, связанных с арендой государственного и коммунального имущества, а также с оборотом приватизационных бумаг. Переход процесса приватизации в более сложную стадию денежной приватизации больших промышленных предприятий усложнил криминогенную ситуацию при разгосударствлении собственности.

Тем самым, мы можем отметить, что на преступления в сфере приватизации государственного коммунального имущества, как одной из разновидностей экономической преступности, оказал влияние целый ряд факторов: это и недостаточно активная работа правоохранительных органов, и иные факторы организационного, социально-экономического, политического, нормативно-правового характера.

Литература:

1. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. – М., 1985. – С. 212-213
2. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. – М., 1984. – С. 56.
3. Долгова А.И. Взаимодействие и причинность в криминологии. // кн.: Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1981 г.
4. Криминология. Учебник. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. М. 1995 г.
5. Лейкина Н.С. Причины конкретного преступления и личность преступника в аспекте индивидуализации наказания // Преступность и её предупреждение. – Л., 1971. – С. 127;
6. Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т.21, с. 307, 308, 310
7. Шутов М.И. Приватизация: Украинский Армагеддон. – Одесса: Юр. Литература, 2005.-148с.
8. <http://meta-ukraine.com/>
9. http://warp.ru/titles/society/dn_kirichenko20_10.html
10. Рамазанова Э. А. Коррупция при проведении приватизации: из опыта Украины в Российской Федерации // Актуальные проблемы противодействия коррупции. – Краснодар, 2006, с. 69-78.
11. А.Г. Кальман, И.А. Христич, ВЕСЫ ФЕМИДЫ, № 2 (14) , 2000 г.

Сафронов Д.А.

адъюнкт Краснодарского университета МВД России

Safronov D.A.

associate Krasnodar Russian Ministry of Internal Affairs of the University

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ И ПРОБЛЕМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

BY THE CRIMINALIZATION IN RUSSIA AND THE ISSUE OF COMBATING

Аннотация. Автором прослеживаются некоторые условия и особенности формирования, так называемой, теневой экономики, а также ее непосредственно криминализации с позиций доступности государственных чиновников.

Annotation. The author traces some of the conditions and characteristics of the formation of so-called informal economy, as well as her criminalization directly from the position of availability of public officials.

Ключевые слова: криминальная экономика, преступления экономического характера, экономическая преступность.

Keywords: criminal economy, economic crime, economic crime.

В последнее время стали популярны различные издания, посвященные выживанию: при кораблекрушении, в пустыне, в городской среде и пр. В то же время вопросы выживания и эффективной работы фирмы в реально существующих условиях российской экономики практически оставались без внимания. Между тем игнорирование этих условий для руководства фирмы, для участников бизнеса может привести к последствиям худшим, нежели потоп и пожар вместе взятые.

Так, в понятие криминальной экономики включаются деяния, совершаемые в экономической сфере, подпадающие под определенные статьи уголовного законодательства, то есть экономические правонарушения и преступления. Сюда же можно отнести организованную преступность, коррупцию и лоббирование выгодных преступному миру законопроектов.

Такое толкование политико-правового регулирования приводит к тому, что в один котел сваливаются несопоставимые по масштабам нарушения законов, например, они объединяют старушек, торгующих у метро укропом, и многомиллиардные хищения государственного имущества.

Так, по методологии, предложенной еще в конце 80-х годов XX-го столетия Т. Корягиной, есть общее понятие – «теневая экономика», которая включает три следующих самостоятельных момента:

- неофициальная экономика – легальные виды экономической деятельности, в рамках которых имеет место не фиксируемое официальной статистикой производство товаров и услуг, а также сокрытие этой деятельности от налогов;

- подпольная экономика – все запрещенные законом виды экономической деятельности; – фиктивная экономика – приписки, спекулятивные сделки, взяточничества и всякого рода мошенничества, связанные с получением и передачей денег; сюда сегодня мы должны отнести и деятельность, направленную на получение необоснованных выгод и льгот субъектами хозяйствования, сумевшими добыть их на основе организованных коррупционных связей [1].

Как справедливо отмечается в ряде работ российских юристов, волна преступности захлестнула страну еще до официального отказа руководства от социалистической идеи, а именно, в конце 80-х – начале 90-х годов, когда разрушились органы прежнего контроля, началось растаскивание «бесхозной» государственной и общественной собственности, стал разваливаться Союз со всей системой контроля.

За демократию тогда принималась псевдодемократическая демагогия (право выше закона, личные интересы выше общественных, суд и прокуратура не должны бороться с преступностью и т.д.), из правоохранительных органов и судов (одной из основных мишеней справедливой и несправедливой критики) начали уходить профессионалы. Именно происходящие в жизни страны изменения, связанные, прежде всего, с формированием рыночных отношений, сказались на состоянии преступности, вызвав ее рост, прежде всего, в сфере экономики. Появились новые виды правонарушений: ложное банкротство, хищение денежных средств в банковской сфере, массовое сокрытие доходов от налогообложения, отмывание капиталов с использованием зарубежных банковско-кредитных учреждений, нарушение валютного законодательства и т.д.

Ученые и практики, пытающиеся объяснить феномен бурного роста экономической преступности, объясняют это явление целым рядом следующих факторов, среди которых: – обвальный характер экономических преобразований, происходящих в нашей стране, когда старые нормативные порядки не выдерживают напора перемен и начинают «разлезаться по

швам»; – медленное и крайне непоследовательное формирование новой рыночной системы; – характер социально-экономической сферы, предполагающий, что криминальное экономическое поведение субъектов хозяйствования становится условием их существования и функционирования в обществе; – удручающее состояние российского законодательства, делающее принципиально невозможным выяснение, где тот или иной экономический процесс идет на законной, где на незаконной, а где на «полузаконной» или «неофициальной» основе (при принятии необходимых для наведения порядка законов наблюдается мощное лоббирование со стороны заинтересованных групп: так, уже трижды после принятия парламентом Закон «О борьбе с коррупцией» отправлялся на доработку); – управляемое разрушение прежнего тотального контроля за преступностью без создания новых форм соответствующего демократического социального контроля.

При анализе причин крайне негативной динамики экономических преступлений в стране необоснованно редко обращают внимание на специфику складывающихся распределительных отношений, порождающих у широчайших слоев общества заинтересованность в развитии теневой экономики, которая служит средой экономической преступности, а также на особенности формирующихся механизмов распределения ресурсов и власти.

Российская Федерация – страна огромных материальных возможностей, в которой сегодня идет величайшая в истории распродажа всего.

Дележ огромного «государственного пирога» вызывает многочисленные столкновения между отдельными социальными слоями и институтами, толкая их на противоправные действия. На официальном уровне наблюдается тенденция к затушевыванию реальной картины распределения национального богатства и к сознательному искажению показателей, характеризующих процесс приватизации, в интересах отдельных ведомств и социальных слоев.

С начала трансформаторских преобразований коренным образом изменились характер, масштабы фиктивной экономики и механизмы ее функционирования. И это не случайно, поскольку роль распределительных отношений в российской экономике резко возросла, а участие в распределении и перераспределении национального богатства и государственного бюджета обеспечивает значительно большие экономические выгоды субъектам хозяйствования, чем любая другая хозяйственная деятельность.

В результате участники экономической деятельности все больше средств и усилий направляют на то, чтобы влиять на распределительные процессы, «вкладывают средства» в установление особых отношений с теми государственными чиновниками, в чьей компетенции находится принятие судьбоносных для бизнеса решений.

Фиктивная экономика теснейшим образом связана с поиском субъектами хозяйствования выгоды, получением «ренды», обусловленной особым положением в системе складывающихся экономических и неформальных связей. Наряду с естественной рентой, имеющей место в любой экономике, на этапе перехода к рынку появляется многочисленная группа искусственно созданных рент, обусловленных: – обеспечением для определенной группы предприятий особого (льготного) режима функционирования; – неравными условиями участия различных субъектов хозяйствования в приватизационном процессе; – неотрегулированностью отношений собственности и отсутствием закона «О собственности в Российской Федерации»; – правом многих политических и бюрократических структур (их аппарата) влиять на принятие решений по распределению материальных благ, доходов, собственности.

Рентоориентированное поведение стимулирует создание в России различных лоббистских группировок, обладающих определенным коррупционным потенциалом давления, таких, как нефтяная, аграрная и др.; набирает мощь финансово-торговое лобби, немалую роль играют региональные лоббистские группировки и др.

В то же время особое значение приобретает ужесточение борьбы между традиционными лоббистскими группами коррумпированного давления и мафиозно-криминальными структурами. Этап, когда мафиозно-криминальные группировки контролировали мелкие коммерческие структуры и криминальный бизнес, не пересекаясь с отраслевыми группировками, по-видимому, прошел.

На этапе установления криминального контроля над несколькими сотнями мелких коммерческих банков, не имеющих решающего значения в экономике и выполняющих лишь роль расчетных касс для своих учредителей, интересы отраслевых криминальных группировок возрастают, и они не могут не вступать в борьбу за передел сфер влияния в наиболее доходных секторах экономики, каковыми являются экспортно-импортные и банковские операции, а также операции с недвижимостью, земельными участками, драгоценными металлами и камнями.

Характерно, что именно на рубеже 80-х – 90-х годов XX века произошло кардинальное изменение взглядов некоторых влиятельных специалистов на проблему теневой экономики.

Специфика нынешнего олигархического режима в России заключается в неразделенности государственной (исполнительной) власти и частного бизнеса, приватизации властных полномочий государства чиновниками, ставшими «по совместительству» предпринимателями, или бизнесменами-банкирами, ставшими в одночасье важнейшими фигурами в структуре государственной власти.

В современной России у значительно более широких, чем кажется на первый взгляд, слоев населения формируется заинтересованность в сохранении правового беспредела в экономической сфере, в росте теневой экономики и участия в ней. Именно здесь сегодня решаются как проблемы обогащения и первоначального накопления капитала, так и задача физического выживания подавляющей части граждан. Как следствие мы имеем беспрецедентный рост экономической преступности, появление новых видов и способов совершения преступлений и усложнение проблемы борьбы с ними.

Литература:

1. Источник: «РоШесопот»; Изя-во Фонд «За экономическую грамотность»

Скачко А. В.

к.ю.н., доцент, Краснодарский университет МВД России

Skachko A.V.

PhD, Associate Professor

Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ, ВЗИМАЕМЫХ С ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА (СТ. 194 УК РФ)

LEGAL REGULATION OF LIABILITY FOR EVASION OF CUSTOMS DUTIES LEVIED ON THE ORGANIZATION OR INDIVIDUAL (ARTICLE 194 OF THE CRIMINAL CODE)

Аннотация. Автор анализирует нормативно-правовые акты, регламентирующие административную и уголовную ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического

лица в условиях таможенного соглашения между Россией, Белоруссией и Казахстаном.

Annotation. The author analyzes the normative legal acts regulating administrative and criminal liability for evasion from customs payment, collected from the organization or the individual in the conditions of the customs agreement between Russia, Belarus and Kazakhstan.

Ключевые слова: таможенные платежи, контрабанда, Таможенный союз, государственная граница, таможенная и пограничная службы, применение насилия, организованная группа.

Keywords: customs payments, smuggling, the Customs union, frontier, customs and boundary services, the violence application, the organized group.

Стратегическими задачами норм таможенного, налогового, уголовного законодательства, реализуемых в настоящее время соответствующими органами государственной власти, по нашему мнению, являются:

- обеспечение в пределах своей компетенции мер по защите национальной безопасности Российской Федерации и других государств-членов таможенного союза, жизни и здоровья человека, животного и растительного мира, окружающей среды;

- осуществление в соответствии с международным договором государств - членов таможенного союза мер по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при осуществлении контроля за перемещением через таможенную границу валюты государств-членов таможенного союза, ценных бумаг и (или) валютных ценностей, дорожных чеков;

- выявление, предупреждение и пресечение административных правонарушений и преступлений в соответствии с законодательством государств - членов таможенного союза;

- обеспечение защиты прав интеллектуальной собственности на таможенной территории России и других государств-членов таможенного союза в пределах своей компетенции.

Законодатель в Таможенном кодексе Таможенного союза и Федеральном законе Российской Федерации «О таможенном регулировании в Российской Федерации» от 27 ноября 2010 года №306-ФЗ сформулировал и иные задачи тактического характера.

В 2012 году таможенные платежи составили 51,2% доходной части федерального бюджета. Поэтому Правительство Российской Федерации уделяет должное внимание деятельности таможенных органов в этом направлении. В этих целях было разработано Положение о системе показате-

лей работы таможенных органов по скорости совершения таможенных операций при ввозе товаров в Российскую Федерацию и вывозе товаров из Российской Федерации, порядке и методике их мониторинга. Одним из основных показателей является «уровень выполнения прогнозируемого задания по администрируемым таможенными органами доходам в Федеральный бюджет» [1].

Особое место в системе показателей занимают результаты противодействия преступлениям и правонарушениям. На эффективность этого направления, согласно постановлению Правительства, являются:

а) доля товарных партий ввозимых (вывозимых) товаров, в отношении которых проведен таможенный досмотр, в общем количестве товарных партий, в отношении которых подана декларация на товары (процентов);

б) доля товарных партий, подвергнутых таможенному досмотру, в результате которых выявлены нарушения таможенного законодательства и законодательства Российской Федерации о таможенном деле либо в результате которого в выпуске товаров было отказано, в общем объеме рассматриваемых партий товаров (процентов);

- доля результативных таможенных проверок после выпуска товаров в общем количестве завершенных таможенных проверок (процентов).

Руководством Федеральной таможенной службы принимаются меры и по нейтрализации возможных коррупционных проявлений среди сотрудников таможенных органов. Принят приказ №723 от 16 апреля 2013 г. «О порядке поступления обращений и заявлений в комиссию по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационную комиссию) таможенного органа Российской Федерации. Этим же приказом установлена обязанность государственных служащих таможенных органов представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Председатель соответствующей аттестационной комиссии таможенного органа при поступлении к нему информации об обращении организует его рассмотрение в соответствии с Указом Президента Российской Федерации [2].

Для более оперативного и эффективного решения задач по формированию бюджета за счет таможенных платежей созданы правовые предпосылки взаимодействия Таможенной службы РФ и Центрального банка РФ.

Принято специальное Положение об организации взаимного информирования, в соответствии с которым таможенные органы обязаны информировать Центральный банк РФ и уполномоченные банки о зарегистрированных декларациях на товары. Федеральная таможенная служба не позднее 3 рабочих дней со дня выпуска (условного выпуска) таможенными органами товаров по списку согласно приложению № 1 передает информацию в электронном виде Центральному банку РФ. По списку товаров, согласно приложению № 2, Федеральная таможенная служба не позднее 3 рабочих дней со дня выпуска (условного выпуска) таможенными органами товаров передает информацию в электронном виде уполномоченному банку.

В свою очередь Центральный банк РФ обязан обеспечить направление сводных архивных файлов территориального учреждения в Федеральную таможенную службу не позднее 18 часов по московскому времени рабочего дня, следующего за днем их формирования. Основная цель организации этого взаимодействия заключается в осуществлении валютного контроля в масштабе страны [3].

Важнейшим документом, направленным на создание необходимой правовой базы для обеспечения своевременной и полной уплаты таможенных платежей, является административный регламент Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги ведения Реестра владельцев таможенных складов (Реестр ТС). На всех этапах функционирования таможенного склада (от включения в Реестр и исключения из него) осуществляется проверка возможности юридического лица по уплате таможенных платежей и налогов, а также реального исполнением им этих обязанностей.

Правовому закреплению гарантий по обеспечению своевременной уплаты таможенных пошлин, налогов способствует и принятый Федеральной таможенной службой Административный регламент по предоставлению государственной услуги по ведению реестра банков. Инициатором, заинтересованным в предоставлении государственной услуги, выступают банки, иные кредитные организации и страховые организации. Инициатор (заявитель) обращается в таможенный орган с заявлением о предоставлении государственной услуги, которая должна быть предоставлена в срок не более тридцати календарных дней. Административным регламентом установлен перечень документов, свидетельствующих о наличии у заявителя гарантий для уплаты таможенных пошлин, налогов. Результатом предоставления услуги в зависимости от обстоятельств может быть три решения:

- включение банка, или иной кредитной организации и (или) их филиалов, страховой организации в реестр;
- исключение банка, или иной кредитной организации и (или) их филиалов, страховой организации из реестра;
- внесение изменений в реестр [4].

Для достижения этой же цели Федеральной таможенной службой разработан порядок и формы отчетности лиц, которые осуществляют деятельность в сфере таможенного дела. Этот порядок основан на положениях Таможенного кодекса Таможенного союза и Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации». Отчеты в соответствующих формах представляют: таможенные перевозчики, владельцы таможенных складов, владельцы магазинов беспошлинной торговли, таможенные представители [5].

Нельзя не обратить внимания на приказ Федеральной таможенной службы от 29 декабря 2012 г. № 2688, которым определен порядок концентрации информации о помещении товара на склад временного хранения или его выдачи [6].

Таможенная служба так же, как и пограничная, с момента создания была ориентирована на охрану государственных границ с целью пресечения экономических интервенций как извне, так и изнутри. С давних времён на границах Российского государства, где проходили торговые пути (сухопутные, морские, речные) создавались таможенные заставы, таможенные посты. Основные задачи, стоявшие перед ними, заключались в обеспечении экономической безопасности государства, предотвращении ввоза на территорию страны запрещённой продукции, а также в получении таможенных пошлин в бюджет государства за ввоз в страну разрешённого импортного товара [7]. На решение этих задач всегда и было нацелено уголовное законодательство России до и после 1917 года. Например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в главе 8 «О нарушении уставов таможенных» была предусмотрена ответственность за контрабанду и уклонение от уплаты таможенных платежей. Эта глава состояла из 141 статьи, причем положения о контрабанде пронизывали все отделения главы [8]. Следовательно, контрабанда как уголовно-наказуемое деяние, лежало в основе системы таможенных правонарушений.

Поэтому законодательный подход к регламентации ответственности за контрабандные преступления, получивший реализацию в Федеральном законе от 07.12. 2011 № 420-ФЗ, без преувеличения можно назвать эпо-

хальным. Из содержания 22 главы «Преступления в сфере экономической деятельности» была исключена ст. 188 УК РФ «Контрабанда». Одновременно ст. 194 УК РФ «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица» была дополнена двумя частями.

В части 3 ст. 194 УК РФ законодатель регламентирует ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, при наличии двух квалифицирующих признаков:

- п. «а» ч. 3 ст. 194 УК – это совершение преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения;
- п. «б» ч. 3 ст. 194 УК совершенное с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль.

В части 4 ст. 194 УК РФ законодатель установил ответственность за деяния, предусмотренные частями второй или третьей этой статьи, совершенные организованной группой.

Включение таких квалифицирующих признаков, как совершение преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения и организованной группой, вполне обосновано, соответствует сложившейся криминальной ситуации. В то же время включение квалифицирующего признака, связанного с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, достаточно спорно и требует дополнительного обоснования с учетом специфики преступления, связанного с уклонением от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица. Логически, применение насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, возможно только при контрабандном перемещении товаров через государственную или таможенную границу.

На протяжении нескольких веков протекал процесс становления уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за таможенные преступления. Все это время законодатель употреблял одновременно понятия контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей. В тот период уголовное и таможенное законодательства использовало понятие «дефракдации», которое включало обманное мошенническое уклонение от уплаты таможенных пошлин и контрабанду [9].

Но, как мы уже отметили, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. контрабанду составляли действия по тайному ввозу

или вывозу товаров через границу. Если товары были перевезены через таможенную, но перевозчик уклонялся от уплаты таможенных пошлин, то ответственность наступала уже как за уклонение от уплаты таможенных пошлин. Однако четкого разграничения составов этих преступлений еще не было осуществлено [10]. В теоретических работах того периода контрабанда называлась в качестве основного способа уклонения от уплаты таможенных платежей, можно сказать, находилась на истоках ответственности за таможенные преступления.

Однако масштабные изменения внешнеэкономической деятельности актуализировали проблему регламентации уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей. Основной состав рассматриваемого преступления сформулирован следующим образом: «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, совершенное в крупном размере». В данном случае речь идет об уклонении от уплаты ввозной и вывозной пошлин, налога на добавленную стоимость, акцизов, таможенных сборов. Объективные и субъективные признаки состава этого преступления по своей характеристике имеют сходство с составом уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ст. 198 УК РФ) и составом уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199 УК РФ). Показательно, что в законодательстве ряда зарубежных стран этот вид правонарушений относят к таможенно-налоговым правонарушениям [11].

Понятие «таможенные платежи» в таможенном и уголовном законодательстве носит собирательный характер. К таможенным платежам в соответствии со статьей 70 Таможенного кодекса Таможенного союза «Таможенные платежи» относятся:

- 1) ввозная таможенная пошлина и вывозная таможенная пошлина;
- 2) налог на добавленную стоимость, взимаемый при ввозе товаров на таможенную территорию таможенного союза;
- 3) акцизы, взимаемые при ввозе товаров на таможенную территорию таможенного союза;
- 4) таможенные сборы.

В условиях функционирования Таможенного союза они получили определенную специфику в своей реализации. Это связано с тем, что во внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в настоящее время особое место занимают также меры нетарифного регулирования. Суть их определена в Таможенном кодексе Таможенного союза. Это комплекс мер регулирова-

ния внешней торговли товарами, осуществляемых путем введения количественных и иных запретов и ограничений экономического характера, которые установлены международными договорами государств-членов таможенного союза, решениями Комиссии таможенного союза и нормативными правовыми актами государств-членов таможенного союза, изданными в соответствии с международными договорами государств-членов таможенного союза. Формирование таможенного союза предусматривает создание единой таможенной территории, в пределах которой не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. В рамках таможенного союза применяется единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими странами.

Однако основная суть содержания этих терминов, и ранее имевших место в таможенном законодательстве, сохранилась. Так, *таможенная пошлина* – это соответствующий платеж, который взимают таможенные органы при ввозе товаров на таможенную территорию Таможенного союза и вывозе товаров с этой территории. Таможенная пошлина исторически с давних времен является необходимым условием такого внешнеторгового оборота. Налоги на добавленную стоимость и акцизы, взимаемые таможенными органами при ввозе товаров на таможенную территорию таможенного союза, регламентированы Налоговым кодексом. Ввоз товаров на таможенную территорию Таможенного союза в соответствии с регламентацией Таможенного кодекса – это совершение действий, связанных с пересечением таможенной границы, в результате которых товары прибыли на таможенную территорию Таможенного союза любым способом. Ввоз товаров охватывает и пересылку в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до их выпуска таможенными органами.

Таможенные пошлины всех видов (специальные, антидемпинговые и компенсационные пошлины) устанавливаются в соответствии с международными договорами государств-членов таможенного союза и (или) законодательством конкретных государств-членов Таможенного союза (России, Белоруссии и Казахстана). Они взимаются в порядке, предусмотренном Таможенным кодексом, если законодательством не установлено иной порядок. В отношении товаров для личного пользования предусмотрен особый порядок с учетом особенностей, установленных главой 49 Тамо-

женного союза Кодекса и международным договором государств-членов таможенного союза.

Таможенное законодательство регламентирует деятельность, связанную не только с ввозом товаров, но и с их вывозом, а также выпуском товаров. Вывоз товаров с таможенной территории Таможенного союза определен в Таможенном кодексе как совершение действий, направленных на вывоз товаров с таможенной территории таможенного союза любым способом, включая пересылку в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до фактического пересечения таможенной границы. Выпуск товаров заключается в действии таможенных органов, разрешающем заинтересованным лицам использовать товары в соответствии с условиями заявленной таможенной процедуры или в соответствии с условиями, установленными для отдельных категорий товаров, не подлежащих в соответствии с настоящим Кодексом помещению под таможенные процедуры [12] .

Важнейшим документом, направленным на создание необходимой правовой базы для обеспечения своевременной и полной уплаты таможенных платежей, является Административный регламент Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги ведения Реестра владельцев таможенных складов (Реестр ТС). На всех этапах функционирования таможенного склада (от включения в Реестр и исключения из него) осуществляется проверка возможности юридического лица по уплате таможенных платежей и налогов, а также реального исполнением им этих обязанностей.

В соответствии с административным регламентом при получении заявления таможенный орган осуществляет следующие действия:

а) проверяет сведения о наименовании, об организационно-правовой форме Заявителя, о месте нахождения, об открытых банковских счетах;

б) сверяет сведения о предоставлении обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов;

в) устанавливает наличие свидетельства о постановке Заявителя на учет в налоговом органе, а также документы, подтверждающие предоставление обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов; подтверждение из банков об открытых в них счетах.

При отсутствии документов, подтверждающих предоставление таможенному органу соответствующего подтверждения обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов, Заявителю предлагается в срок, не превы-

шающий 30 дней, представить подтверждающие документы. При поступлении информации о принятии обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов представляется в подразделение таможни, которое осуществляет контроль за применением таможенных процедур.

При наличии соответствующих документов таможенный орган проводит таможенный осмотр помещений, которые будут использованы в качестве таможенного склада. Решение о включении юридического лица (Заявителя) в Реестр ТС принимается при соблюдении условий, установленных Таможенным кодексом ТС и Федеральным законом, приказом таможни. Заявителю оформляется соответствующее Свидетельство. По требованию Заявителя ему возвращаются оригиналы всех документов, за исключением оригиналов документов, подтверждающих предоставление обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов. Оригиналы этих документов хранятся в структурном подразделении таможни, основной функцией которого является обеспечение уплаты таможенных пошлин, налогов.

Таким образом, после включения юридического лица (Заявителя) в Реестр ТС таможня осуществляет контрольные функции за исполнением владельцами таможенных складов обязанностей по порядку функционирования таможенных складов, установленных ст. 31 Таможенного кодекса Таможенного союза. Параллельно специальное структурное подразделение таможни обеспечивает исполнение обязанности по уплате ввозных таможенных пошлин и налогов в соответствии с ТК ТС [13].

Установлен порядок представления в таможенные органы отчетности о хранящихся, перевозимых, реализуемых, перерабатываемых и (или) используемых товарах и о совершенных таможенных операциях лица, пользующегося и (или) владеющего иностранными товарами, помещенными под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления. Это при условии, если лицу предоставлены льготы по уплате таможенных пошлин, налогов, сопряженных с ограничениями по пользованию и (или) распоряжению этими товарами [14].

Объективная сторона уклонения от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица, предполагает пассивное поведение субъекта преступления, которое может проявляться различно [15]. Среди наиболее распространенных способов уклонения от уплаты таможенных платежей, встречающихся на практике и охарактеризованных в уголовно-правовой литературе, можно выделить следующие:

1) представление в таможенной декларации, а равно в иных документах, необходимых для осуществления таможенных операций, недостоверной информации по вопросам таможенной стоимости товаров и транспортных средств или страны их происхождения;

2) представление в таможенной декларации иных недостоверных сведений, создающих возможность освобождения от таможенных платежей или уменьшения их размера;

3) злоупотребление предоставленным таможенным законодательством правом на возврат уплаченных таможенных платежей без надлежащих оснований путем представления таможенному органу недостоверных сведений, содержащихся в соответствующих документах;

4) неуплата без уважительных причин определенных таможенным законодательством Таможенного союза или таможенными органами России в пределах их полномочий таможенных платежей в установленном порядке, а равно в соответствующих размерах и сроке;

5) предоставление заведомо подложных финансовых документов об уплате таможенных платежей либо подтверждающих обеспечение их уплаты.

Рассмотренные способы нарушения таможенного законодательства традиционно не связывали с перемещением товаров через таможенную границу Российской Федерации [16]. Перевозчик, пройдя внутреннюю таможню, где должно было быть принято окончательное решение об освобождении от таможенного контроля груза, уклоняется от уплаты таможенных платежей. В данном случае нарушение таможенного режима не влияет само по себе на перемещение товаров через таможенную границу. Поэтому именно по содержанию рассмотренных способов противоправного поведения лиц, нарушающих таможенный режим, и в судебной практике, и теории уголовного права состав уклонения от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ) отграничивали от состава контрабанды (ст. 188 УК РФ) [17]. Соответственно, уклонение от уплаты таможенных платежей объективно не может предполагать даже возможность применения насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль.

Силовое воздействие на представителей пограничной или таможенной службы возможно только при незаконном перемещении товаров через таможенную или государственную границу. Незаконным перемещение товаров через таможенную границу будет считаться тогда, когда оно осуществляется вне установленных мест или в неустановленное время работы

таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля. Возможны и такие способы, как недостоверное декларирование или недекларирование товаров, либо перемещение связано с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации, равно как и покушение на такое перемещение. Однако во всех случаях имеет место незаконное перемещение товаров через таможенную или государственную границу, т. е. контрабанда.

В данном случае имеет место определенная нестыковка содержания основного состава преступления (ч. 1 ст. 194 УК РФ) и особо квалифицированного (п. «б» ч. 3 ст. 194 УК РФ). Уклонение от уплаты налога или акциза в его классическом понимании путем насилия над пограничником или таможенником звучит, как минимум, парадоксально. Поэтому при отсутствии понятия контрабанды товаров, не исключенных из свободного гражданского оборота, целесообразно скорректировать редакцию рассматриваемого особо квалифицирующего признака. Справедливости ради следует отметить, что законодатель частично «вернул» состав контрабанды товаров в виде наличных денежных средств и (или) денежных инструментов в систему Особенной части УК РФ (ст. 200¹).

Кроме того, необходимо уточнить степень допустимого для этих случаев насилия, чтобы обеспечить объективно обоснованную дифференциацию уголовной ответственности. Например, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему будет требовать квалификации по совокупности ст. 194 и ст. 111 УК РФ. Но это, с одной стороны, влияет на неоправданное увеличение статистических показателей, с другой – на назначение наказания, и наконец, на чистоту квалификации совершенного преступления.

С учетом отмеченного, мы предлагаем внести в редакцию ст. 194 УК РФ следующие коррективы. В части 3 ст. 194 УК РФ объединить такие квалифицирующие признаки, как совершение данного преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения и совершение его организованной группой. По характеру и степени общественной опасности деяния, совершенные при наличии отмеченных квалифицирующих признаков, предлагаемые нами редакции квалифицированных составов преступлений можно приравнять.

В то же время в части 4 ст. 194 УК РФ сформулировать состав уклонения от уплаты таможенных платежей, сопряженного с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль.

При этом конкретно определить в данной уголовно-правовой норме степень насилия, вплоть до причинения тяжкого вреда здоровью с установлением соответствующей санкции: «Контрабандное перемещение товаров через государственную или таможенную границу с целью уклонения от уплаты таможенных платежей, сопряженное с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей, или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет».

Литература:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2012 г. №994 «Об утверждении положения о системе показателей работы таможенных органов Российской Федерации, порядке и методике их мониторинга» // Российская газета. 2012. 5 октября.

2. Приказ Федеральной таможенной службы (ФТС России) от 6 апреля 2012 г. № 666 «О порядке поступления обращений и заявлений в комиссию по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационную комиссию) таможенного органа Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 17 июля.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. №1459 «О порядке передачи таможенными органами Центральному банку Российской Федерации и уполномоченным банкам в электронном виде информации о зарегистрированных таможенными органами декларациях на товары» // Российская газета. 2013. 11 января.

4. Приказ Федеральной таможенной службы от 6 апреля 2012 г. № 666 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению реестра банков, иных кредитных организаций и страховых организаций, обладающих правом выдачи банковских гарантий уплаты таможенных пошлин, налогов» // // Российская газета. 2012. 22 августа.

5. Приказ Федеральной таможенной службы от 28 декабря 2010 г. № 2636 «Об утверждении порядка и формы отчетности лицами, осуществляющими деятельность в сфере таможенного дела» // Российская газета. 2011. 2 марта.

6. Приказ Федеральной таможенной службы от 29 декабря 2012 г. № 2688 «Об утверждении Порядка предоставления документов и сведений в

таможенный орган при помещении товаров на склад (иные места временного хранения товаров), помещения (выдачи) товаров на склад временного хранения (со склада) и иные места временного хранения, представление отчетности о товарах, находящихся на временном хранении, а также порядка и условий выдачи разрешения таможенного органа на временное хранение товаров в иных местах» // Российская газета. 2013. 3 июля.

7. Прохорова М.Л., Нальгиев Р.К. Контрабанда: вопросы уголовной ответственности Саратов. 2002. С. 25-29.

8. Бытко Ю.И.

9. Ларичев В. Д., Гильмутдинова Н.С. Таможенные преступления. М., 2001. С. 14-15.

10. Шапошников Н.Н. Таможенная политика России до и после революции. М., 1924. С. 52-55.

11. Кот А.Г. Налоговые отношения как объект уголовно-правовой охраны. Труды Академии МВД России. М., 1996. С. 124.

12. Таможенный кодекс Таможенного союза (в ред. Протокола от 16.04.2010 г.).

13. Приказ Федеральной таможенной службы от 20 февраля 2012 г. № 294 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги ведения Реестра владельцев таможенных складов» // Российская газета. 2012. 30 мая.

14. Приказ Федеральной таможенной службы от 1 марта 2012 г. № 378 «Об утверждении формы отчетности о хранящихся, перевозимых, реализуемых, перерабатываемых и (или) используемых товарах и о совершенных таможенных операциях лица, пользующегося и (или) владеющего иностранными товарами, помещенными под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления с предоставлением льгот по уплате таможенных пошлин, налогов, сопряженных с ограничениями по пользованию и (или) распоряжению этими товарами, а также порядка представления в таможенные органы» // Российская газета. 2012. 16 мая.

15. Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления. СПб., 1999. С. 110-111.

16. Васильчиков И.С. Преступления в сфере экономики. Ростов-на-Дону. 2007. С. 181-187.

17. Васильчиков И.С. Преступления в сфере экономики. Ростов-на-Дону, 2007. С. 181-187; См.: Ларичев В.Д., Гильмутдинова Н.С. Таможен-

ные преступления. М., 2001. С. 187-190; Ларичев В.Д. Уголовная ответственность за нарушения налогового законодательства // Государство и право. № 7. 1997. С. 40-42.

Халдина Е.Е.

адъюнкт Краснодарского университета МВД России

Haldina E.E.

associate Krasnodar University

Russian Ministry of Internal Affairs

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ON THE FEATURES OF LIABILITY SOLDIERS AND PUNISHMENT, OFFENDERS

Аннотация. Автором затронуты проблемы оценки особенностей наказаний за совершение преступлений военнослужащими, в сфере общероссийской преступности, как с позиций специальных субъектов, так и общеуголовных.

Annotation: The author touches upon the problems of features assess penalties for Strongly solution of crimes by military personnel in the all-Russian crime as a positive Nations special subjects and ordinary.

Ключевые слова: военнослужащие, совершившие преступления; ответственность военнослужащих, наказание военнослужащих.

Keywords: soldiers who committed the crime; responsibility of military personnel, military punishment.

В условиях современного политического, экономического и военного состояния мировой общественности, участвовавших межгосударственных и международных конфликтов, для установления международного мира и защиты целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, оборона страны является одним из стратегических важных направлений государственной деятельности, что было указано в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации еще 10 января 2000 года.

Вместе с этим, Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» в статье 1 определяет, что Вооруженные Силы Российской Федерации создаются в целях обороны и предназначены для отражения агрессии против Российской Федерации, вооруженной защиты целостности и

неприкосновенности территории Российской Федерации, а также для выполнения задач в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

В связи с тем, что на военнослужащего возложена обязанность государственной важности, большое значение имеет поддержание воинской дисциплины и всего порядка прохождения военной службы от преступных посягательств в Вооруженных силах на должном высоком уровне. В связи с этим институт наказания за совершенное военнослужащим преступление является достаточно значимым, так как помимо общих целей наказания, таких как восстановление социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, существует специальная, такая как поддержание воинской дисциплины.

Резкий рост преступлений, совершенных военнослужащими, указывает на необходимость повышения эффективности наказания, применяемого к военнослужащим. Поэтому актуальность избранной темы уголовно-правового и криминологического исследования определяется и тем, что проводимое исследование системы наказания, применяемых к военнослужащим за совершенные преступления поможет повысить эффективность его применения, что в свою очередь повысит дисциплину в Вооруженных Силах Российской Федерации, обороноспособность государства и его способность выполнять обязательства, предусмотренные международными договорами.

Так, отдельные аспекты исследования проблем привлечения к уголовной ответственности военнослужащих представлены в работах: Ахметшина Х.М., Васильева Н.В., Ищенко А.В., Лобова Я.В., Нестерец М.Ф., Птицына М.Ю., Толкаченко А.А., Хомякова А., Швецова В.С., Шилова А.И., Шулепов Н.А., Шупленкова В.П., Шупленкова В.П. Шупленкова В.П. и других ученых и правоприменителей, так как институту наказания военнослужащих все же уделялось большое внимание со стороны научного сообщества.

Однако состояние и динамика преступности военнослужащих позволяют сделать вывод о том, что система наказаний нуждается в корректровке.

Изменения, вносимые в уголовное законодательство, изменение социально-экономической и политической ситуации в стране также оказывают свое влияние на криминогенную обстановку в вооруженных силах, в связи с чем требуется более тщательное исследование проблем, связанных

с назначением и исполнением наказания военнослужащих. И кроме того, значительная часть трудов относится к периоду до 1996 года, когда не был еще принят действующий в настоящее время Уголовный кодекс РФ.

В связи с постоянными социально-экономическими, политическими и нормативно-правовыми изменениями, происходящими в обществе и государстве, явно прослеживается как правовая, так и политическая проблема в том, что система наказаний нуждается в совершенствовании.

Научные труды авторов в области применения наказания к военнослужащим в основном затрагивают какой-либо отдельный вид наказания, в данной работе предполагается провести комплексный анализ видов наказания, применяемых к военнослужащим за совершенные преступления, рассмотреть вопросы, возникающие в практике по реализации данных мер, направленные на повышение эффективности наказаний, применяемым к военнослужащим за совершенные преступления, что в свою очередь повлияло бы на повышение уровня соблюдения дисциплины в Вооруженных силах Российской Федерации.

**Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья
населения, общественной нравственности и иных
социально-значимых интересов**

Материалы II Международной научно-практической конференции

Часть II

Печатается по решению научно-методического и
редакционно-издательского советов КСЭИ

Подписано в печать 07.06.13.
Формат 60×84. Усл.печ.л. 13,5. Тираж 300 экз.

Издательство Кубанского социально-экономического института.
350018, г. Краснодар, ул.Камвольная, 3